

**ОСТРОВЪ ЭЗЕЛЬ,
ГОРОДЪ АРЕНСБУРГЪ**

И

ИХЪ ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОСТИ.

Александра Ае. Благовѣщенскаго.

СЪ 52 РИСУНКАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1881.

Печатано по распоряженію Археологического Института.

Директоръ *Н. Калачовъ.*

ПОСВЯЩЕНО

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ГРАФУ

ДМИТРІЮ АЛЕКСѢВИЧУ

МИЛЮТИНУ.

Графъ Дмитрій Алексѣвичъ,

Призванный требованіями исторіи измѣнить строй нашей арміи, Вы, Ваше Сіятельство, государственнымъ Своимъ умомъ, при самомъ вступленіи въ управленіе Военнымъ Министерствомъ, вѣрно поняли, что разумное образованіе есть первое необходимое условіе для поднятія нашей арміи на высоту, отвѣчающую современнымъ требованіямъ. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе двадцатилѣтней Вашей дѣятельности, какъ Военнаго Министра, Вы постоянно оставались вѣрнымъ принятому Вами направленію и среди многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ, не смотря на всѣ времена неблагопріятныя условія, Вы съ особою любовью относились ко всѣмъ мѣропріятіямъ, долженствующимъ способствовать образованію какъ рядоваго, такъ и офицера. Военныя гимназіи постоянно пользовались особенно милостивою Вашею заботливостью; онѣ всегда были близки Вашему сердцу. Чуждый узкихъ взглядовъ, Вы, Ваше Сіятельство, твердо сознавали, что воспитаніе юношества тогда только можетъ быть плодотворнымъ, когда лица, призванные къ исполненію многотрудной обязанности воспитателя, будутъ пользоваться полнымъ довѣріемъ высшей власти. Благодаря такому гуманному отношенію Вашего Сіятельства къ лицамъ, имѣвшимъ счастье служить подъ Вашимъ началомъ,

въ тѣ тяжелые историческіе моменты, когда общественный горизонтъ покрывали мрачныя тучи, надъ военными гимназіями если и не свѣтило яркое все животворящее солнце, по крайней мѣрѣ, оставалось ясное голубое небо. Такое отношеніе давало возможность служащимъ спокойно и безтрепетно предаваться своему дѣлу, а свободное отъ службы время посвящать на труды, приносящіе посильную пользу обществу.

Ваше Сіятельство, беру на себя смѣлость посвятить Вашему дорогому имени мой скромный трудъ, какъ слабое выраженіе чувствъ глубочайшаго уваженія и искреннѣйшей преданности, питаемыхъ не только мною лично, но и всѣми членами нашей многочисленной военно-учебной корпораціи.

Вашего Сіятельства

покорнѣйшей слуга,

Воспитатель 1-й С.-Петербургской Военной Гимназіи.

Александръ Благовѣщенскій.

18-го Іюня 1881 года.

ОСТРОВЪ ЭЗЕЛЬ И ЕГО ДРЕВНОСТИ.

I. Топографія, гидрографія, геологія и орографія острова.

Островъ Эзель, наибольшій и важнѣйшій изъ всѣхъ острововъ Лифляндіи и всего Балтійскаго моря, расположенъ между 58 и 59° сѣверной шир. и 40 и 41 д., въ разстояніи 6 миль отъ Курляндскаго берега. Онъ занимаетъ 2270 кв. верстъ, въ длину 96, въ ширину 72 версты. Фигура его продолговата и дугообразна. Берега извилисты и образуютъ множество мысовъ и полуострововъ. Первоначально Эзель составлялъ съ Мономъ одинъ только островъ. Когда между ними образовался проливъ, достовѣрно неизвѣстно; нѣкоторые полагаютъ, что это было въ 1309 году, памятному по большому приливу моря. Всѣмъ растяженіемъ своимъ заслоня входъ въ Рижскій заливъ, два острова, Монъ и Эзель, теперь раздѣлены между собою мелководнымъ и узкимъ проливомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Малаго Зунда, и къ югу открываютъ ворота шириною въ 35 верстъ, а къ сѣверу и востоку отдѣляются отъ матерой земли и отъ острова Дагденъ двумя проливами — Большимъ Зундомъ и Созло-Зундомъ; западныя же ихъ берега омываются Балтійскимъ моремъ. По очертанію и геогностической формациіи Монъ, составляя принадлежность Эзеля, всегда раздѣлялъ всѣ судьбы его, и нынѣ образуетъ одинъ изъ эзельскихъ приходо-въ. Судя по окаменѣлымъ остаткамъ разнаго рода коралловъ и зоофитовъ, которыхъ встрѣчается несмѣтное множество въ известнякѣ Эзеля, Мона, Даго

и Готланда, острова эти относятся къ другой геологической эпохѣ, нежели балтійскія побережья, которыя поднялись со дна моря гораздо ранѣе. Основную почву Эзеля составляет известнякъ, медленно отложившійся болѣе или менѣе горизонтальными слоями, опредѣленіе послѣдовательности которыхъ облегчается тѣмъ, что море служить здѣсь естественнымъ горизонтомъ. На западномъ берегу эти слои простираются въ иныхъ мѣстахъ подъ водою верстъ на 13 отъ берега и составляютъ опасные рифы.

Подъ известнякомъ лежитъ песчаникъ, далѣе глинистый сланецъ и наконецъ глина. Въ известнякѣ часто встрѣчаются желѣзосодержащіе шиферные слои. Наносная почва состоитъ изъ смѣси извести, песку, глины и чернозема, и во многихъ мѣстахъ усѣяна гранитными валунами. Юго-западная часть Эзеля въ своихъ нижнихъ пластахъ отличается особенными родами раковъ (*Eurypterus*, *Pterigotus*). Въ среднемъ-же и верхнемъ песчаникахъ находится много остатковъ рыбъ (*Conodonten*, *Saphalospiden*, *Ranoiden*, *Coelolepiden* и др.). Эти высочайшія силурійскія образованія представляютъ переходъ къ формации девонской, которая особенно рѣзко обозначается въ бассейнахъ Пернавы, гдѣ, выше богатаго кремнеземомъ пентамернаго доломита, лежитъ песчаникъ безъ окаменѣлостей; сверху и среди послѣдняго видѣны на небольшомъ пространствѣ, какъ въ бассейнѣ Пернавы, такъ и при Торгелѣ, верхне-силурійскій глинистый мергель (*Thonmergel*) съ *Eurypterus*, *Enerimogus punctatus*, *Calymene*, *Blumenbachii* и др. На этихъ-то образованіяхъ лежатъ настоящіе девонскіе песчаники.

Относительно формы распространенія, верхнесилурійскія образованія Лифляндіи имѣютъ вообще связь съ таковыми-же Эстляндіи, гдѣ однако нижніе пласты силуры обнажены.

Лифляндскіе силурійскіе пласты на востокъ, въ окрестностяхъ Лайсхольма; начинаютъ повышаться и немного сѣвернѣе достигаютъ высоты 300 фут. На западъ они все болѣе и болѣе понижаются и въ Кокенкау нисходятъ до 70; далѣе-же, у морскаго берега, они достигаютъ его уровня. У береговъ Мона и Эзеля пласты эти снова появляются на высотѣ 100'. Поднятіе пластовъ на материкѣ бываетъ преимущественно съ NW къ SO, а на островахъ кромѣ того и съ NO къ SW. Весьма замѣчательно на островѣ Эзелѣ возвышеніе близъ имѣнія Заль, имѣющее воронкообразное

углубленіе въ видѣ кратера; возвышеніе это эллиптической фигуры, имѣеть 25—30 ф. высоты надъ окружающею мѣстностью; скаты его покрыты лиственннымъ лѣсомъ, а пересѣченная вершина составляетъ верхъ воронкообразнаго углубленія, на днѣ котораго, въ 56-ти футахъ, находится прудъ. Окружность верхняго круга обращенной воронки простирается до 930 ф., діаметръ его до 315 ф., діаметръ нижняго круга, посреди котораго находится прудъ, — 160—170 ф. Въ прежнія времена глубина пруда была столь велика, что Люце, въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, нашель ее неизмѣримою; въ настоящее-же время прудъ мелокъ и лѣтомъ обыкновенно высыхаетъ. Этотъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, кратеръ представляетъ правильный конусъ, заключенный въ холмъ и имѣющій около 33 сажень въ діаметръ и болѣе 7 сажень глубины. Я самъ видѣль этотъ спорный кратеръ. Дорожка къ нему постепенно поднималась, огибая холмъ между крупными, высокими деревьями и прекрасными кустами. Свѣжесть и сила ихъ, также какъ и травъ и цвѣтовъ, неволью обращали на себя наше вниманіе. Такой могучей растительности мы еще нигдѣ на Эзелѣ не видали. Меня удивляли простые обыкновенные лиловые колокольчики: они были настояціе колокола и несмотря на густоту лѣса и тѣни, качались сотнями, во всѣхъ направленіяхъ, на своихъ высокихъ стебляхъ.

Когда мы поднялись выше, дорожка привела насъ къ уютному мѣстечку, уже внутри конуса, гдѣ вокругъ большаго каменнаго стола стоятъ скамейки. Гора, изъ которой внутренніе камни слоями, какъ ребра, выглядывали между заросшихъ лиственннымъ лѣсомъ отдѣльныхъ камней, служить мѣстечку стѣной и защитой съ двухъ сторонъ. Тѣни много, плющъ, обыкновенный нашъ комнатный, пробивается тутъ вездѣ между трещинами, и разныя другія ползучія травки растутъ привольно и доказываютъ, что климатъ здѣсь менѣе суровъ, чѣмъ у насъ подъ Петербургомъ, иначе-бы ихъ тутъ не было въ такомъ изобиліи.

Изъ бесѣдки совершенно видно, что вся середина холма образуетъ провалъ, а на днѣ его, говорятъ впрочемъ очень глубокое, озерцо, точно какъ вставленное зеркальцо, въ которомъ отражается все его окружающее. Этотъ холмъ внутри весь покрытъ очень красивою и сильною растительностію; не смотря на то, что гора вся каменная и камень слоями вездѣ

видѣнъ; внизу, у самой воды, между другими меньшими, стоитъ громадное дерево, кажется, ясень, поднимая гордо верхушку выше холма.

Но что-же образовало этотъ холмъ? Вулканическихъ причинъ или послѣдствій нигдѣ нѣтъ и слѣда; этотъ вопросъ, нерѣшенный до сихъ поръ, вѣроятно долго еще будетъ спорнымъ дѣломъ ученыхъ и геологовъ; но я скажу, что всякому постороннему и не ученому человѣку — интересно и любопытно видѣть эту странную глубокую яму въ круглой каменной горѣ, гдѣ природа какъ будто отступила отъ своихъ мѣстныхъ условій, чтобы создать что-то совершенно особое и непонятное. Образование этого кратера объясняютъ весьма различно: Эйхвальдъ полагаетъ, что провалившіеся известковые пласты образовали углубленіе, подобно тому, какъ оно находится у Паллоюля на островѣ Дагденъ, гдѣ пласты эти расположены въ такомъ-же порядкѣ. Вагенгеймъ приписываетъ образование его дѣйствию подземной силы вулканическаго или плутоническаго свойства. Последнее мнѣніе болѣе согласуется съ наружнымъ видомъ кратера, кругообразный видъ котораго, съ известковыми пластами, правильно понижающимися (подъ угломъ 25° — 40°) отъ внутреннихъ боковъ воронки къ наружнымъ скатамъ горы, могъ, какъ кажется, образоваться только вслѣдствіе дѣйствія подземной силы. Провала здѣсь нельзя предполагать, обвала тоже, потому что, при горизонтальныхъ слояхъ известняка на Эзелѣ, нельзя объяснить большаго, полаго кольцеобразнаго пространства вокругъ кратера и, слѣдовательно, кругообразнаго опущенія внутрь и поднятія наружу. Кромѣ того, какъ объяснить происхожденіе глубокой впадины и окружающаго ее холма? На островѣ-же нѣтъ ни гипса, ни другихъ горныхъ породъ, способствующихъ образованію кольцеобразныхъ вымоинъ или пещеръ. Объ искусственномъ укрѣпленіи, кажется, нельзя и думать: углубленіе въ 24 аршина, съ глубокимъ озеромъ внутри и незначительнымъ наружнымъ валомъ не могло служить обороною даже при дѣтскихъ понятіяхъ о военномъ искусствѣ. Остается принять, что это углубленіе произведено силами природы. Взрывъ газовъ или другая, мгновенно подѣйствовавшая причина изъ центра кратера, гдѣ теперь находится озеро, подняла концентрически слои известняка, оставила по себѣ углубленіе съ холмомъ вокругъ и разбросала обломки камней на сосѣднія поля. Вообще, говоритъ г. Вагенгеймъ фонъ-Кваленъ, зальскій кратеръ представляетъ большое сходство съ такъ-

называемыми маарами или мофеттами при Эйфелъ на лѣвомъ берегу Рейна, въ Богеміи или Оверни, описанными Эли-де-Бомономъ, Фогтомъ и Науманомъ (Lehrb. d. Geognosie. Lpzg, 1849). Фогтъ и Науманъ производятъ ихъ отъ изверженія газовъ или паровъ и называютъ „кратерами отъ взрыва“ (Crateres d'explosion). Не смотря на все это, иные не вѣрятъ возможности существованія кратера и думаютъ, что это городище, какихъ много на островѣ и о которыхъ мы скажемъ далѣе.

На силлурійской и мѣстами девонской почвѣ Эзеля добываются для продажи въ Ригу и Ревель годный для извести матеріалъ и плита. Находящіяся на южномъ его берегу каменоломни, около мызъ Кости и Пихтендаль и кирки Пія, доставляютъ хорошій плитнякъ. Известковые слои ихъ не имѣютъ большой толщины и содержать много окаменѣлостей, камень-же имѣетъ синеватый отливъ и кристаллическое строеніе. Внутри острова, близъ Кармеля, Клаусгольма, Пихеля, Пиделя, Каргеля, Салля и Рео, известнякъ имѣетъ блѣло-сѣроватый цвѣтъ, твердъ, содержитъ очень мало окаменѣлостей и является огромными глыбами въ нѣскольکو футъ толщины. Наибольшая изъ этихъ каменоломень пихельская. Въ кирхшилѣ Кармель добывается известнякъ, который по сильной примѣси песку становится мягче и поэтому оказывается годнымъ не только на постройки, но и на всякія скульптурныя работы. Изъ двухъ послѣднихъ каменоломень вывозится по большой части камень въ другія мѣста; онъ извѣстенъ подъ названіемъ аренбургскаго. По изобилію каменоломень на островѣ, большая часть строеній жилыхъ и хозяйственныхъ выведена изъ камня. Аренбургскія каменоломни, конечно, не такія какъ въ Саксоніи, на Рейнѣ, Швейцаріи, и, главное, въ Финляндіи, откуда была взята Александровская колонна. Но и эзельскій камень много способствуетъ къ украшенію города и составляетъ главный предметъ торговли.

Мѣстоположеніе острововъ Лифляндіи, по крайней мѣрѣ двухъ главныхъ, Эзеля и Моона, очень сходствуетъ съ мѣстностью Эстляндіи, которой они служатъ какъ-бы продолженіемъ. Равнина, постепенно поднимающаяся къ срединѣ и образующая тамъ плоскую возвышенность (Landhücker), составляетъ главный ея характеръ.

Южная часть Эзеля — равнина, берегъ моря — плоскій. При Аренбургѣ, Лоде, Мурратцѣ, Кости, Пига, почва низменна и можно распознать,

что суша постепенно увеличивается такъ, что не остается сомнѣнiя въ томъ, что Эзель, подобно другимъ островамъ скандинавскаго побережья, медленно поднимается изъ моря. Люце говоритъ, что въ теченiе 600 лѣтъ вышли изъ подъ воды большiе участки материка. Малый Зундъ доходилъ прежде до Торни - Мегги, гдѣ теперь на нѣсколько верстъ простираются сѣнокосы и пастбища; между Кескферомъ и Гольмгофомъ было море; названiя многихъ помѣстiй (Oggisaar, Sikkasaar) указываютъ, что это были острова, такъ что за 1000 лѣтъ островъ Эзель не былъ конечно и въ половину величиною противу нынѣшняго. Въ теченiе столѣтiя глубина моря между Даго и Эзелемъ уменьшилась на $\frac{1}{4}$ сажени; между Эзелемъ и Мономъ вмѣсто $1\frac{1}{4}$ сажени нынѣ только 1 аршинъ глубины.

На памяти старожилонъ большiя суда подходили къ самому Аренсбургру, теперь онѣ останавливаются верстахъ въ 12-ти оттуда. Гейнрихъ Латышъ, въ лѣтописи своей „Chronicon Livonicum vetus“ (изд. Галсена, стр. 123), говоритъ, что подплывшiе къ Эзелю, въ 1215 году, епископы Филиппъ и Дитерихъ снасились отъ нападенiй аборигеновъ на корабляхъ своихъ въ гавани, находившейся на южномъ берегу, и, проѣхавъ оттуда водою на западный берегъ, отплыли въ Готландъ. И такъ, гавань эта составляла тогда проливъ, отдѣлявшiй Эзель отъ нынѣшняго полуострова Сворбе. Въ настоящее время остались лишь слѣды этого пролива: на восточной сторонѣ — рѣчка Зальмъ съ мелкимъ неудобнымъ для стоянiя судовъ устьемъ, а на западной — обширные луга и болота.

Къ срединѣ острова Эзеля почва возвышается и пересѣкающiе ее холмы соединяются наконецъ въ плоскую возвышенность, идущую отъ сѣвера къ юго-западу, а по берегу моря покрытую песчаными возвышенiями, нѣкогда составлявшими окраину моря.

Самый возвышенный изъ береговъ острова сѣверный, и на немъ особенно Панскiй мысъ, поднимающiйся здѣсь на 113 футовъ надъ уровнемъ моря. Берегъ здѣсь нѣсколькими правильными уступами сходитъ къ морю, которое врѣзывается въ него обширною лугою. Весь берегъ имѣетъ видъ огромнаго амфитеатра, верхнiя ступени котораго покрыты тощею зеленью, а нижнiя толстымъ слоемъ водорослей. За деревнею Пангъ, берегъ разомъ поднимается стофутовымъ холмомъ, который опускается къ морю то нависшимъ сводомъ, то отвѣсною стѣною. Обнаженный бокъ его изрытъ

глубокими впадинами и пещерами. Весь берег здѣсь состоитъ изъ граувакковаго известняка съ безчисленнымъ множествомъ энкринитовъ. Панскій Носъ состоитъ изъ горизонтальныхъ слоевъ песчанистаго известняка съ отпечатками разныхъ энкринитовыхъ стеблей и раковинъ изъ рода *Orthis*. Выше онъ переходитъ въ мергельный известнякъ съ кристаллами сѣрнаго колчедана и известковаго шпата, а надъ ними лежитъ доломитовый известнякъ, весьма распространенный на этой оконечности острова, имѣющій до 15 сажень толщины и состоящій почти пополамъ изъ углекислой извести и углекислаго горькозема. Мергельный известнякъ, изобилующій наиболѣе органическими остатками, встрѣчается въ особенности близъ Гоэнгольма, а черный плотный известнякъ, состоящій только изъ огромныхъ коралловъ, близъ Пига. Вообще въ верхнемъ ярусѣ острова Эделя академикъ Эйхвальдъ нашелъ окаменѣлости изъ родовъ: *Stromatopora*, *Philodictya*, *Aulopora*, *Lithodendron*, *Cyatophyllum*, *Calamopora*, *Catenipora*, *Harmodites*, *Sacrinula*, *Heliopora*, *Eschara*, *Escharina*, *Gorgonia*, *Retepora*, *Coenites*, *Cyclocrinites*, *Hemiosmites*, *Pentacrinus*, *Spirifer*, *Lingula*, *Conularia*.

Юго-западная часть острова, Шворбе, входитъ узкою косою въ море, простираясь въ длину на 30, а въ ширину на 3—8 верстъ. Крутой, вырѣзанный бухтами, берегъ этотъ также интересенъ въ геологическомъ отношеніи, заключаая въ бѣломъ песчаникѣ множество окаменѣлостей различнаго рода. Вдоль юго-западнаго берега Шворбе лежитъ песчаный наносъ, прерываемый лѣсистыми холмами, который, начинаясь верстъ за 8 отъ Аренсбурга и постепенно возвышаясь, простирается до самаго его окончанія.

На высотахъ острова выказываются верхніе слои, на низменныхъ же пунктахъ въ каменоломняхъ находятся флисовые слои известняка. Они имѣютъ голубоватый цвѣтъ съ тонкими переслойками сѣрой или также голубой глины, либо бѣлаго и сѣраго некристаллическаго известняка. Въ этомъ бѣломъ и сѣромъ известнякѣ, который по мѣстамъ покрываетъ кристаллическій известнякъ, чаще, нежели въ послѣднемъ, находится сѣрный колчеданъ. Нижніе слои известняка (при Аренсбургѣ, Лоде), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преизобилуютъ окаменѣlostями. Г. Вангенгеймъ-фонъ-Кваленъ нашелъ здѣсь: *Telebratula prunum* His, *T. cassidea* His, *T. cracostis* His, *T. didyma*, *Orthis orbicularis* Murch, *Spirifer sulcatus* His (вдвое больше шведскаго), *Sp. chama* Eichw., *Turritella attenuata* His, три рода *Asaphus*,

виды которыхъ нельзя было опредѣлить съ точностію, но изъ которыхъ одинъ былъ, кажется, *A. laciniatus*; наконецъ *Orthis Cyatophyllum, turbinatum* и другіе зоофиты. Кажется, однако же, что большая часть коралловъ, какъ *Catenipora, labyrinthica* Goldf, *Aulopora serpens, Calamopora Gottlandica, Millepora repens* L., *Calamopora polymorpha var. ramosa* Goldf, *Cyatophyllum caespilosum* Goldf, рѣже встрѣчаются въ голубоватомъ, кристаллическомъ известнякѣ, чѣмъ въ покрывающемъ его, сѣроватомъ. Г. Вангенгеймъ-фонъ-Кваленъ чрезвычайно удивлялся множеству трахитовъ, особенно въ каменоломняхъ при Касти, недалеко отъ морскаго берега, и въ Пига. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно велики; обломки въ 1 футъ длиною и въ 1½ дюйма толщиною не рѣдки. Позже онъ нашелъ пятиугольные трахиты: *Cyathocrinus rugosus* Goldf., *C. pentagonus* Goldf. такой же огромной величины. Эти нижніе слои известняка на южномъ берегу г. Вангенгеймъ-фонъ-Кваленъ считаетъ верхними слоями флисоваго известняка или мурчисоновой верхней плитой.

Выше при Кармелѣ, Клаусгольмѣ, Церелѣ, Кергелѣ, Залѣ, Реа и проч. является новая комбинація слоевъ известняка, образующихъ верхнее отложеніе. Этотъ верхній известнякъ сѣроватаго цвѣта, плотный, твердый, часто въ огромныхъ флесахъ или слояхъ толщиною въ футъ, бѣднѣе окаменѣlostями нижняго кристаллическаго флисоваго известняка. Большіе энкриниты здѣсь исчезаютъ, кораллы также встрѣчаются рѣже; иногда попадаются *Cyath. turb*, остатки *Orthis*; особенно же характеризуютъ эти верхніе слои неясныя остатки брюхоногихъ, *Serithium* или *Turbo* и *Emphalus*. Породы *Asaphus* также совершенно исчезаютъ.

При мызѣ Падель г. Вангенгеймъ-фонъ-Кваленъ нашелъ въ каменной изгороди *Orthoceratites rug*. Въ Клаусгольскихъ ломкахъ известнякъ содержитъ въ себѣ болѣе песку; окаменѣlostей въ немъ нѣтъ вовсе; но на нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ покрытъ твердымъ известковымъ шиферомъ, въ которомъ снова часто попадаются остатки брюхоногихъ.

На сѣверо-восточной части острова лежитъ Килькондская бухта, на сѣверномъ берегу Таггалахтская, несравненно болѣе удобная, къ сѣверу отъ Шворбе — Церельская, нынѣ очень обмелѣвшая. Эзель, на всемъ протяженіи береговъ своихъ, окруженъ отмелями, а во многихъ мѣстахъ и

опасными рифами и банками. На сѣверномъ берегу встрѣчаются мѣста, гдѣ кораблямъ можно близко подходить къ берегу; отъ Гарилайда же отмель и банки простираются далеко въ море и опоясываютъ широкою полосою весь западный берегъ до полуострова Шворбе; это пространство считается однимъ изъ самыхъ опасныхъ въ Балтійскомъ морѣ, что подтверждается часто происходящими здѣсь кораблекрушеніями. Около полуострова Шворбе ширина отмели значительно уменьшается, такъ что на восточной его сторонѣ корабли могутъ найти убѣжище отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ; по всему же южному берегу она опять увеличивается и не допускаетъ суда ближе 10 верстѣ и болѣе.

Эзель изобилуетъ и нынѣ озерами и болотами, а въ старину ихъ было гораздо болѣе. Всѣхъ озеръ въ разныхъ мѣстахъ острова разбросано 8 большихъ и 14 — малыхъ; изъ нѣкоторыхъ выходятъ рѣчки и вливаются потомъ въ море. Самое большое изъ этихъ озеръ, извѣстное подъ именемъ *Большой Вилъ*, лежитъ на южномъ берегу, въ 7-ми верстахъ отъ города Аренсбурга; оно поддерживается притокомъ съ сѣверной стороны нѣсколькихъ рѣчекъ, а выходящая изъ него рѣчка *Насва*, удобная къ ходу мелкихъ судовъ, впадаетъ въ аренбургскій рейдъ, или такъ называемое мѣсто „большую - котловину“. На восточной сторонѣ находится озеро *Койжское*, среди обширнаго болота; къ сѣверо - западу — озеро *Мерри*, получающее воду свою слияніемъ четырехъ малыхъ озеръ и нѣсколькихъ рѣчекъ и соединенное двумя истоками съ моремъ. Длина всѣхъ этихъ озеръ — отъ 2-хъ до 4-хъ, а ширина — отъ 1-й до 3-хъ верстѣ.

Изъ острововъ Лифляндіи одинъ только островъ Эзель заключаетъ въ себѣ рѣчки, заслуживающія нѣкотораго вниманія, хотя длина ихъ не превосходитъ 12—15 верстѣ и многія совершенно почти высыхаютъ лѣтомъ. Въ другихъ же островахъ имѣются только маленькіе ручьи.

Плоская возвышенность острова Эзеля, которая тянется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, раздѣляетъ воды, изливающіяся въ Рижскій заливъ, отъ текущихъ на сѣверъ, въ проливъ Зундъ и Балтійское море.

Всѣхъ рѣчекъ на Эзелѣ насчитывается до 50. Важнѣйшія изъ нихъ, кромѣ рѣки *Насвы*, *Зальмская* рѣчка, на сѣверномъ концѣ сворбскаго полуострова; *Педдустъ*, протекающая мимо города Аренсбурга; *Мева*, составляющая притокъ озера Мерри; *Кукемойская*, *Кергельская* и *Пална*.

Послѣдняя имѣеть протяженіа — 15, прочія — отъ 2-хъ до 9-ти верстѣ. Замѣчательна наконецъ рѣчка *Вартса*, на сѣверо-западной окраинѣ острова, которая, истекая изъ круглой, наполненной водою котловины, исчезаетъ подъ землей, противъ мысы Кидимецъ, и потомъ, являясь опять наружу, впадаетъ въ море; длина ея, отъ истока до устья, не болѣе 7-ми верстѣ.

Эзель содержитъ въ себѣ менѣе низменныхъ пространствъ и болотъ, чѣмъ прочія части Лифляндіи; наиболѣе замѣчательныя по величинѣ болота суть: *Суръ-Саммикъ-Соо*, въ восточной части, и *Кейзеръ Саммикъ-Соо*, почти въ центрѣ острова; первое содержитъ болѣе 30, а съ принадлежащими къ нему вѣтвями, *Маръа-Соо* и другими — 45 квад. вер.; посреди его находится озеро *Койксъ*, изъ котораго проведены каналы къ Малому Зунду и въ *Ервекюльское* озеро; *Кейзеръ-Саммикъ-Соо* занимаетъ до 32 квад. вер., и соединено каналами съ рѣчками *Пахна* и *Тензо*. Къ сѣверо-западу отъ послѣдняго, между мысами *Меижюль*, *Охтъясъ* и *Эй-юль*, лежитъ группа довольно большихъ болотъ: *Пелли*, *Рабба* и другія. Въ средней части полуострова Шворбе встрѣчаются значительныя болота.

Условія растительности заключаются въ болѣе или менѣе толстыхъ слояхъ глинозема и песчаной розсыпи, которыми, попеременно, покрыта вся поверхность Эзеля. На сѣверо-западѣ почва достигаетъ по долинамъ особенной плодородности, такъ что въ нихъ урожай пшеницы бываетъ самъ - 13 и болѣе. Земля имѣеть достаточную для обработки глубину; мѣстами лишь, близъ западныхъ береговъ, распашка иногда затрудняется каменистымъ грунтомъ и необыкновеннымъ множествомъ валуновъ. Эзель производитъ вообще всѣ хлѣбныя растенія, которыя родятся въ прибалтійскомъ краѣ. По изобилію прѣсныхъ водъ, близости моря и присутствію мергеля въ почвѣ, онъ отличается питательностью своихъ луговъ и обиліемъ сѣнокосовъ.

Древесная растительность не представляетъ замѣчательной разницы противъ матерой земли; кажется, однакожь, что почва особенно удобна къ произрастенію листовнаго лѣса, который встрѣчается весьма часто. Флора Эзеля, по замѣчаніямъ натуралистовъ, имѣеть вообще характеръ горный, и несравненно болѣе разнообразна, чѣмъ флора сосѣдняго материка. Между разными породами деревъ, первое мѣсто принадлежитъ ясени;

это дерево въ большомъ числѣ распространено повсюду, такъ - что на туземномъ языкѣ оно имѣетъ даже одно и тоже названіе, какъ и самый островъ. Дубъ также встрѣчается вездѣ и достигаетъ необыкновенной красоты и старости; на восточной части острова находятся не малозначительныя дубовыя рощи, подвѣдомственные департаменту корабельныхъ лѣсовъ. Кромѣ дуба и ясени, на Эзелѣ родятся всѣ вообще деревья, свойственныя сосѣдному матеріку, какъ-то: ильмъ, сосна, ель, береза, ольха, осина, кленъ, липа, ива и дикорастущая яблонь. Всѣ эти деревья обыкновенно растутъ рощами, которыя, по богатству и разнообразію эзельской флоры и по множеству широколистныхъ кустарниковъ, образуютъ, особенно по берегамъ многихъ заливовъ, истинно-живописныя мѣстоположенія.

II. Названіе.

Эзель, въ старину называвшійся у русскихъ *Островскою землею*, по шведски значитъ „островъ - рѣшето“, и конечно не напрасно дано было это названіе острову, гдѣ и теперь еще много малыхъ озеръ и болотъ, а въ старину было гораздо болѣе, такъ что вся почва была какъ бы пробуравлена ими и дѣйствительно должна была походить на рѣшето. Первое населеніе вѣроятно перешло сюда изъ Курляндіи, на что указываетъ и народное названіе острова „*Kura-saar*“, позже передѣланное въ „*Kurre-saar*“, — журавлиный островъ, и подавшее поводъ къ составленію герба съ изображеніемъ этой птицы, который былъ на монетахъ герцога-епископа эзельскаго Магнуса (1565 г.) и теперь употребляется на печати здѣшнимъ ландгерихтомъ.

Названія „Эзель“ нельзя произвести ни отъ „oesa“ и „allo“ (что значитъ „ночлеги“), какъ объяснено въ Этимологіи П. фонъ-Буксгевдена, ни отъ „Inselieb“ (отъ „oe“ и „sel“ на шведскомъ языкѣ — по объясненію Люце). Такъ же мало имѣетъ это названіе общаго съ именами „*Vasilia*“, „*Baltia*“, „*Abalus*“ (1), которыя приводятъ нѣкоторые историки древности,

---

(1) Что такъ названныя мѣста дѣйствительно находятся въ водахъ сѣвернаго моря, ясно доказываетъ С. Нильсонъ въ книгѣ «Первобытные обитатели Скандинавскаго сѣвера».

желая показать этимъ обиліе янтара на морскомъ прибрежѣ. На исландскомъ нарѣчій Эзель называется „Эйзиссель“ („ey“ = островъ и „sysla“ — округъ, волостное правленіе = provincia) и означаетъ не только собственно островъ Эзель, но и все относящіяся къ нему владѣнія.

Въ этомъ значеніи встрѣчается слово „Эйзиссель“ и въ старинныхъ исландскихъ сагахъ и даже сами хроники, вслѣдствіе отсутствія болѣе точныхъ географическихъ свѣдѣній по этому предмету, часто смѣшиваютъ эти имена (Эзель и Эзельцы), употребляя ихъ очевидно въ болѣе обширномъ смыслѣ. Къ этимъ владѣніямъ причисляются, кромѣ Эзеля, Мона и Дагена, все мелкіе прилежащіе острова, а также на материкѣ (Викъ) — приблизительно гапсальскій округъ. По Генриху Латышу (XIX, 3) роталійцы считаютъ эстовъ эзельскихъ не только своими земляками, но даже именно тѣми, которые, потергѣвши значительное пораженіе на Двинѣ, повредили тѣмъ своей общей выгодѣ. Такимъ образомъ дурной исходъ предпринятой эзельцами экспедиціи принудилъ ихъ свои завоеванія на материкѣ прекратить; вотъ какъ говоритъ объ этомъ лѣтописецъ: „Услышавъ отъ роталіевъ о намѣреніи ливовъ напасть на нихъ (эстовъ), и сверхъ того узнавъ о бѣгствѣ своихъ соотечественниковъ съ Двины, они и сами бѣжали“.

Связь вышепоименованныхъ острововъ съ Викомъ достаточно выясняется изъ многочисленныхъ источниковъ, но еще яснѣе видна изъ сочиненія Ширра: „25 матеріаловъ къ исторіи Лифляндіи въ XIII ст. Дерптъ. 1866“. Онъ говоритъ: „Въ 1228 году король Генрихъ вводитъ епископа эзельскаго во владѣніе пятью приходами на Эзелѣ и семью на Викѣ, вблизи пустыннаго острова Дагена, а также всеми извѣстными близлежащими островами“. Такъ какъ эти 5 эзельскихъ приходовъ, навѣрное, принадлежатъ къ древнеязыческимъ, то, очевидно, мы можемъ утверждать, что подъ этими семью приходами Вика подразумевается на материкѣ область эзельская (эйзисельская), въ настоящее время занимающая такое-же пространство, какъ и во времена язычества.

Въ настоящее время число жителей Эзеля, Мона и Дагена простирается, насколько мы могли узнать, до 69,000, но если прибавить къ этому числу населеніе острововъ Вормсъ, Нукъ, Одинсгольма и др., то цифра эта дойдетъ до 80,000. Сюда же нужно присоединить населеніе Вика, равноющееся приблизительно тому-же числу. Согласившись съ этимъ числомъ,

намъ остается только удивляться военнымъ силамъ эзелцевъ, и мы будемъ принуждены представить себѣ болѣе плотное населеніе ихъ и такую степень благоустройства, какой нельзя вообразить при взглядѣ на настоящее ихъ положеніе.

Сами эсты, для обозначенія земли своей и племени своего, особаго имени не имѣютъ. Островъ свой, какъ вѣроятно поступала и большая часть народовъ первобытныхъ, называютъ они на языкѣ своемъ „*meie maa*“ (наша земля), а самихъ себя *maa rahwas*; въ единственномъ числѣ эсть зоветъ себя „*maa mees*“ (мужемъ земли), или „*tallo poeg*“ (сыномъ земли). Названіе эстовъ, встрѣчающееся подъ формою *Aestii* еще у древнѣйшихъ римскихъ писателей, дано имъ неизвѣстно кѣмъ; ближайшіе сосѣди эстовъ — латыши называютъ ихъ по своему „*iggauns*“ — изгнанники, вѣроятно потому, что латыши нѣкогда вытѣснили ихъ изъ болѣе южныхъ краевъ, которые сами же и заняли.

Фамильныхъ именъ эсты до послѣдняго времени также не имѣли, называясь одними личными именами, заимствованными изъ христіанскаго календаря, или древними языческими, напримѣръ: Абрагамъ, Ягубъ, Янъ, Петерь, Юрри, Анцъ, Мацъ, Маддисъ, Тенне, Таниель, Марри, Лена, Лизо, Мило, Пило, Елло, Тіо, Май, Кай, Трино и т. п. А чтобы можно было различить одного Анца или Маца отъ другихъ и третьяго того же имени, прозывались они и продолжаютъ прозываться по названію тѣхъ мѣстностей, гдѣ живутъ, напримѣръ: Таммикъ-Анцъ — „Анцъ-Таммикскій“, живущій въ дѣсу Таммикъ; Алликлепе-Мацъ — „Мацъ-Алликлепскій“, живущій на мызѣ Алликлепе. Фамильныя прозвища присвоены эстамъ только со времени уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, когда каждый долженъ былъ избрать себѣ такое прозвище при помощи ученыхъ помѣщиковъ и пасторовъ мѣстныхъ. Между эстами теперь встрѣчаются фамиліи *Веспасіановъ*, *Доміціановъ* и другія греческія и римскія.

III. Историческій очеркъ. Время владычества надъ островомъ Эзелемъ епископства и ордена, датскаго, шведскаго и русскаго.

Выгодное географическое положеніе и природныя преимущества Эзеля, съ незапамятныхъ временъ, породили въ населявшихъ его эстахъ сильную привязанность къ родной землѣ и особенную настойчивость въ защитѣ ея, возбуждая въ тоже время зависть сосѣднихъ владѣтелей, предпринимавшихъ неоднократно на нее набѣги, исторически извѣстные съ начала XIII столѣтія. Эти причины, къ которымъ должно присовокупить дикое язычество островитянъ и наклонность ихъ къ морскому разбойничеству, объясняютъ кратковременное утверженіе на Эзелѣ шведовъ и датчанъ, продолжительную устойчивость кореннаго населенія противъ натиска крестоносцевъ и большой запасъ военной силы, требовавшейся на совершенное его покореніе.

Эзельцы издавна считали врагами своими нѣмцевъ, силившихся покорить Лифляндію, но война съ ними ограничивалась частными сшибками, пока наконецъ въ 1202 году произошла настоящая морская битва. Епископъ Альбертъ, на пути изъ Лифляндіи, встрѣтилъ 16 эзельскихъ кораблей, возвращавшихся съ разбоя. Но какъ эзельцы увѣрили епископа, что они заключили миръ съ рижскими нѣмцами, то имъ и позволено было продолжать путь. Нѣмцы возвратились въ Визби, — чрезъ нѣсколько дней пришелъ туда и эзельскій флотъ. Тогда пилигриммы, огорченные мирнымъ обращеніемъ готландскихъ христіанъ съ язычниками, просили епископа, чтобы онъ позволилъ имъ истреблять ихъ „ради отпущенія грѣховъ“! Сопротивленіе было упорно, но сила превозмогла; добычею нагрузили два эзельскихъ корабля и воспѣли *Te Deum*.

Въ 1205 году Вольдемаръ, король датскій, отмщая эзельцамъ за разбой, собралъ многочисленное войско и съ архіепископомъ Андреемъ-Лунденскимъ, сдѣлавъ высадку на берегъ, срубилъ на Эзелѣ городокъ; но войско его не посмѣло сразиться съ эзельцами: Вольдемаръ сжегъ городокъ и возвратился домой.

Въ Дагденскомъ Зундѣ, при Села, остались слѣды этого городка: валъ съ тремя бастіонами; четвертаго, къ гавани, недостаетъ. Мѣсто это и доселѣ называется „*Wanna linn*“ (старый замокъ).

Въ 1210 году эзельцы, изъ ненависти къ новообращеннымъ христіанамъ, опустошили Лифляндію и возвратились съ множествомъ плѣнныхъ. Вскорѣ потомъ они сдѣлали новое нападеніе, жгли деревни, угоняли скотъ, но къ нѣмцамъ прибыла помощь изъ Риги. Эзельцы были разбиты, лишлись 300 кораблей, кромѣ малыхъ судовъ, и всѣхъ своихъ ваннемовъ, взятыхъ въ плѣнъ или разбѣжавшихся по лѣсамъ.

Едва оправились эзельцы отъ страшной потери, какъ въ 1214 году рѣшились осадить Ригу и явились туда съ множествомъ большихъ и малыхъ судовъ. Малые суда, наполнивъ камнями, они потопили въ устьѣ Двины, и затѣмъ приступили къ городу, но были отбиты и преслѣдованы водою и сухимъ путемъ.

Вскорѣ затѣмъ девять кораблей, шедшихъ изъ Риги въ Германію, были противнымъ вѣтромъ занесены въ эзельскую гавань. Эзельцы думали, что на одномъ изъ нихъ находится епископъ. Съ моря и съ сухаго пути снѣжили эзельцы вмѣстѣ съ эстами твердой земли противъ общаго врага. Они думали запрудить гавань и забрать въ плѣнъ нѣмцевъ. Три горящихъ брандера были направлены на корабли, которые были связаны между собою для лучшей защиты, и тѣмъ болѣе подвергались опасности отъ огня. Но вѣтеръ перемѣнился и брандеры прошли мимо. Нѣмецкіе корабли были однако окружены непріятелями, которые бросали въ нихъ копья, камни и стрѣлы. Тогда нѣмцы рѣшились на отчаянное средство: развязали корабли, подняли якорь и посреди непріятелей достигли открытаго моря. Обманувшись въ надеждахъ, эзельцы перессорились съ жителями твердой земли и разсѣялись.

Ожидая непрерывно нападенія нѣмцевъ и увѣренные, что нападеніе можетъ произойти только зимою, — такъ какъ эзельцы превосходили нѣмцевъ числомъ кораблей, и высадка на берегъ вездѣ представляла большую трудность, — островитяне выстроили на берегу, куда идетъ зимняя дорога съ материка, крѣпость. Она находилась на полукругломъ холмѣ у Малаго Зунда и состояла изъ башни, окруженной палисадомъ. Мѣсто это донинѣ называется *Tornī maeggi* (башенная гора), а самая крѣпость называлась *Моне*.

Опасенія эзельцевъ сбылись: въ 1214 году непріятель перешелъ по льду на Эзель, миновалъ крѣпость, ограбилъ, выжегъ селенія и забралъ

въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, но скоро возвратился домой, ибо наступили холода и опомнившіеся островитяне готовились дать отпоръ.

Въ отмщеніе эзельцы слѣдующею весною переправились на твердую землю къ новообращеннымъ латышамъ и заплатили имъ грабежемъ за грабежъ.

Въ томъ же 1215 году эзельцы, вмѣстѣ съ русскими и гарришскими эстами, осадили замокъ Оденпе (Медвѣжью Голову), который и сдавъ нѣмцами на капитуляцію.

Въ 1216 году эзельцы опустошили Метсепеле, но были прогнаны съ урономъ.

Въ 1217 году они вмѣстѣ съ русскими хотѣли воевать съ нѣмцами; но какъ союзъ не удался, то отправились на корабляхъ къ Ригѣ, на двинскихъ островахъ взяли нѣкоторыхъ жителей въ плѣнъ и ограбили, что могли.

Въ 1218 году эзельцы ворвались въ Гервень, опустошили его огнемъ и мечемъ; но нѣмцы въ союзѣ съ ливами и латышами разбили ихъ; преслѣдуя, многихъ убили и отняли добычу.

Въ 1219 году эзельцы осадили шведовъ въ замкѣ Леаль, шведы сдѣлали вылазку, но были побиты вмѣстѣ съ герцогомъ Карломъ, кромѣ немногихъ, убѣжавшихъ въ Ревель.

Ободренные этой побѣдой, они вскорѣ потомъ съ большимъ войскомъ осадили Ревель, уничтожили всѣ вылазки датчанъ, и вѣроятно взяли бы городъ, но увидѣвъ приближеніе четырехъ кораблей, подумали, что король датскій идетъ съ новыми силами, и потому поспѣшили возвратиться домой.

Въ 1221 году король датскій Вольдемаръ II съ сильнымъ войскомъ прибылъ на Эзель и выстроилъ здѣсь каменный замокъ, но, не окончивъ его внутренней отдѣлки, снялъ осаду и ушелъ во-свояси. Изъ этого замка датчане нѣсколько разъ дѣлали удачныя нападенія на жителей. Тогда эзельцы съ цѣлаго острова явились предъ замкомъ и начали разбивать его 17-ю осадными орудіями, изъ которыхъ бросали огромные камни, причинившіе много вреда зданію, такъ какъ неоконченный замокъ представлялъ мало средствъ къ оборонѣ. Наконецъ сами эзельцы предложили датчанамъ миръ и свободное отступленіе. Условіе было принято; оставивъ семерыхъ заложниковъ, и въ томъ числѣ епископа Дитериха, датчане возвратились

въ Ревель. Новый замокъ разрушенъ такъ, что не осталось камня на камень.

Эзельцы думали уже, что соединенными силами можно будетъ совершенно вытѣснить датчанъ и нѣмцевъ; убили нѣсколько датчанъ и священниковъ въ замкѣ Вирболе, послали нарочныхъ и въ Вирландъ, съ предложениемъ сдѣлать тоже; но жители здѣсь не убивали духовныхъ, а только предложили имъ удалиться.

Вскорѣ эзельцы съ другими эстами отправились къ Ревелю и участвовали въ долговременной осадѣ этого города, кончившейся тѣмъ, что осажденные сдѣлали сильную вылазку, а осаждающіе бѣжали.

Въ 1222 году русскіе съ эстами и эзельцами приступили къ Ревелю, но вскорѣ, не кончивъ осады, бѣжали.

Въ томъ-же году нѣмцы взяли Юрьевъ. Эсты потеряли всякую бодрость, эзельцы также послали подарки въ Ригу и просили мира; епископъ Дитерихъ, находившійся въ плѣну заложникомъ, былъ отпущенъ. Когда потомъ епископъ изъ Модены прибылъ въ Лифляндію, эзельцы просили его заступничества у датчанъ. Но какъ епископъ на пути видѣлъ разбойничьи суда эзельцевъ, возвращавшихся изъ Швеціи, то предпочелъ отправиться въ Готландъ и возбудить тамошнихъ жителей въ походъ противъ эзельцевъ. Предложеніе было принято, но не готландцами, а проживавшими тамъ нѣмецкими купцами.

Наконецъ Альберту фонъ - Буксгевдену, третьему изъ ливонскихъ епископовъ, предоставлено было окончательно побѣдить эзельцевъ и обратить ихъ къ христіанству.

Альбертъ, прелатъ умный и честолюбивый, вскорѣ убѣдился, что, не смотря на первоначальные успѣхи, владычество его надъ краемъ непрочно и что необходимы болѣе надежныя и положительныя средства, и ихъ-то нашелъ онъ въ двухъ весьма важныхъ мѣрахъ: въ раздачѣ завоеванныхъ земель нѣмецкимъ крестоносцамъ въ видѣ леновъ и въ учрежденіи рыцарскаго ордена.

Когда первый энтузіазмъ европейцевъ къ крестовымъ походамъ въ Палестину охладѣлъ, нашлось много крестоносцевъ, предпочитавшихъ войну противъ европейскихъ язычниковъ отдаленнымъ походамъ въ Азію, тѣмъ болѣе, что папы, а въ особенности Иннокентій III, покровительствовали

этому. Такимъ образомъ, ливонскіе епископы всегда находили воиновъ для своихъ предпріятій, но крестоносцы эти, отслуживъ въ Ливоніи годовой срокъ, возвращались обыкновенно на родину, оставляя пріобрѣтенный край, до прибытія новой дружины, беззащитнымъ. Дабы удержать ихъ, Альбертъ началъ раздавать завоеванныя земли на ленномъ правѣ, съ обязанностію отправлять военную службу.

Въ тоже время Альбертъ убѣдилъ Инногентія III въ необходимости основать орденъ для исключительныхъ дѣйствій противъ ливонскихъ язычниковъ, вслѣдствіе чего уже въ 1202 году (а по другимъ въ 1204) былъ учрежденъ рыцарскій орденъ братьевъ войска Христова (*fratres militiae Christi*), рыцарей Христа (*Christritter*), рыцарей Бога (*Gottesritter*), рыцарей меча (*Schwerdritter*) или меченосцевъ (*Gladiferi, Schwerdtträger, Porteglaeves*). Особою папскою буллою было предписано новому ордену признать надъ собою верховную власть рижскаго епископа и принять уставъ рыцарей храма (Тамплиеровъ), а также и одежду ихъ, съ тою только разницею, что на бѣлой мантии, вмѣсто одного краснаго креста, долженъ былъ быть изображенъ красный мечъ подъ малымъ крестомъ того же цвѣта. Рыцарь Винно-фонъ-Рорбахъ былъ назначенъ магистромъ новаго ордена, который получилъ третью часть завоеванныхъ земель, съ правомъ на такую же часть земель, которыя были бы завоеваны впослѣдствіи; другія двѣ трети всѣхъ земель оставались въ пользу церкви, т. е. епископа. Винно основалъ г. Венденъ, сдѣлавшійся резиденціею гроссмейстеровъ.

Надо сказать, что Ливоніей называлась тогда вся обширная мѣстность, которую теперь составляютъ ливонская, курляндская и эстляндская губерніи. Въ началѣ X вѣка Ливонія была уже извѣстна русскимъ, которые при Владимірѣ Великомъ брали съ нея дань, а великій князь Ярославъ Владиміровичъ, во святомъ крещеніи Георгій или Юрій, обратилъ особенное вниманіе на Ливонію, и основалъ въ 1030 году городъ Юрьевъ, впослѣдствіи Дерптъ. Въ XII вѣкѣ вся восточная часть Ливоніи была данницею князя Полоцкаго. У него были на Двинѣ свои крѣпости. Но междоусобныя войны русскихъ удѣльныхъ князей лишили наконецъ Россію этой страны и нечаянный случай познакомилъ съ нею нѣмцевъ. Въ 1138 году нѣсколько бременскихъ купцовъ, ѣхавшихъ въ г. Висби, были занесены бурей въ устье Западной Двины; ихъ встрѣтили какъ враговъ,

но, какъ болѣе образованные и хорошо вооруженные, они отбили туземцевъ и заключили съ ними миръ на выгодныхъ условіяхъ, выговоривъ себѣ право производить свободную торговлю. Возвратившись восояси, эти купцы-бременцы возбудили тогда же въ нѣкоторыхъ духовныхъ нѣмецкихъ рыцаряхъ желаніе обратить туземцевъ къ римско-католической церкви и завоевать страну.

Общее мнѣніе полагаетъ, что западъ первоначально ввелъ христіанство въ Ливонію, но это совершенно несправедливо; доказательства противнаго находятся въ извѣстныхъ историческихъ памятникахъ, тѣмъ болѣе важныхъ, что они принадлежатъ западу, а не востоку. По ливонской лѣтописи Генриха Латыша, воспитаннаго на западѣ, секретаря и панегириста епископа Альберта, извѣстно, что священникъ Альбрантъ былъ посланъ съ рыцарями и дружиной въ Ливонію, съ предложеніемъ народу принять святое крещеніе, что народъ ливонскій бросилъ жребій, и спрашивалъ у своихъ боговъ, которая вѣра лучшая—псковская или латинская. Народъ, очевидно, предпочиталъ псковскую, то есть православную, и только изъ страха принималъ крещеніе отъ западнаго духовенства. Изъ словъ лѣтописца ясно, что до появленія креста и меча западнаго нѣмецкаго рыцарства въ этой обширной мѣстности, уже въ ней были христіане въ значительномъ числѣ, и что пастыри православія исполняли свое дѣло въ отношеніи къ язычникамъ въ духѣ евангельскомъ, проповѣдывали крещеніе словами мира и любви, и совершали его только надъ желающими принять его.

Русскіе долго это помнили. Царь Іоаннъ Грозный писалъ Фридриху II, королю датскому: „великій князь Георгій Владиміровичъ, именуемый Ярославомъ, завоевалъ Ливонію, основалъ городъ Юрьевъ, построилъ тамъ церкви православныя и обложилъ всю землю данью“ (Карамзинъ, Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 292).

Рыцари ливонскаго ордена вели ожесточенную войну со всѣмъ этимъ побережьемъ; кромѣ ихъ, датчане, шведы и русскіе по очереди отнимали другъ у друга города, крѣпости и цѣлыя области. Въмѣстѣ съ военными дѣйствіями распространялось и христіанское ученіе. Съ разрѣшенія папы, Альбертъ учредилъ, въ зависимости отъ епископства рижскаго, другія епископства: 1) леальское, потерявшее однакожь чрезъ нѣсколько лѣтъ свою самостоятельность и соединившееся сперва съ дерптскимъ, а потомъ съ эзельскимъ; 2) дерптское, 3) эзельское въ Гапсалѣ.

По учрежденіи въ 1219 году въ замкъ Леаль (напротивъ Эзеля, на твердой землѣ, въ нынѣшнемъ виискомъ округѣ эстляндской губерніи) особаго епископства, Альбертъ, при содѣйствіи папскаго легата, епископа Вильгельма моденскаго и магистра ордена меча Волкина, составивъ изъ рыцарей меча, крестоносцевъ, гражданъ города Риги, разныхъ вассаловъ и новообращенныхъ летовъ, ливовъ и эстовъ полчище въ количествѣ 20,000 человекъ, самъ двинулся въ походъ въ началѣ февраля 1227 года, перешелъ по льду на Эзель, прямо къ замку Моне. Осажденные, послѣ долгой и храброй защиты, прислали наконецъ просить мира и крещенія. Епископъ согласился потребовать заложниковъ. Крѣпости Моне и Вольде сдались, а эзельцевъ начали крестить. Идолы ихъ, особенно Терапютте, были ниспровергнуты, разбросаны, островъ присоединенъ къ составу епископства леальскаго, съ полнымъ подчиненіемъ тамошнему епископу Готфриду. Леальскіе епископы, съ 1290 года, приняли на себя и названіе эзельскихъ.

Самобытное существованіе эзельцевъ прекратилось уже навсегда. Въ теченіе перваго столѣтія покоренія ихъ они неоднократно отпадали отъ христіанства и возставали противъ побѣдителей своихъ; но каждый разъ огнемъ и мечемъ были обращаемы къ покорности. Между тѣмъ, военнo-духовное братство рыцарей тевтонскаго ордена (въ составъ котораго въ 1237 году вошелъ и орденъ меченосцевъ), получивъ отъ епископовъ, въ видѣ лена, значительную часть острова, успѣло утвердиться окончательно въ своихъ владѣніяхъ. Гражданамъ рижскимъ, въ награду за оказанную ими помощь при завоеваніи Эзеля, по первоначальному раздѣлу (1231 года), также досталась часть его, именно сворбскій полуостровъ, но они вскорѣ затѣмъ уступили свою долю епископамъ.

Новая область эзельская подчинялась въ іерархическомъ отношеніи рижскому архіепископу и папѣ, состоя по дѣламъ ордена подъ зависимостью магистра ливонскаго и подъ верховнымъ покровительствомъ великаго магистра тевтонскаго и римскаго императора. Буллою 14-го мая 1237 года, папа Григорій IX утвердилъ соединеніе орденовъ на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: 1) орденъ тевтонскій вступаетъ во владѣніе землями, принадлежащими меченосцамъ; 2) въ Ливоніи орденъ признаетъ себя вассаломъ мѣстныхъ епископовъ; 3) часть Эстляндіи, отнятая у датчанъ, имъ возвращается. По соединеніи орденовъ, часть Ливоніи, принадлежав-

шая меченосцамъ, переименовалась въ провинцію Тевтонскаго ордена и получила устройство одинаковое съ прочими провинціями его, которыхъ до того было три: Сицилія, Германія и Пруссія; каждая изъ нихъ состояла подъ управленіемъ особаго провинціального магистра; въ Пруссіи же мѣсто это занималъ самъ гофмейстеръ. Магистры ливонскіе стали именоваться магистрами Тевтонскаго ордена въ Ливоніи (Magister ordinis Theutonici per Livoniam., Meister des deutschen Ordens in Livland), а въ послѣдствіи гермейстерами.

Отношенія Тевтонскаго ордена къ мѣстнымъ епископамъ въ Ливоніи были не таковы, какъ въ Пруссіи, гдѣ орденъ былъ независимъ отъ духовной власти, а епископы были даже ему подчинены въ гражданскомъ управленіи; въ Ливоніи-же, на основаніи папской буллы, орденъ долженъ былъ признавать надъ собою власть епископовъ и получалъ отъ нихъ земли въ видѣ лена. Эти-то отношенія и были причиною продолжительныхъ раздоровъ между орденомъ и рижскимъ архіепископомъ и эзельскими епископами.

Возникшіе съ самаго начала раздоры братьевъ ордена съ вассалами епископа (такъ называемымъ рыцарствомъ штифта, то есть епископства) и попытки королей датскихъ возстановить владычество свое на островѣ, прекращены были на время заключенными въ 1238 году договорами. Король датскій Вольдемаръ призналъ Эзель, со включеніемъ территоріи леальскаго епископства, самобытнымъ владѣніемъ, присвоивъ себѣ однакожъ верховную надъ ними власть. Договоръ, заключенный рыцарями съ епископомъ, ближе опредѣлялъ обоюдны ихъ владѣнія.

Хотя Данія въ послѣдствіи отказалась отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла эзельскія, особою грамотою, утвержденною въ 1251 году королемъ Авелемъ; но епископы и рыцарство, во все продолженіе самостоятельнаго существованія Эзеля, неоднократно выпрашивали у королей датскихъ утвержденія и объявленія своихъ привилегій, и наконецъ попали совершенно подъ владычество Даніи.

Внутреннее состояніе Эзеля и всей Лифляндіи въ эту эпоху было такое-же, какъ и во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ господствовало феодальное право. Дворяне и духовенство владѣли землею и были полные властители надъ обитавшими въ ней туземцами. Горожане занимались торговлею, богатѣли и пользовались своими льготами. Одни крестьяне не

имѣли правъ и переносили всея тягости рабства. Вѣдственное положеніе ихъ произвело наконецъ возстаніе: населеніе острова Эзеля и датской части Эстляндіи взялось за оружіе, и въ 1341 году загорѣлась крестьянская война, не долговременная, но жестокая. Епископъ эзельскій Германъ Оснабрюгскій, подавивъ при помощи ордена это возстаніе, въ 1341 году заставилъ эзельцевъ, въ наказаніе за возмущеніе, построить на южномъ берегу острова замокъ Аренсбургъ. По построеніи этого замка, въ епископахъ обнаруживается стремленіе округлять свои владѣнія около Аренсбурга, а отсюда должны были возобновляться прежніе раздоры ихъ съ орденомъ. Къ тому же двойственность авторитетовъ, между которыми раздѣлялась власть на Эзелѣ, обнаруживалась главнымъ образомъ при выборѣ епископа, порождала и поддерживала внутреннее безпокойство и разединеніе партій.

Одновременное возстаніе двухъ и болѣе соискателей епископскаго сана начинается уже съ 1423 года, повторяясь впоследствии нѣсколько разъ. Первымъ такимъ претендентомъ былъ монахъ Христіанъ Кубандъ, посвященный въ епископы папой Мартиномъ V въ 1423 году, послѣ избранія мѣстнымъ эзельскимъ капитуломъ каноника Іоанна Шютте: послѣднему удалось, однакожь, утвердиться окончательно на своей кафедрѣ. Усмиривъ хотя на короткое время внутренніе поземельные раздоры съ орденомъ, Шютте, въ 1438 году, заключилъ съ нимъ новый договоръ, въ силу котораго удержалъ за собою весь Эзелъ, за исключеніемъ лишь прихода Пейде (сѣверо-восточной оконечности острова), доставшагося ордену съ малыми островами и викискою областью.

Спокойствіе возстановилось ненадолго: два года спустя, оно нарушено было вновь появленіемъ двухъ соискателей епископской власти. Лудольфъ, избранный на мѣстѣ, не былъ утвержденъ великимъ магистромъ и папой Евгеніемъ IV, которые, въ 1439 году, назначили въ епископы духовнаго брата тевтонскаго ордена, Іоанна Крауэля. Тѣснымъ орденскимъ магистромъ, Лудольфъ обратился къ Даніи, прося объ оказаніи ему помощи. Этотъ шагъ казался слишкомъ опаснымъ ордену. Усиліямъ его послѣ шестилѣтняго волненія удалось согласить обоихъ епископовъ къ миру: Іоаннъ Крауэль, получивъ отъ Лудольфа 6,000 червонныхъ и 8 жеребцовъ, отказался отъ своихъ притязаній на епископство.

Религіозный переворотъ, совершившійся въ Германіи въ началѣ XVI столѣтія, скоро распространилъ вліяніе свое и на орденскія владѣнія прибалтійскаго края: Эзелъ сталъ усерднымъ приверженцемъ Лютерова ученія. Но отпаденіе отъ латинской церкви неминуемо должно было вести къ потрясенію и наконецъ къ совершенному разрушенію всего политическаго устройства, на этомъ началѣ основаннаго. Возраставшее съ послѣдней половины XV вѣка могущество ордена, всюду взявшаго перевѣсъ надъ епископами, и быстрое распространеніе реформаціи, ознаменовались на Эзелѣ важною привилегіей епископа Іоанна Кивеля, данной имъ рыцарству въ 1524 году. Грамота эта свидѣтельствуетъ объ угасавшей духовной власти и утвердившейся силѣ братьевъ тевтонскаго ордена. Епископъ, утверждая въ своихъ владѣніяхъ свободу евангелическаго ученія и подкрѣпляя всѣ древнія преимущества рыцарей штифта, самъ подчиняется вышему мѣстному судилищу и предоставляетъ рыцарству участіе во всѣхъ дѣлахъ управленія, въ избраніи епископовъ и въ объявленіи войны и мира. Депутаты рыцарства, въ 1528 году, выпросили торжественное утвержденіе этой привилегіи у римскаго императора Карла V, который при этомъ случаѣ присвоилъ епископамъ эзельскимъ достоинство „князей римской имперіи“.

Спустя пять лѣтъ послѣ Кивелева господства (конецъ котораго доходить до 1527 года), вновь явилось два соискателя кафедры епископской; споръ, на этотъ разъ, уже не кончился мировою. Коадьюторъ архіепископа рижскаго, Вильгельмъ, маркграфъ бранденбургскій, недовольный зависимостью своего положенія, желалъ пріобрѣсть самостоятельное епископство. Это, какъ нельзя болѣе, согласовалось съ видами могущественнаго члена вицскаго дворянства, вассала рижской церкви, Георга фонъ-Унгерна, который, современи избранія, въ 1530 году, въ епископы не сына его, а каноника Рейнгольда фонъ-Буксегвена, питалъ къ послѣднему непримиримую вражду, и радъ былъ случаю вредить ему. Поэтому, узнавъ о желаніяхъ маркграфа бранденбургскаго, Унгернъ, въ 1532 году, средствами интриги и угрозами заставилъ вицское рыцарство и часть епископскаго капитула избрать въ епископы Вильгельма. Буксегвенъ, человѣкъ рѣшительнаго характера и строго приверженный къ латинской церкви, не думалъ уступить права своего претенденту. Послѣдній прибѣгнулъ къ оружію. Зимой 1532 года, войско Вильгельма подступило къ городу и замку Гапсалу, и

взяло его приступомъ, а за нимъ замки Леаль и Лоде, сдѣлавъ, такимъ образомъ, маркграфа бранденбургскаго владѣтелемъ всей страны вискской. Буксгевденъ долженъ былъ отступить и заключиться въ замокъ Аренсбургъ. Тутъ оба начали искать помощи въ другихъ областяхъ Ливоніи и за границей. Вильгельмъ обратился къ шурину своему, королю датскому, къ рижскому императору и папѣ; Буксгевденъ просилъ содѣйствія у ливонскаго магистра; междоусобныя распри продолжались слишкомъ два года. Наконецъ магистръ Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ, ставшій открыто на сторону Буксгевдена, вытѣснилъ Вильгельма изъ завоеванной имъ вискской области и заставилъ его безусловно отказаться отъ епископства. Утвердившись окончательно въ своихъ владѣніяхъ, Буксгевденъ въ 1539 году сдѣлалъ обычное утвержденіе орденовскихъ привилегій.

Послѣ смерти магистра фонъ-Плеттенберга, ливонскій орденъ быстро сталъ клониться къ паденію. Преданный лютерову ученію, преемникъ Буксгевдена, курляндскій епископъ Іоаннъ фонъ-Мѣннихсгаузенъ, который былъ вмѣстѣ и епископомъ эзельскимъ, видя во внутреннемъ настроеніи и въ непрерывныхъ распрахъ ордена признаки неизбежнаго его сокрушенія, созвалъ капитулъ и рыцарство и предложилъ имъ передаться давнему покровителю Эзеля, королю датскому. Это предложеніе было принято. Епископскія владѣнія Мѣннихсгаузена, какъ курляндскія, такъ и эзельскія, въ 1559 году, съ разрѣшенія рыцарствъ и капитула, были проданы королю Даніи Фридриху, за 30,000 альбертовыхъ талеровъ. Мѣннихсгаузенъ удалился въ Германію; король назначилъ въ епископы курляндскіе и эзельскіе брата своего Магнуса, герцога гольштинскаго.

Такимъ образомъ, продолжавшееся слишкомъ три столѣтія (1227—1560 г.) самобытное существованіе Эзеля прекратилось; надъ нимъ господствовали, отъ Готфрида до герцога Магнуса, тридцать епископовъ.

Съ тѣхъ поръ, островъ, подобно прочимъ распадавшимся частямъ древней Ливоніи, былъ попеременно принадлежностью сосѣдственныхъ державъ, перешедшею, въ теченіи полутора вѣка, изъ рукъ Даніи къ Швеціи и отъ послѣдней къ Россіи. Постепенно сливаясь съ исторіей этихъ державъ, исторія Эзеля теряетъ интересъ самобытной политической жизни и представляетъ лишь картину продолжительной устойчивости ста-

рой гражданской организаціи при новыхъ установленіяхъ, обусловленныхъ духомъ и потребностями господствовавшихъ государствъ.

Правленіе герцога Магнуса на правахъ епископа было не продолжительно. Пользуясь покровительствомъ царя Іоанна Грознаго, который подарилъ ему взятый русскими въ 1559 году замокъ Оберпалень и пожаловалъ его въ короли лифляндскіе, Магнусъ щедро раздавалъ вассаламъ своимъ епископскія маестности, началъ споры съ сосѣдями, особенно съ городомъ Ревелемъ, который онъ безуспѣшно осаждалъ болѣе полугода, и заставилъ наконецъ короля Фридриха уничтожить вовсе званіе епископское на Эзелѣ и присоединить въ 1574 году весь островъ безусловно къ Даніи, съ назначеніемъ, съ того времени, въ правители его королевскихъ намѣстниковъ. Магнусъ, удержавъ за собой званіе и права епископа курляндскаго, удалился въ свой замокъ Пильтень, гдѣ и умеръ въ 1583 году.

Во внутреннемъ устройствѣ и управленіи острова не произошло однако при этомъ важныхъ перемѣнъ. Высшее судилище или епископскій совѣтъ, состоя оттолѣ, вмѣсто канониковъ и рыцарей штифта, изъ членовъ земскаго дворянства, получило названіе „земскаго суда“; четыре члена его или ландрата избирались дворянствомъ, а предсѣдательство ввѣрялось, вмѣсто епископовъ, королевскимъ намѣстникамъ. Власть исполнительная, возложенная на нижнихъ судей или фогтовъ, равномерно оставалась въ рукахъ дворянъ. Различіе между членами ордена и вассалами епископа, или рыцарями штифта, исчезло; оба общества слились въ одно братство. Членамъ его предоставлялось исключительное право получать въ ленъ бывшія епископскія владѣнія.

Въ продолженіе господства Даніи, Эзелъ, не смотря на непріятельскія вторженія и участіе въ войнахъ съ Швеціею, пользовался внутреннимъ порядкомъ и благосостояніемъ. Главную причину этого должно искать въ полной свободѣ, предоставленной датскими королями мѣстной торговлѣ; однимъ изъ первыхъ дѣйствій герцога Магнуса было возведеніе образовавшагося около замка Аренсбурга торговаго селенія на степень города и пожалованіе ему „права рижскаго“. Между тѣмъ, со времени расторженія кальмарскаго союза, Швеція начала имѣть перевѣсъ въ дѣлахъ сѣвера; послѣ неоднократныхъ войнъ съ Даніею, послѣдняя, по миру, заключенному въ

городъ Бремзебро, 1645 года, должна была (между прочими владѣніями) уступить первой и Эзелъ.

Неминуемымъ слѣдствіемъ той роли, которую играла Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка, былъ однакожъ беспорядокъ въ финансахъ, дошедшихъ наконецъ до чувствительнаго истощенія при королевѣ Христинѣ; монархиня эта такъ щедро жаловала государственныя имѣнія дворянамъ, что, по смерти ея, всѣ почти подобныя владѣнія, какъ въ самой Швеціи, такъ равно и въ Лифляндіи, Эстляндіи и на Эзелѣ, оказались въ рукахъ дворянства. По воцареніи Карла XI, на государственномъ сеймѣ 1680 года состоялось положеніе — всѣ розданныя дворянамъ имѣнія отобрать у владѣльцевъ и обратить въ казну. Мѣру эту, при ея исполненіи, стали примѣнять не только къ имѣніямъ, пожалованнымъ шведскими королями, но и къ такимъ, которыя достались дворянству отъ прежнихъ владѣтелей; при чемъ Эзелъ долженъ былъ удовлетворять одновременно требованіямъ Карла XI и королевы Христины, пользовавшейся пожизненно его доходами. Поэтому отбирание дворянскихъ имѣній въ казну, извѣстное подъ названіемъ „редукція“, повредило благосостоянію всего острова. Приготовительными къ этому распоряженіямъ занималась съ 1684 года особая коммисія, подъ руководствомъ королевскаго ландсгевдинга или губернатора. Въ 1690 году дворянство лишено было уже цѣлой трети своихъ владѣній; пять лѣтъ спустя, уничтоженъ замковскій или верховный земскій судъ, съ обращеніемъ въ казну земель ландратовъ, пожалованныхъ имъ королями датскими. Число государственныхъ имѣній удвоилось; но вмѣсто того, чтобы достигнуть своей цѣли, Карлъ XI разорилъ въ конецъ одно изъ лучшихъ своихъ владѣній: по прошествіи двадцати лѣтъ, $\frac{4}{5}$ обработанной и плодотворной почвы острова превратились въ пустыню.

Съ наступленіемъ XVII столѣтія, вспыхнула сѣверная война; къ бѣдствіямъ „редукціи“ присоединились стѣснительные налоги на учрежденіе милиціи, на укрѣпленіе Аренсбурга и на содержаніе войскъ; наконецъ, къ довершенію постигшаго Эзелъ несчастія, моръ и голодъ опустошали его съ 1708 по 1711 годъ. Все это сильно потрясло въ умахъ жителей приверженность къ Швеціи; военные сборы не вносились добровольно, а брались силою, и при первомъ подступленіи къ Аренсбургу полковника Эрнгельма съ отрядомъ русскихъ войскъ, крѣпость эта сдалась безъ выстрѣла, 15-го

сентября 1710 года. Весь Эзель окончательно присоединенъ къ Россіи нисштадтскимъ миромъ, заключеннымъ 30-го августа 1721 года.

Сравнивая оба послѣдніе періода исторіи Эзеля, мы открываемъ между ними замѣчательное различіе. Господство Даніи оставляло безъ важнаго измѣненія гражданское устройство и управленіе, довольствовалось доставшимися ему епископскими владѣніями, покровительствовало торговлѣ, охраняло внутреннюю безопасность и довело вообще жителей до рѣдкой въ тѣ времена степени благосостоянія. Напротивъ того, шведское правительство, нарушивъ издавна утвердившійся порядокъ внутренняго управленія, отобравъ, безъ законнаго основанія, въ казну большую часть дворянскихъ имѣній, и постоянными войнами задавивъ живительныя начала торговли и промышленности, передало наконецъ область эзельскую Россіи въ самомъ истощенномъ, запущенномъ состояніи.

Изъ этого разрушенія Эзель постепенно возстановлялся подъ сѣнію русскаго скипетра.

Спустя не болѣе года послѣ нисштадтскаго мира, учреждена была въ Аренсбургѣ особая коммисія, съ цѣлію возвратить дворянамъ имѣнія, отнятыя у нихъ вслѣдствіе редукиці. Всѣ владѣнія дворянъ, сверхъ того, особо утверждены были за ними Императоромъ Петромъ II, и велѣно дальнѣйшія ходатайства по этому предмету окончательно прекратить. Между тѣмъ какъ гражданское управленіе острова ввѣрено было сначала особому ландсгауптману, имѣвшему предсѣдательство въ областной канцеляріи и подчинявшемуся генераль-губернатору лифляндскому и эстляндскому, дѣла дворянства вѣдались по прежнему ландратами и предводителемъ или ландмаршаламъ. Отмѣненный Карломъ XI верховный судъ не возстановлялся уже болѣе; но за то, по подчиненіи судебной части рижскому гофгерихту, выборъ одного изъ членовъ его предоставленъ былъ эзельскому дворянству. Затѣмъ, въ 1783 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, сила губернскаго учрежденія 7-го ноября 1775 года распространена была и на Эзель, съ переименованіемъ его въ уѣздъ, съ подчиненіемъ рижскому гражданскому губернатору, упраздненіемъ должностей ландратовъ и ландмаршала и нѣкоторыми другими болѣе спеціальными перемѣнами; впрочемъ самостоятельная форма дворянскаго общества осталась безъ измѣненія, дѣла его вѣдались особыми предводителями, и оно продолжало пользоваться всѣми

правами, дворянству прочихъ губерній и областей имперіи дарованными. По вступленіи же на престолъ Императора Павла I-го и эти перемены по большей части исчезли: въ 1797 году коренныя учрежденія острова были восстановлены, съ пожалованіемъ сверхъ того дворянству четырехъ имѣній, въ вознагражденіе за ландратскія земли, отобранныя въ казну во время шведской „редукціи“.

Такъ образовалось нынѣшнее состояніе острова Эзеля, хотя и присоединеннаго въ званіи уѣзда къ лифляндской губерніи, но по самостоятельности дворянскаго общества, по нѣкоторымъ особымъ общественнымъ учрежденіямъ, по устройству своего крестьянскаго населенія и по историческому своему развитію вообще, составляющаго своеобразное цѣлое. Историческія событія, опредѣляющія судьбу народовъ и имѣющія столь могущественное вліяніе на всѣ отрасли ихъ развитія, не могутъ не отразиться и на законодательствѣ; вліяніе ихъ въ этомъ отношеніи тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе въ государствѣ политической самостоятельности и чѣмъ разнороднѣе были власти, имъ управлявшія.

Остзейскій край и Эзель представляютъ тому примѣръ. Дѣйствующіе въ Лифляндіи и на островѣ Эзелѣ законы составлялись изъ разнородныхъ источниковъ, подъ вліяніемъ безпрестанно измѣнявшихся обстоятельствъ. Съ начала они издавались рижскимъ архіепископомъ, епископами и магистрами, владѣвшими краемъ и имѣвшими въ рукахъ своихъ и законодательную власть. Впослѣдствіи, когда, по паденіи ордена и власти епископовъ, Лифляндія обращена была въ польскую, а затѣмъ въ шведскую провинцію, и островъ Эзель поступилъ въ подданство Даніи, а съ 1645 года Швеціи, внутреннее устройство основывалось на постановленіяхъ короля, сейма датскаго и шведскаго правительства. Съ присоединеніемъ наконецъ Лифляндіи въ 1710 году, а острова Эзеля въ 1721 году, къ Россіи, наступилъ и новый періодъ въ отношеніи законодательства. Связь между законодательствомъ и политическими событіями столь велика, что исторія перваго, подобно исторіи политической, можетъ быть раздѣлена на три періода: первый изъ нихъ обнимаетъ законодательство Лифляндіи со временъ прибытія германскихъ выходцевъ до паденія ордена и прекращенія независимаго существованія Ливоніи; второй заключаетъ въ себѣ учрежденія шведскаго и датскаго правительствъ; въ третьемъ, наконецъ, предста-

вляется внутреннее устройство края со времени покоренія его Россією. Кромѣ этого, при историческомъ обзорѣнн, законодательство Лифляндіи должно быть раздѣлено на земское и городское; раздѣленіе это имѣетъ значеніе и начало также историческія: въ Лифляндіи и на остр. Эзелѣ, какъ и въ другихъ областяхъ остзейскихъ, образовались, съ самаго начала ихъ политическаго существованія, состоянія: земское или дворянское (покоренные крестьяне подлежали дѣйствию законовъ земскихъ) и городское; каждое изъ сихъ состояній отличалось во всѣ времена особыми правами, учрежденіями и законами; отсюда существенное различіе между законами земскими и городскими.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Время владычества епископовъ и ордена. Законы земскіе.

По формѣ и содержанію своему, земскіе законы въ Лифляндіи и на остр. Эзелѣ, во время владычества епископовъ и ордена, проявляются въ трехъ видахъ: 1) въ грамотахъ, 2) въ собраніи законовъ или кодексахъ и 3) въ положеніяхъ ландтаговъ и другихъ собраній, въ договорахъ и т. п.

Грамоты.

1) Грамоты, по своему происхожденію и содержанію, могутъ быть раздѣлены на два разряда: а) данныя папами и римскими императорами, какъ верховными государями и покровителями Ливоніи и б) данныя епископами и орденомъ, какъ мѣстными владѣтелями края.

Къ первымъ относятся папскія буллы и грамоты, данныя острову Эзелю римскими императорами и датскими королями, каковы: 1) грамота римскаго императора Фридриха II отъ 7-го іюня 1238 г., по которой Вольдемаръ, датскій король, призналъ Эзелъ, со включеніемъ Вика, владѣніемъ эзельскаго епископа. Данія въ 1238 г. не могла спокойно смотрѣть на раздоры ордена съ епископами. Между королемъ Вольдемаромъ и рижскимъ епископомъ Альбертомъ началась вражда, въ которой епископъ нашелъ себѣ опору въ Лифляндскомъ орденѣ. Заинтересованный въ этихъ спорахъ папскій легатъ Вильгельмъ, обратившись къ римскому императору Фридриху II, вызвалъ эту грамоту.

2) Милостивый рескриптъ датскаго короля Авеля отъ 19-го августа 1251 г. съ самой древней привилегіей для эзельскаго рыцарства (собраніе привилегій въ рыцарскомъ правѣ). Къ этому же году относится грамота Авеля, по которой Данія отказалась отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Эзеля. Грамота эта подарена изъ уваженія епископу Герману фонъ-Буксгевдену, бывшему канцлеру при Авелѣ.

3) Приказъ датскаго короля Эриха въ 1279 г. по поводу жалобы торговцевъ изъ Висби на морскіе разбои со стороны эзельцевъ и эстляндцевъ. Приказъ этотъ сообщенъ чрезъ штатгалтера въ Ревелѣ Ахельсона, эзельскихъ совѣтниковъ Генриха фонъ-Лоде, Германа Буксгевдена, Вольдемара Розена и Гельмонда фонъ-Лоде.

4) Грамота папская въ 1301 г. относительно разрѣшенія споровъ между орденмейстеромъ Готфридомъ фонъ-Рогге и эзельскимъ епископомъ Кондратомъ фонъ-Эзель.

5) Грамота папская въ 1320 г. по особому обстоятельству. Эзельскій епископъ Гартвигъ донесъ папскому кардиналу, что одинъ орденскій начальникъ убилъ эзельскаго каноника фонъ-Гапсаль въ родительскомъ домѣ за то, что послѣдній жаловался папѣ.

6) Грамота папы Урбана XVII въ 1385 г. объ эзельскомъ каноникѣ Германѣ Вольнѣ, обвинявшемся въ убійствѣ эзельскаго и гапсальскаго епископа Генриха. Послѣдняго обвиняли въ томъ, будто онъ хотѣлъ отдать ордену свои епископскія владѣнія въ Гапсаль. Поэтому онъ насильно препровожденъ былъ въ Аренбургскій замокъ. Тамъ его нашли однажды на полу потаенной комнаты задушеннымъ. Попалъ ли онъ туда нечаянно или можетъ быть онъ хотѣлъ убѣжать чрезъ отверстіе въ той комнатѣ, осталось тайной. Между тѣмъ Больне былъ обвиненъ въ томъ, что онъ задушилъ Генриха. Такой нечаянной кончины, говорить Бранцъ¹⁾, до Генриха не имѣлъ ни одинъ прелатъ.

7) Грамота папы Евгенія IV отъ 24 марта 1439 г. о назначеніи въ епископы духовнаго брата тевтонскаго ордена Іоанна Крауэля. Въ грамотѣ между прочимъ было написано, чтобы епископа, избраннаго отъ него (отъ

---

¹⁾ Сочиненіе барона Буксгевдена: Beiträge zur Geschichte der Provinz Oesell. 1838 года, стр. 6.

папы) принимали, оказывали ему всякую почесть и препроводили съ почетомъ на владѣніе эзельскимъ епископствомъ.

Указанныя здѣсь грамоты, со времени послѣдовавшей въ 1561 году перемѣны въ судьбѣ Ливоніи, потеряли всякое значеніе и силу и въ настоящее время любопытны и важны только, какъ акты историческіе.

Грамоты епископовъ и магистровъ.

Грамоты мѣстныхъ владѣтелей Ливоніи, эзельскихъ епископовъ и магистровъ двоякаго рода: однѣ относятся къ внутреннимъ распоряженіямъ по управленію и къ взаимнымъ отношеніямъ епископовъ между собою и къ владѣніямъ ордена, какъ напр. грамота 1234 г. 20 декабря о раздѣленіи Эзеля на три участка: 1) Кармель и Сворбе, состоявшіе изъ 100 гаковъ, 2) Монъ изъ 300 гаковъ, 3) Вольде — 200 гаковъ. Во избѣжаніе споровъ былъ брошенъ жребій: получили: епископъ — Вольде, Рига — Сворбе и Кармель, рыцарство — Монъ. Рига половину уступила папскому легату Вильгельму фонъ-Моденъ. Въ 1255 г. начальникъ ордена Андрей фонъ-Штюкландъ заключилъ съ эзельцами договоръ, который подписанъ былъ туземцами Эзеля, Илле, Кулле, Эмме, Мурханде, Тавете, Вальде, Мезете, Каке. Въ 1266 г. начальникъ ордена Юргенъ фонъ-Эйхштадтъ выигралъ большую побѣду при Кармелѣ и принудилъ эзельскихъ туземцевъ исполнить договоръ 1255 г. Въ 1328 г. орденъ согласился съ епископствомъ относительно четвертой части наслѣдства послѣ умершаго безроднаго. Епископъ далъ за это ордену 30 гаковъ земли и 30 марокъ. Къ 1365 г. относится грамота, гдѣ епископъ съ орденомъ послѣ объясненій установили, что слѣдуетъ брать за проѣздъ чрезъ оба Зунда. Къ 1407 г. относится грамота епископа о рыбной ловлѣ при Кармелѣ. Въ 1458 и 1459 г. выдана грамота епископомъ Іаковомъ съ предложеніемъ мира и спокойствія между королемъ Казиміромъ и орденомъ и между жителями Данцига. Другія грамоты заключаютъ въ себѣ права, дарованныя вассаламъ, и учрежденія леннаго владѣнія, какъ напр. грамота эзельскаго епископа Кивеля 1524 г. и сохранившаяся одна только подобная грамота орденская магистра Брюггена 1546 г.

Съ измѣненіемъ устройства Лифляндіи и остр. Эзеля грамоты перваго рода потеряли свою силу, грамоты же втораго рода служатъ во многихъ

отношеніяхъ и въ настоящее время основаніемъ правъ и преимуществъ лифляндцевъ и эзельцевъ.

Собраніе законовъ.

Обычаи и законы, образовавшіеся въ Ливоніи подѣ влияніемъ германскихъ нравовъ, по примѣру Германіи же, были собраны для вассаловъ каждой области, отчего и составились такъ называемыя книги правъ (Rechtsbücher). Къ числу ихъ принадлежатъ: право рыцарское (Ritterrecht), 2) Вики-Эзельское ленное право (Wiek-Oeselsches Lehnrecht), 3) уставъ судопроизводства или правила для адвокатовъ (formulare procuratorum Fabri), 4) особыя узаконенія для крестьянъ.

Право рыцарское, въ томъ видѣ какъ оно составлено епископомъ рижскимъ Албертомъ, съ совѣта магистра Волкина и его ордена и съ согласія его дворянства, состоитъ (1228 г.) изъ 67 главъ и статей, заключающихъ въ себѣ инвеституру на лены, права и обязанности вассаловъ по владѣнію ленами, опеку и судопроизводство по ленамъ, владѣніе крестьянами и проч.

Вики - Эзельское ленное право, относящееся къ нынѣшней Лифляндіи и остр. Эзелю, раздѣляется на 5 книгъ, изъ которыхъ три первыя заключаютъ въ себѣ всѣ статьи средняго рыцарскаго права, взятыя изъ зеркала саксонскаго, четвертая — постановленія для крестьянъ эзельскаго епископства, пятая — древне - рыцарское право, нѣсколько сокращенное.

Для крестьянъ исключительно издано было Викиское крестьянское право, имѣвшее силу на остр. Эзелѣ. Въ этихъ кодексахъ заключаются постановленія объ отношеніяхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ, о наследствѣ, о бракѣ, о правѣ уголовномъ, о преступленіяхъ и наказаніяхъ и т. п.

Законодательство г. Риги составляло источникъ и образецъ для другихъ городовъ Лифляндіи и для Эзеля, и заключало въ себѣ почти всѣ городскіе законы. Сюда относятся: 1) грамоты и привилегіи, 2) древніе статуты, 3) такъ называемыя гражданскія права и 4) положенія о гильдіяхъ и цѣхахъ. Устройство и законодательство Эзеля изложены кромѣ того въ грамотахъ, дарованныхъ мѣстными владѣтелями, какова напр. грамота датскаго короля Фридриха II (1574 г.) гор. Аренсбургу.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Датское и Шведское владычество надъ Эзелемъ.

Островъ Эзелъ во время датскаго владычества сохранилъ свои мѣстные законы. Время шведскаго владычества представляетъ съ одной стороны усилія правительства ввести въ Лифляндіи и на Эзелѣ шведскія узаконенія, а съ другой—домогательство дворянъ сохранить мѣстные законы. Такъ герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, въ 1601 году, предложилъ дворянству присоединенныхъ къ Швеціи округовъ принять шведскіе земскіе законы, а Карлъ XII, не смотря на то, что съ 1705 года вся почти Лифляндія была уже занята русскими войсками, особою грамотою 12 іюня 1707 года, предписалъ руководствоваться одними шведскими законами.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Въ нисштадскомъ трактатѣ, заключенномъ 30 августа 1721 года, къ Лифляндіи и остр. Эзелю относятся три статьи, именно: ст. IX, по которой всѣ жители, магистраты, гильдіи и цѣхи сохраняютъ привилегіи, обыкновенія, права и преимущества, которыми они пользовались подъ шведскимъ правленіемъ; ст. X, по которой не имѣть быть допускаемо принужденія въ дѣлѣ религіи; ст. XI, по которой возвращались забранныя шведскимъ правительствомъ помѣстья всѣмъ лицамъ, которыя имѣли на оныя справедливыя требованія и законныя права.

Приведеніе мѣстныхъ законовъ въ правильный и однообразный составъ было предметомъ ряда русскихъ комиссій почти цѣлаго столѣтія въ гг. 1728, 1767, 1803, 1819, 1828—1829. Права и привилегіи, съ которыми эзельское дворянство перешло въ подданство Россіи, подтверждены: Анною Іоанновною 28 марта 1731 года, Елизаветою Петровною 27 октября 1742 года, Екатериною II 17 апрѣля 1764 года, Александромъ I 13 октября 1802 года. Привилегіи города Аренсбурга подтверждены Екатериною II 17 февраля 1764 года.

IV. Историческія свѣдѣнія о заселеніи Эзеля и этнографическія изслѣдованія о жителяхъ его. Нравы, обычаи, повѣрья и пословицы.

Первыя извѣстія объ Остзейскомъ краѣ встрѣчаются у греческихъ и римскихъ писателей, а въ особенности у Тацита и готскаго историка Иорнанда (Iornandes, 530 г. по Р. Х.). Извѣстія эти, вообще весьма скудныя, относятся преимущественно къ географическому положенію морей и странъ, мало касаясь жизни и быта ихъ обитателей; почерпнуты же они изъ путешествій и сношеній торговыхъ, о дѣйствительномъ существованіи которыхъ въ то время свидѣлствуютъ найденныя монеты и древности временъ Александра Македонскаго и римскихъ императоровъ; въ значительномъ количествѣ монеты эти между прочимъ отысканы у Кальцена близъ Риги и на остр. Эзелѣ.

Изъ дошедшихъ до насъ отрывочныхъ извѣстій видно, что, еще въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., земли между низовьями Вислы и р. Виндавою были заняты *Венедами*, народомъ латышско-литовскаго племени; далѣе же за р. Виндавою и на о. Эзелѣ обитало племя *финское*, пришедшее изъ Азіи. Во время общаго передвиженія народовъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, будучи вѣроятно тѣсними сосѣдними готами, племена эти удалились на сѣверо-востокъ и овладѣли мѣстами нынѣшняго своего жительства. Можетъ быть эсты, поселившіеся на востокѣ, и получили вслѣдствіе этого свое названіе (отъ слова *ost, est*); племена же литовско-латышскія раздробились и подъ именемъ леттовъ, куроновъ и семигаловъ заняли Лифляндію, Курляндію и Семигалию. Такимъ образомъ пограничная черта между финскимъ и литовскимъ племенами, которую въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х. составляла рѣка Виндава, передвинулась на сѣверъ, въ самую Лифляндію. Въ XII столѣтіи, когда германскіе выходцы первые появились на берегахъ Двины, земля латышей и эстовъ представляла обширную страну, покрытую лѣсами и болотами, среди которыхъ изрѣдка встрѣчались поселенія. Эсты занимали округи: Гарріенъ, Ервенъ, Викъ, Вирландъ (нынѣшняя Эстляндія) и Уганію съ Сакалою (теперешніе деритскій и феллинскій уѣзды), а также острова Эзелъ, Монъ и Даго; семигалы занимали пространство къ западу отъ р. Виндавы, а куроны — къ востоку отъ

этой послѣдней до лѣваго берега Двины; ливы были распространены вдоль морскаго берега, между р.р. Виндавою и Перновою; вся же средняя часть, составляющая нынѣшнюю Лифляндію, была занята леттами. Въ настоящее время граница эта въ общихъ чертахъ совпадаетъ съ раздѣленіемъ на уѣзды, изъ которыхъ перновскій, феллинскій, дерптскій, верроскій и эзельскій населены эстами, а вольмарскій, валкскій, венденскій и рижскій — леттами.

Докторъ Люце, много сдѣлавшій для исторіи, этнографіи и народнаго образованія на Эзелѣ, полагаетъ, что первые поселенцы нашли уже здѣсь, именно на Шворбе, шведскую колонію, и въ самомъ дѣлѣ народонаселеніе на Шворбѣ типомъ лица, говоромъ, одеждою и проч., значительно отличается отъ всѣхъ жителей острова Эзеля. Сами эзельцы называютъ себя туземнымъ народомъ, шаа-gahwas (народъ земли), эзель — своею землею, meie шаа. Языкъ ихъ есть одна изъ отраслей древняго финскаго самаго чистаго и мягкаго нарѣчія.

О религіозныхъ понятіяхъ эстовъ, до введенія христіанства, достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣется. Генрихъ Латышъ въ хроникѣ своей не упоминаетъ ни объ одномъ божествѣ, а просто называетъ эстовъ идолопоклонниками. По показаніямъ же историковъ ⁽¹⁾, кромѣ солнца, луны и звѣздъ, ими обожаемы были и разныя животныя, змѣи и деревья, особенно дубъ. Генрихъ Латышъ упоминаетъ о предвѣщателяхъ, которые, при спросѣ боговъ о будущности, совершали священные обряды. Главное божество эстовъ создатель міра — *Ванна - изса*, окружено героями, изъ которыхъ первыя мѣста занимаютъ *Ваннемуне*, богъ стихотвореній и пѣсенъ, *Ильмарине*, богъ искусствъ, *Леммекюне*, богъ веселости, и *Виббране*, богъ-стрѣлокъ. Для созданія неба *Ильмарине* сковалъ изъ стали сводъ и привоздилъ къ нему серебряныя звѣзды. Главнымъ жилищемъ боговъ были утесы. Замѣчательны также сказанія о великанахъ *Сони*, *Калеве* и другихъ. *Вонго* имя водянаго духа, котораго нынѣ призываютъ иногда, купая дѣтей. Рѣчное божество является въ видѣ мужика съ синими и желтыми чулками на ногахъ. *Pergel* и *Iunda* — имена злыхъ духовъ, нынѣ

---

(1) Бриндиса, Фабриціуса, Кельха; сочиненіе Брахмена: Die Reformation in Lifland, изданное остзейскимъ археологич. обществомъ.

означаютъ діавола. Жертвы приносились богамъ для умилостивленія ихъ, или при гаданіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ отрубали голову животному, и если она падала на право, значило *да*, если же на лѣво — *нѣтъ*. Или водили быка, либо коня чрезъ копье, и если животное переступало чрезъ него прежде правою ногою, то это означало утвержденіе вопроса, если же лѣвою, то отрицаніе. Древніе эзелцы приносили и человѣческія жертвы для умилостивленія боговъ. Генрихъ Латышь утверждаетъ, что въ 1204 году многіе плѣнные были принесены въ жертву (1). Введеніе христіанской вѣры на Эзелѣ относится ко времени прибытія нѣмецкихъ выходцевъ въ началѣ XIII столѣт.; сообразно съ духомъ того времени, покореніе острова и обращеніе язычниковъ производились одновременно. Католичество не встрѣтило большихъ препятствій со стороны летговъ, и въ теченіе перваго десятилѣтія сдѣлало большіе успѣхи; между эстами, особенно эзелскими, оно производилось медленнѣе и труднѣе. Вскорѣ однако католическая вѣра, по крайней мѣрѣ по наружности, сдѣлалась исключительною на островѣ и оставалась таковою въ теченіи трехъ столѣтій. Но тѣмъ не менѣе католицизмъ не пустилъ глубокихъ корней въ народѣ. Умственное образованіе во всей Лифляндіи, до реформаціи, не оставило никакихъ слѣдовъ. Католическое духовенство, соединяя съ духовной властью и свѣтскую, слишкомъ было занято заботами объ удержаніи послѣдней, чтобы имѣть возможность предаться исключительно духовнымъ своимъ обязанностямъ; большая часть католическихъ священниковъ, не зная народнаго нарѣчія, проповѣдывали на нѣмецкомъ языкѣ, — вслѣдствіе чего церкви весьма мало посѣщались и религія вообще не могла прочно утвердиться въ народѣ. Какъ мало католицизмъ привился въ Лифляндіи и на Эзелѣ доказывается быстрымъ и безпрепятственнымъ распространеніемъ реформаціи; притомъ же и въ настоящее время, встрѣчая у обитателей Эзеля множество преданій и предразсудковъ язычества, мы не находимъ почти никакихъ слѣдовъ католицизма.

Вѣрованія въ предсказанія, колдовство и чародѣйство были тѣсно связаны съ религіею древнихъ обитателей Эзеля; они были настолько склонны къ подобнымъ повѣрьямъ, что многія изъ преданій язычества со-

(1) Рихтеръ: Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen, ч. I, стр. 57—58.

хранились до настоящаго времени, не смотря на всѣ старанія просвѣщеннаго духовенства очистить религіозныя идеи отъ суевѣрія. Послѣ принятія христіанской вѣры, идолопоклонство втайнѣ еще долго продолжалось и совершенно искоренилось лишь послѣ реформациі. Суевѣрія сохранились однакожь донинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то странное почитаніе древнихъ боговъ; такъ напр. старинный обычай зажигать костры на высотахъ, у береговъ рѣкъ и озеръ, въ честь бога радости *Лиго*, сохранился до нашего времени и повторяется ежегодно въ день св. Іоанна Крестителя, 24 іюня, причемъ воспѣвается какъ св. Іоаннъ, такъ и Лиго. Соблюденіе извѣстныхъ обрядовъ большею частью совпадаетъ съ христіанскими праздниками; это произошло вѣроятно оттого, что католическое духовенство, при введеніи христіанства, видя невозможность искоренить старые вѣрованія и обычаи, желало дать имъ другое направленіе и приняло ихъ нѣкоторымъ образомъ подъ свое покровительство; такъ напр. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились, предъ праздникомъ Р. Хр., тихіе вечера (*Jäõõhdad*), въ которые запрещается громкій разговоръ, хохотъ, пряденіе, тканье, вообще всякій шумъ, съ цѣлью отвратить сильныя грозы. Въ другихъ мѣстахъ сохранился обычай не брать сита въ день св. Матѳея, 21-го сентября, для охраненія дома отъ гадинъ и насѣкомыхъ; не рубить дрова въ день св. Георгія, 23-го апрѣля, для защиты отъ волковъ; не пахать въ день св. Марка, 25-го апрѣля, для охраненія отъ падежа и проч.

Слѣды прежняго варварства эзельцевъ остались только въ нѣкоторыхъ обычаяхъ. Пѣсни намъ ничего не скажутъ въ этомъ отношеніи. Постоянныя войны много способствовали развитію принципа: пользоваться настоящимъ и не думать ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Вслѣдствіе такого воззрѣнія семейство не представляло никакой отрады для жителя Эзеля; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не чувствовалъ склонности къ поэзій, а слѣдовательно къ пѣснямъ и сказкамъ. Странно, что въ отношеніи къ женщинамъ сохранились всего лучше воззрѣнія эстонца - островитянина. Онъ до сихъ поръ не требуетъ отъ жены ничего, кромѣ здоровья, и не придаетъ никакого значенія, если молодая его жена принесетъ ему незаконнорожденное дитя, лишь бы только не отъ нѣмца. Жена для эзельца ни больше, ни меньше, какъ работница и въ бракѣ онъ видитъ одинъ только пустой обрядъ. Въ качествѣ невѣсты, будущая жена переходитъ къ мужу и съ пер-

ваго же дня вступаетъ въ исполненіе своихъ обязанностей: все хозяйство лежитъ на ея рукахъ, женихъ почти исключительно занимается рыбной ловлей и торговыми операціями. Наканунѣ свадьбы мать надѣваетъ на невѣсту чепчикъ, который она сбрасываетъ два раза на землю, за что получаетъ каждый разъ пощечину съ приличнымъ внушеніемъ: *Karda omma meest!* (повинуйся твоему мужу); въ третій разъ невѣста обязана удержать чепчикъ на головѣ. Вскорѣ послѣ этого невѣста покидаетъ окончательно родительскій домъ, положивъ предварительно въ карманъ три корки хлѣба и погладивъ три раза печку, чтобы унести съ собой все счастье, которое сопровождало ея жизнь подъ родительскимъ кровомъ. На слѣдующій день послѣ свадьбы теща приноситъ молодой женѣ всѣ старыя рубашки мужа для починки, — съ этого начинается дѣятельность молодой супруги. Не смотря на все равнодушіе, съ которымъ эстонецъ вообще смотритъ на женщину, беременность молодыхъ дѣвушекъ преслѣдовалась еще до прошлаго столѣтія; онѣ обязаны были покрывать голову чепчикомъ; многія изъ нихъ во избѣжаніе такого позора убивали своихъ дѣтей. Когда настанетъ время родовъ, то въ домъ къ родильницѣ собираются всѣ свѣдущія въ этомъ дѣлѣ женщины и выражаютъ свои заботы о бѣдной больной самымъ грубымъ, даже, можно сказать, истинно варварскимъ образомъ: ее поднимаютъ на воздухъ, раскачиваютъ, вѣшаютъ подъ руки, заставляютъ скакать со второй или третьей ступени лѣстницы и кувыркаться черезъ голову. Безъ всякаго сомнѣнія, этотъ варварскій обычай болѣе и болѣе уступаетъ духу времени. Во время крещенія ребенку распеленываютъ только руки, чтобы онъ былъ на всю жизнь трудолюбивъ. На другой день послѣ крещенія домашніе и новые духовные родственники отправляются въ баню, гдѣ бабка съчетъ кума; иногда эта шутка принимаетъ довольно серьезный характеръ.

Праздничные обычаи.

1) *Рождество Христово*. По торжественности первое мѣсто послѣ свадебныхъ обрядовъ принадлежитъ рождественскимъ; притомъ праздникъ этотъ бываетъ въ такое время, когда даже у бѣдняковъ не истощился еще осенній запасъ хлѣба. Приготовленія къ празднику заключаются въ томъ, что варятъ пиво, колютъ свинью и дѣлаютъ колбасы. Безъ двухъ послѣд-

нихъ кушаньевъ нельзя и думать о празднованіи Рождества: свинину и колбасу естъ и не называетъ иначе какъ „рождественскимъ кушаньемъ“. Вечеромъ, наканунѣ праздника, вносится въ избу солома, и всѣ, старъ и младъ, располагаются на ней вповалку. Но между тѣмъ, какъ старшіе съ спокойствіемъ ожидаютъ наступленія праздника, младшіе члены семейства заводятъ любимую національную игру — *passilöoma* (битье жгутомъ). Каждый играющій вьетъ себѣ жгутъ изъ соломы и старается ударить имъ по той части тѣла своего сосѣда, которая отвѣчаетъ обыкновенно за всѣ проступки провинившагося, и, въ свою очередь, подвергается такимъ же ударамъ отъ сосѣда. Это обоюдное стеганье дѣлается, разумѣется, въ шутку, но часто кончается тѣмъ, что играющіе начинаютъ драться серьезно и таскать другъ друга за волосы. Отецъ семейства прекращаетъ ссору приглашеніемъ разгорячившихся игроковъ къ столу, произноситъ краткую молитву, и рождественское кушанье, состоящее въ похлебкѣ изъ колбасы и капусты, уничтожается. Послѣ ужина начинаютъ снова игру, продолжающуюся до поздней ночи, и все засыпаетъ тутъ же на соломѣ. Праздничный столъ остается накрытымъ до слѣдующаго утра, на случай прихода какого-нибудь гостя или заблудившагося странника, который въ этотъ день повсюду между эстами найдетъ дружелюбный приемъ и угощеніе; да и вообще существуетъ у нихъ патріархальный обычай, по которому, не смотря на время дня или ночи, гостю изъ своихъ всегда подается пища, разумѣется, если у самихъ хозяевъ есть чѣмъ угостить.

2) *Новый годъ*. Въ полночь, съ начатіемъ новаго года, хозяинъ беретъ по горсти каждаго рода хлѣба и бросаетъ вверхъ къ потолку, приговаривая: „дай Богъ, чтобъ такъ высоко росло зерно въ этомъ году!“ Въ самый же день новаго года, на всѣхъ дверяхъ, на всей домашней утвари и даже на хлѣбѣ творится знаменіе креста, чтобы врагъ рода человѣческаго не имѣлъ доступа къ жилищу. Даже на саяхъ, на которыхъ въ этотъ день отправляются въ церковь, видны начертанные мѣломъ кресты. Лошади, назначенныя къ поѣзду въ церковь, получаютъ въ этотъ день хлѣба, овса и пива вдоволь; пивомъ поятъ ихъ, чтобы придать огня: дѣло въ томъ, что, по окончаніи службы, всякій торопится, какъ только можетъ, чтобы поспѣть домой раньше другихъ, ибо, по мнѣнію ихъ, кто пріѣдетъ раньше всѣхъ, будетъ въ продолженіи цѣлаго наступающаго года

скорѣе и успѣшнѣе всѣхъ кончатъ свои работы. Въмѣсто соломы разстилается въ этотъ день на полу сѣно. Нѣкоторые отливаютъ также такъ называемую „новогоднюю свѣчу“: это простая толстая свѣча, которая вверху расходится двумя или четырьмя концами.

3) *Масляница*. Въ первый день этого праздника ѣдятъ соленыя ноги колотыхъ осенью свиней, и на младшемъ изъ сидящихъ за столомъ лежитъ обязанность перенести по-одиночкѣ въ зубахъ всѣ кости съѣденной имъ ноги на чердакъ.

4) *Благовѣщеніе*. Это любимый праздникъ женщинъ, ибо прекрасный полъ, чтобы получить румянецъ, напивается въ этотъ день до-пьяна. Не позволяется также въ Благовѣщеніе зажигать въ избѣ свѣчу, ибо предполагается, что поднимающаяся рожь можетъ оттого пострадать.

5) *Ивановъ-день*. Въ этотъ день зажигаютъ различные огни, деревья, смоляныя бочки и т. п., и собираютъ цѣлебныя травы. Молодыя дѣвки приносятъ домой по пучку благовонныхъ травъ и кладутъ ихъ подъ головную подушку, чтобы видѣть въ слѣдующую ночь пріятный сонъ.

6) *День св. Ѳомы*. Въ этотъ день съ различными обрядами зарѣзываютъ барана.

7) 29-го іюня многіе изъ эзельскихъ крестьянъ считаютъ обязанностью убить какое либо животное въ пищу и говорятъ: „въ Олаевъ день должно ножъ окривавить“.

8) *День всѣхъ усопшихъ*. Въ прежнія времена день этотъ, 2-го ноября, игралъ значительную роль: приготовлялась трапеза для душъ умершихъ. Каждый отецъ семейства, смотря по состоянію, готовилъ болѣе или менѣе великолѣпный ужинъ; около полуночи приказывалъ подавать на столъ, посылалъ всѣхъ домашнихъ скрыться на скотный дворъ или въ какой либо другой уголокъ, и оставался въ жилой избѣ одинъ, ожидая пока пѣніе пѣтуха означитъ наступленіе полночи. Тогда отворялъ онъ двери и, называя по имени каждаго изъ умершихъ родныхъ и друзей, приглашалъ ихъ на трапезу, принималъ каждаго изъ невидимыхъ гостей радушными словами и поклономъ, и просилъ садиться за столъ. Когда невидимые, по его мнѣнію, всѣ собрались и усѣлись, хозяинъ спрашивалъ гостей, какъ они поживаютъ со времени разлуки, и самъ рассказывалъ имъ про свою судьбу, про свое счастье и несчастье, не забывая при этомъ упра-

шивать гостей, чтобы они кушали. Увѣря себя, наконецъ, что невидимые поѣли всего вдоволь, онъ снова растворялъ двери, свѣтилъ лучиною, просилъ гостей отправиться домой, не осудить его за простое угощеніе, благодарилъ за честь посѣщенія, просилъ о такомъ же и на слѣдующій годъ, и каждому на прощанье махалъ по три раза бѣлымъ платкомъ, поручая иногда поклониться и другимъ знакомымъ въ царствѣ тѣней. Послѣ такихъ проводовъ домашніе вызывались изъ засады, и скоро и весело истребляли оставшіяся послѣ невидимыхъ кушанья. Въ настоящее время день этотъ уже не празднуется на Эзелѣ.

9) *Вечера Яо*. Существуетъ обычай проводить особымъ образомъ девять дней, предшествующіе празднику Рождества Христова. Это называется *Jäoõhto piddamine* (держатъ вечера Яо). Въ теченіе всѣхъ этихъ девяти дней, всякій шумъ воспрещается настрожайше: никто не смѣетъ ни рубить дровъ, ни прясть, ни стирать, ни производить какую либо другую работу, сопряженную съ шумомъ; даже громкій говоръ избѣгается по возможности. Гробовая тишина, такъ сказать, царствуетъ въ это время въ жилищахъ эстовъ; если же кто уронитъ какую вещь, или другимъ образомъ произведетъ нечаянно стукъ или шумъ, вся семья приходитъ въ отчаяніе. Справляемое такимъ образомъ празднество служитъ, по понятіямъ эстовъ, къ тому, чтобы защитить наступающій годъ отъ бурныхъ непогодъ и грозъ.

Похоронные.

Объ уходѣ за больнымъ не слишкомъ заботятся, стараются только побольше накормить его. Эсты полагають, что не должно умирать на кровати. Поэтому лежащаго въ борьбѣ со смертію поднимають съ постели и кладутъ на полъ, на соломенную подстилку, что по-эстски называется *rikka õlline rappnema* — класть на длинную солому. Покойника тщательно омывають и одѣтаго кладутъ потомъ на столъ. Ночью караулятъ его, и караульщики въ угощаютъ моченымъ, слегка посоленнымъ горохомъ, чтобы было имъ чѣмъ разгонять сонъ и скуку. По свидѣтельству Люце, еще лѣтъ сто тому назадъ кой гдѣ существовалъ обычай зарывать съ покойникомъ головную щетку, кусокъ мыла, мелкую монету, склянку съ водой, иглу и пряжку для штопанья чулокъ и топоръ, при чемъ мертвому говорили слова, приводимыя Карамзинымъ: „иди, несчастный, въ міръ лучшій, гдѣ нѣмцы

уже не могутъ властвовать надъ тобою, а будутъ твоими рабами!“ (Истор. госуд. росейск. изд. 2, том. III, стр. 143). Иной старикъ, неизмѣющій родственниковъ, справлялъ по себѣ поминки еще при жизни, для чего приглашалъ крестниковъ или сосѣднихъ парней и угощалъ ихъ какъ водится. По смерти его поминокъ уже не дѣлалось; да и къ чему, когда предусмотрительный старикъ остался не въ накладѣ. Гробъ ставятъ на телѣгу, на которую садятся всѣ приближенные умершаго, нѣкоторые — даже и на самый гробъ; за этою телѣгою слѣдуютъ другія съ множествомъ провожающихъ мужчинъ и съ женщинами, окутанными въ бѣлые платки. Всѣ поютъ и при этомъ держатся за вѣдущій на рысяхъ гробъ. Предъ опускаемъ покойнаго въ могилу, одинъ изъ приближенныхъ, пяткою лѣвой ноги, три раза ударяетъ по гробу, чтобы мертвый не беспокоилъ родныхъ своими ночными посѣщеніями. Погребенія совершались прежде очень скоро, и умершій по утру, къ вечеру былъ уже на кладбищѣ.

Суевѣрія.

Еще разнообразіе вѣрованія эстовъ въ благодѣтельныхъ и нечистыхъ духовъ, коимъ поэтическое воображеніе придало привлекательныя черты: у нихъ существуютъ ундины (Näk, Wessi Hallias), эльфы, лѣшіе (Mets-Hallias), подземные духи (Maе allused), колдуны и колдуньи, которые могутъ превращаться въ разныхъ животныхъ, преимущественно въ волковъ.

1) *Подземные духи* (Maе allused) выходятъ иногда, напр. въ ночь предъ новымъ годомъ, изъ своихъ жилищъ и издѣваются надъ людьми. Въ полночной тишинѣ, приложивъ ухо къ землѣ, въ теченіе 7 ночей, отъ Рождества до новаго года, можно слышать какъ подземные духи куютъ металлы; можно даже различить желѣзо, серебро или золото звучить подъ молотомъ. Подземные духи сковали корону змѣиному царю. Ослѣпительный блескъ ея вызвалъ отвсюду змѣй, собравшихся вокругъ своего побѣдителя въ видѣ большой копны, изъ которой голова его сіяла какъ солнце. Если сѣсть на мѣсто, подъ которымъ живутъ подземные духи, то они надуваютъ различныя сыпы, особенно липаи. Чтобы избѣжать бѣды, прежде чѣмъ сѣсть, слѣдуетъ на это мѣсто три раза плюнуть. Между Анзекюлемъ и Корки, въ лѣсу, жители Шворбе набрасываютъ груду дубинъ. Это мѣсто

считается жилищемъ злыхъ духовъ, а дубины бросаютъ для того, чтобы удержать ихъ въ почтеніи. Такимъ признается всякое мѣсто, гдѣ случилось какое-либо несчастье, или что нибудь непонятное.

2) *Домовые* считаются духами добрыми, приносящими пользу тому дому, гдѣ поселяются. Всякій, говорятъ эсты, самъ можетъ завести себѣ такого домового: стоитъ только сдѣлать, по известной формѣ колдовства, наружную оболочку его изъ пакли, старыхъ тряпокъ, сосновой коры и т. п., и потомъ три четверга сряду, по вечерамъ, на одной изъ перекрестныхъ дорогъ, звать „чернаго“, который, по заключенному съ нимъ договору, и приводитъ приготовленное чучело въ дѣятельность. Чортъ за это требуетъ въ задатокъ чернаго зайца; но хитрый эстъ обманываетъ его: вмѣсто зайца даетъ чернаго кота, и обманъ этотъ дурныхъ послѣдствій не имѣетъ, потому что всегда остается ненаказаннымъ. Домовой вылетаетъ изъ дому за поживой въ ночное время и всегда возвращается съ богатой добычей; при этомъ похищенное имъ имущество образуетъ въ воздухѣ огненный хвостъ. Кто, замѣтивъ такое явленіе, успѣетъ, по правиламъ колдовства, перерѣзать себѣ на лѣвой ногѣ перекрестныя завязки башмаковъ, тотъ получаетъ часть похищенной домовымъ добычи: домовый бросаетъ ее на лету, принужденный къ тому продѣланной операцией.

3) *Русалокъ* эзельскихъ никто не видалъ, слышать только ихъ хохотъ. Онѣ живутъ въ источникахъ, озерахъ, но особенно въ текучей водѣ и преимущественно въ пучинѣ. Подойдетъ ли купающійся близко къ такому мѣсту, гдѣ вода вертится воронкой, русалка тянетъ его въ воду и онъ погибаетъ на вѣки. Про русалку, которая по эстеки называется *Naek*, или *Wessi-hallias*, рассказываютъ, что это прекрасная дѣвушка съ длинными волосами, которая часто въ лѣтніе дни купается на морскомъ берегу, качается на волнахъ, рѣзвится, поетъ и расчесываетъ свои роскошные волосы, оставляя одежду свою для просушки на камняхъ. Иногда русалка превращается вдругъ въ хорошенькаго, великолѣпно осѣдланнаго жеребчика; въ этомъ видѣ любитъ она присоединяться къ играющимъ дѣтямъ, бываетъ съ ними смирна, обходительна и даже позволяетъ садиться на себя. При этомъ конь и сѣдло могутъ увеличиваться по произволу, такъ что дюжина и болѣе дѣтей, всѣ вмѣстѣ, могутъ усѣсться и кататься. Но какъ скоро кто нибудь, по неосторожности, произнесетъ *naek*, лошадь и сѣдло исче-

заютъ, оставляя на берегу цѣлый рядъ сѣдоковъ, съ растопыренными ногами и разинутыми отъ недоумѣнія ртами.

4) *Лпийй*. Лѣшаго, по-эстски *Mets-hallias*, представляютъ себѣ съ отвратительной наружностью, духомъ злымъ, который образуетъ эхо и любить дразнить заблудившихся по ночамъ путниковъ. Суевѣрные эсты боятся его и до сихъ поръ.

5) У эзелцевъ есть еще *страшиллица*, пугающія людей: Тонтъ, Метса-Тонтъ и Онгъ, но что это такое, никто навѣрное не знаетъ. Заслышавъ звукъ на верху избы, говорятъ: „это Тонты и Онги“.

6) *Kuelmking* есть душа умершаго, негодная ни въ рай, ни въ адъ, и потому блуждающая по землѣ, до тѣхъ поръ, пока съѣсть ее волкъ, кажется особенно лакомый до такихъ блюдъ.

7) *Эзелскіе утыри* несравненно благонравнѣе всѣхъ своихъ собратій. Обыкновенно это строгіе хозяева, которые возвращаются иногда на бѣлый свѣтъ за тѣмъ, чтобъ шумомъ и стукомъ напомнить своимъ ближнимъ объ ихъ обязанностяхъ. Единственная ихъ шалость состоитъ въ томъ, что они пугаютъ иногда дѣтей тѣхъ родителей, которые не сдѣлали имъ приличной тризны.

8) *Вообще нечистая сила*. Нѣкоторые, по роду своихъ занятій, считаютъ себя какъ бы обязанными входить въ сношенія съ „нечистою силою“: пастухи, чтобы предохранить стада свои отъ разныхъ несчастій, лѣтомъ въ особенности отъ хищныхъ звѣрей; охотники — чтобы имѣть удачу въ стрѣльбѣ.

9) *Колдовство*. Вездѣ, гдѣ существуетъ вѣра въ духовъ, есть и люди, которымъ приписывается сношеніе съ ними, и которые будто бы могутъ преимущество это, по произволу, обращать въ пользу или во вредъ. Колдуны и колдуньи умѣютъ будто бы отыскивать пропавшія вещи, дѣлать побои нечувствительными, укрощать гнѣвъ господъ, заговаривать, давать пастухамъ посохи для охраненія отъ бѣдствій въ пастушескомъ быту.

Волка крестьянинъ называетъ сѣдымъ старикомъ, смѣльчакомъ, лѣсной птичкой. Говоря объ овцѣ, зарѣзанной волкомъ, мужикъ увѣряетъ, что это сдѣлалъ лѣсъ. Эзелцы вообще уважали волка.

Многіе думаютъ, что кто имѣетъ при себѣ ужа, тому на морѣ нечего боятся ни несчастья, ни противныхъ вѣтровъ. Въ островѣ Нукѣ, увидя

змѣю, говорятъ: „*reiöke, reiöke, pruiidike taleb!*— женишокъ, женишокъ, невѣстуха идетъ! Если заговоръ не помогаетъ, значить змѣя — самка, и тогда говорятъ: „*pruiidike, pruiidike, reiök taleb!*“ — невѣстуха, невѣстуха, женишокъ идетъ! Змѣя лежитъ и не смѣетъ удалиться. Поставивъ ольховый крестъ предъ порою, вызываютъ изъ нея змѣю. Змѣя есть проявленіе злаго или разгнѣваннаго духа.

Всякая болѣзнь, не происходящая отъ Бога, исходитъ отъ *вѣтра*, насылается чарами. (Не русское ли это „*новѣтріе*“!)

Здѣшніе крестьяне носятъ съ собою ножъ въ кожаныхъ ножнахъ. Потерявъ ножъ, крестьянинъ тотчасъ втыкаетъ вмѣсто него палочку, и вотъ почему: во время грозы Юмаль преслѣдуетъ громомъ и молніею дьявола; встрѣтивъ на лету пустыя ножны, дьяволъ влѣзаетъ туда и такимъ образомъ освобождается отъ дальнѣйшаго преслѣдованія.

Вихрь есть душа старухи, выходящая на грабежъ, такъ какъ вихрь все поднимаетъ съ земли и крутитъ съ собою. Пока душа вертится вихремъ, тѣло лежитъ въ состояніи близкомъ къ смерти, и если его перевернуть ничкомъ, то душа свищетъ и визжитъ, пока найдетъ свободный входъ.

О забавной продѣлкѣ эзельцевъ при видѣ метеоровъ, интересующіеся могутъ прочитать у Люце (*Wahrheit und Muthmassung*, 106).

Само собою разумѣется, что племя, совершившее на своемъ вѣку такъ много морскихъ путешествій, должно было усвоить нѣкоторыя свѣдѣнія по астрономіи. И дѣйствительно здѣшніе крестьяне не чужды самыхъ общихъ астрономическихъ познаній. Мнѣ извѣстенъ случай такого рода. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ буря сорвала съ якоря двѣ или три лодки, въ которыхъ безопасно спали рыболовы. Одинъ изъ нихъ, помѣщавшійся въ отдѣльной лодкѣ, увидаль знакомую звѣзду, которая на минуту открылась среди непроницаемой темноты. Тотчасъ сообразивъ мѣстность, рыболовъ направилъ свою лодку какъ должно и вкорѣ благополучно достигъ гавани. Прочіе товарищи его погибли.

Исторія Эзеля передаетъ намъ, что болѣе чѣмъ за сто лѣтъ, когда не печатались календари на эстонскомъ языкѣ, между крестьянами водились составители календарей, которые вполне удовлетворяли потребностямъ жителей. Такой календарь состоялъ изъ палочекъ, длиною въ футъ. На этихъ палочкахъ были вырѣзаны различныя фигуры. Съ нѣкоторыми измѣненіями

подобный календарь могъ служить на всѣ годы. Въ настоящее время изображеніе его можно найти только въ рисункѣ.

Появленіе кометы, какъ и вообще всего необыкновеннаго, эзельцы считаютъ за худое предзнаменованіе. Кромѣ того, онѣ боятся вьюги и олицетворяютъ ее въ видѣ злой вѣдьмы, которая развѣзжаетъ по полямъ.

Въ селеніи Панкѣ, гдѣ крутой берегъ въ видѣ стѣны вышиною въ 102 фут., рассказываютъ слѣдующее преданіе: въ прежнее время каждый годъ море уносило съ берега въ этомъ мѣстѣ по одному человѣку, котораго проглатывалъ морской богъ. Чтобы избавиться отъ такого постоянного несчастія, жители рѣшили ежегодно приносить жертву морскому богу; можно полагать, что жертва состояла въ пивѣ и водкѣ, потому что и теперь есть обычай вывозить эти напитки въ море и выливать ихъ въ то мѣсто, гдѣ происходитъ сильный водоворотъ.

Въ дѣлахъ своихъ и пренріятіяхъ крестьянинъ соображается то съ направленіемъ вѣтра, то съ лунными фазами: такъ при сѣверномъ вѣтрѣ не должно закалывать животныхъ, чтобъ мясо не было жестко, и проч. Дерево становится лучше и прочнѣе, если оно срублено въ извѣстную пору. Такъ однажды помѣщикъ, заказывая экипажъ, предлагалъ своему мастеру вопросы: когда лучше рубить дерево для ступиць, спиць, косяковъ, осей и т. п.? Мастеръ смѣло отвѣчалъ: въ новолуніе, въ полнолуніе, въ первую четверть, въ послѣднюю четверть мѣсяца, но когда всѣ отвѣты истощились, онъ затруднился, и запинаясь, произнесъ: „когда... когда... совсѣмъ не будетъ мѣсяца!“

Сѣра и *assa foetida* играютъ у эзельцевъ важную роль противъ чаръ. Рожу, какъ у насъ лишай и другія сыпи, присѣкаютъ огнивомъ. Зубную боль передаютъ, при извѣстныхъ заговорахъ, животнымъ — собакамъ, воронѣ. Въ болѣзняхъ почки употребляютъ растенія съ почкообразными листьями. Противъ оспы одинъ крестьянинъ удачно употребилъ растеніе вороній глазъ (*paris quadrifolia*). Вообще доморощенные врачи всѣ свои медицинскія соображенія основываютъ на сходствѣ больнаго члена съ какими нибудь отдѣльными частями растенія.

Легенды, преданія и пословицы.

Нѣтъ въ мірѣ такого малообразованнаго народа, который существованіе свое ограничивалъ бы однимъ настоящимъ и не вынесъ изъ прошлаго своего хотя какого либо умственнаго запаса. Финновъ, у которыхъ отыскался цѣлый народный эпосъ, менѣе всего можно назвать такимъ народомъ, а эсты, какъ и финны финляндскіе, сохраняютъ сказанія, дошедшія къ нимъ изъ глубокой древности, и дѣйствующими лицами въ этихъ сказкахъ являются эстонскіе богатыри, напр. Тѣль, Калевичъ и др.

Тѣль былъ страшный великанъ и храбрый витязь; оружіемъ, съ которымъ онъ ходилъ на врага, служило ему строило или телѣжное колесо, но и безъ того онъ кулакомъ разбивалъ дома. У него было двое братьевъ; одинъ жилъ на Даго, другой былъ ваннемомъ въ Вольде; съ послѣднимъ у него былъ одинъ заступъ. Понадобится ли Телю заступъ, онъ свиснетъ брату, и тотъ кинетъ заступъ въ Тѣллистъ. Огородъ у него былъ на Руно. Поставивъ котелъ на огонь, отправлялся Тѣль за 9 миль пѣшкомъ, моремъ, и поспѣвалъ съ капустой, чуть вода закипала. Умирая, утѣшалъ онъ друзей горько плакавшихъ: „если пойдутъ на васъ враги, закричите надъ моею могилою: Тѣль, враги идутъ! И я встану и помогу вамъ“. Умеръ Тѣль, и былъ схороненъ въ Тѣллистѣ, и теперь показываютъ его могилу. Много прошло времени — враги не являлись, но мальчишки-настухи, слышавшіе про обѣщаніе Тѣля, вздумали испытать его честность; они побѣжали къ его могилѣ и разомъ вскричали: Тѣль, враги идутъ! Тѣль выпрямился, но тотчасъ догадался, что его обманули и снова легъ. И теперь уже напрасно сталъ бы кто кричать: Тѣль, враги идутъ: разсерженный Тѣль не встанетъ.

Верховное божество древнихъ финновъ, владѣтель сѣвера — *Вейн-мойнемъ* есть сынъ родоначальника великановъ — *Калева*. Народнымъ героемъ у эстовъ, какъ эстляндскихъ, такъ и лифляндскихъ, является сынъ этого Калева — *Калевепозъ* (Kalewe-poeg) или Калевичъ, сильно напоминающій нашего Илью Муромца. Преданіе представляетъ его гигантомъ, жившимъ, впрочемъ во времена не весьма отдаленныя, когда земля эстовъ завоевывалась рыцарями. Вотъ нѣкоторые рассказы о подвигахъ этого героя, доселѣ повторяющіеся въ устахъ эстовъ. Однажды три

отважные и сильные рыцаря (по эстски *gaud mehned* — „железные мужи“) вызвали Калевича на поединокъ. Противостать всѣмъ троимъ разомъ онъ счелъ неблагоразумнымъ, а потому и началъ отступать, маня ихъ за собой. Рыцари стали преслѣдовать отступающаго, каждый сколько могъ скорѣе, и когда въ погонѣ поотстали они на значительное разстояніе одинъ отъ другаго, Калевичъ остановился и началъ бой съ ближайшимъ изъ преслѣдователей, самымъ сильнымъ изъ трехъ. Послѣ непродолжительной борьбы, схватилъ онъ рыцаря за плечи, приподнялъ и ударилъ о землю такъ сильно, что вбилъ въ нее по колѣни; тутъ уже не трудно ему было сломать рыцарю ноги боковымъ ударомъ. Побѣдивъ такимъ образомъ перваго противника, схватился онъ со вторымъ, и такимъ же образомъ воткнулъ его въ землю по самую шею, а потомъ ударомъ ноги отшибъ голову. Третій рыцарь, вѣроятно самый слабый, былъ ударенъ о землю съ такою силою, что голова его ушла на нѣсколько футовъ ниже земной поверхности. Разсердившись однажды на жителей одной мѣстности, Калевичъ испортилъ ихъ землю, перенахалъ ее своимъ конемъ великаномъ и обратилъ въ болото.

Сказка о сборищахъ въ Блоксбергѣ существуетъ и здѣсь. Двѣ дѣвушки хотѣли однажды посмотрѣть какъ блоксбергскіе гости отправятся въ ночной поѣздъ. Ихъ предупредили, что ни въ какомъ случаѣ не должно надъ этимъ смѣяться. Гости готовы были отправиться, кто на козлѣ, кто на помелѣ, и куренія были уже окончены, какъ вдругъ оказалось, что одному изъ гостей не на чемъ ѣхать. Вонъ мышъ въ углу, садись на нее, вскричалъ хозяинъ. Гость вскочилъ на мышъ и хлопнулъ бичемъ. Это показалось такъ смѣшно одной изъ дѣвушекъ, что она захохотала и треснула. У мужика не было переднихъ зубовъ, но никогда никому не хотѣлъ онъ сказать, какъ и гдѣ онъ ихъ лишился. На смертномъ одрѣ признался онъ наконецъ, что былъ однажды на Блоксбергѣ. Тамъ было много нѣмцевъ, для которыхъ готовилось кушанье. Мужикъ захотѣлось узнать, каково это кушанье, и потому онъ заглянулъ въ котель, но бѣсъ, исправлявшій должность повара, такъ ловко угодилъ ему желѣзнымъ уполовникомъ, что вышибъ всѣ передніе зубы.

Пятна на лунѣ старинное сказаніе объясняетъ такъ: два вора, нена сытные въ своемъ ремеслѣ, рѣшились на дерзкое предпріятіе—украсть мѣ-

сящъ. Они взобрались туда, но сойти имъ запрещено, и тамъ они остались доселѣ.

Вообще поэтическія преданія эстовъ состоятъ изъ разсказовъ безъ рѣмъ. Докторъ Фельманъ собралъ нѣкоторыя изъ этихъ преданій и напечаталъ ихъ въ запискахъ Эстонскаго Ученаго Общества въ Дерптѣ. Приводимъ изъ нихъ одно слѣдующее, по нашему мнѣнію, лучшее и древнѣйшее.

І. Пѣсня Ваннемунне.

„У людей и у звѣрей былъ одинъ языкъ. И до сихъ поръ есть люди, которые понимаютъ языкъ звѣрей, и звѣри имъ повинуются. Но языкъ этотъ служилъ для будничнаго употребленія, для нужды жизни. Однажды же всѣ твари созданы были на общій сборъ, чтобы научиться праздничному языку, т. е. пѣснямъ — въ отраду себѣ и для прославленія боговъ. И собралось все, въ чемъ была жизнь и дыханіе, собралось у Дерпта, вокругъ Соборной Горы, гдѣ была священная роща. Вдругъ раздалось въ воздухѣ вѣяніе, умиляющее сердце, и спустился на землю Ваннемунне, богъ пѣнія. Онъ раскинулъ свои кудри, оправилъ одежду, разгладилъ бороду и ударилъ по струнамъ“.

„Сперва сыгралъ онъ прелюдію, а потомъ запѣлъ гимнъ. Все было въ восторгѣ, а самъ онъ больше всѣхъ. Тишина воцарилась въ собраніи: все внимало пѣнію. Эмбахъ остановилъ свое теченіе, вѣтеръ забылъ свою рѣзвость; деревья, звѣри и птицы напрягли слухъ, и эхо, любящее дразнить, притаилось за лѣсомъ. Но слушавшіе не всѣ равно поняли. Деревья рощи почували вѣяніе при нисхожденіи бога, и если, идя по рощѣ, услышите вы шумъ, то знайте, что божество недалеко отъ васъ. Эмбахъ вслушался въ шелестъ его одежды, и весною, когда празднуетъ возвратъ юности, журчаніемъ своимъ старается подражать этому шелесту. Вѣтеръ поймалъ на свою долю самые рѣзкіе звуки; изъ звѣрей же, однихъ поразилъ скрипъ колоквъ, а другихъ звонъ струнъ. Пѣвчія птицы, особенно соловей и жаворонокъ, переняли прелюдію. Всѣхъ меньше досталось рыбамъ: высунувъ изъ воды головы свои лишь по уши, онѣ видѣли только движенія устъ Ваннемунне, и научились подражать имъ, но остались пѣмы. Только человекъ понялъ все: оттого и пѣсни его доходятъ до глубины души и до жилища боговъ“.

„И пѣлъ Ваннемунне о величіи неба, о великолѣпной земли, о красотѣ береговъ Эмбаха, о томъ, что они лишатся нѣкогда своей очаровательности, о счастіи и несчастіи человѣческаго рода. И такъ былъ онъ растроганъ своимъ пѣніемъ, что плакалъ горячими слезами, отъ которыхъ промокли на немъ всѣ шесть кафтановъ и семь рубахъ. Потомъ отлетѣлъ онъ къ жилищу Все-Отца, чтобы пѣть и играть передъ нимъ, и посвященному слуху дано внимать иногда далекимъ отголоскамъ, несущимся свыше. А чтобы люди не забыли пѣсней, отъ времени до времени онъ посылаетъ на землю своихъ вѣстниковъ. И самъ онъ опять придетъ къ намъ, когда на юдолю нашу снова взглянетъ око счастія“.

Пословицы.

— Не всѣ куры могутъ вскочить на шестокъ (счастіе не ко всѣмъ одинаково благосклонно).

— Кто работаетъ, долженъ замараться.

— Старая дорога, старый другъ.

— Бери у рака шерсть (взятки гладки).

Загадки.

— Что подымается безъ крыльевъ? — Пухъ.

— Шевелится, качается, а никогда не падаетъ. — Дымъ.

— Одна бочка, а двухъ сортовъ пиво въ ней. — Яицо.

— Красная собачка лаетъ за косянымъ заборомъ. — Языкъ.

— Снизу одушевлено, сверху одушевлено, а посрединѣ не одушевлено. — Лошадь съ сѣдломъ и всадникомъ.

V. Внутренній бытъ.

Народонаселеніе Эзеля въ древности было очень значительно; въ XII-мъ столѣтіи эзельцы поставляли военныхъ тысячами и снаряжали сотни судовъ. Первоначальное гражданское устройство было патріархальное; главою каждаго семейства былъ отецъ, старшій — ваннемъ. Скоро общіе интересы заставили отдѣльные семейства соединиться въ союзы, главою которыхъ былъ избираемъ одинъ изъ ваннемовъ. На обязанности ваннема лежали

судъ и расправа. Весь остров послѣ раздѣлялся на восемь участковъ, управлявшихся ваннемами.

Это раздѣленіе и донныѣ видно въ различіи цвѣтовъ одежды; такъ въ Пейде носятъ платье темнобурое, въ Вольде и Каргелѣ темносѣрое, свѣтлосѣрое на Шворбе, словомъ каждый приходъ имѣетъ свой особый нарядъ. Одежда женщинъ весьма разнообразна въ различныхъ частяхъ острова; главное различіе является въ головномъ уборѣ, который носится всеми замуженными женщинами; не замуженія же плетутъ длинные волосы свои въ двѣ косы, обвязанныя кругомъ головы лентами, или же распускаютъ ихъ кругомъ плечь. Различіе одежды у мужчинъ, и въ особенности у женщинъ, столь велико, что жителей двухъ сосѣднихъ деревень по платью можно отнести къ различнымъ племенамъ. Кромѣ коричневыхъ и свѣтлосѣрыхъ кафтановъ, встрѣчается и родъ куртокъ съ металлическими пуговицами; на Моонѣ и Шворбе крестьянами употребляются лапти изъ тюленьей кожи, въ остальныхъ же мѣстахъ сапоги или башмаки. Въ однихъ мѣстахъ мужчины носятъ обыкновенныя круглыя шляпы, а въ другихъ — мѣховыя шапки изъ бараньихъ шкуръ, шерстью наружу. У женщинъ головной уборъ составляетъ одну изъ главныхъ особенностей приходскаго костюма и принимаетъ весьма оригинальныя формы: то онъ приближается къ нашему кокошнику, остроконечному колпаку, или двурогой мѣховой шапкѣ, изъ овечьихъ шкуръ, украшенныхъ въ верхней части разноцвѣтнымъ сукномъ, то весьма подходитъ къ шапкамъ лейбъ-гусаровъ, то наконецъ принимаетъ такія фантастическія формы, что рѣшительно становись въ тушикъ, когда и откуда залетѣли онѣ сюда. Быть-можетъ, онѣ возникли во времена рыцарства, когда островъ раздѣлялся на лены. Короткая куртка женщинъ или спензеръ бываетъ обыкновенно краснаго цвѣта и безъ рукавовъ; темная юбка, съ широкими цвѣтными полосами, доходитъ до половины икръ, сѣрые или синіе шерстяные чулки по праздникамъ замѣняются чулками краснаго цвѣта. Зимой, сверхъ описаннаго платья, женщины надѣваютъ еще особаго покроя кафтанъ изъ того же сукна — вадмаль. Особенно замѣчательенъ нарядъ женщинъ мустельскаго прихода. На бѣлокурую голову надѣвается черная баранья шапка, формы гири, съ двумя рогами, согнутыми въ дугу другъ къ другу. Признаюсь откровенно, что я, прогуливаясь по окрестностямъ города, часто ожидалъ увидѣть между эзель-

скими женщинами голубоокихъ и золотоволосыхъ нимфъ самой заманчивой наружности. Причиной такой фантазіи была картина одного даровитаго художника, нѣсколько лѣтъ тому назадъ украшавшая академическую выставку. Картина называлась такъ: „Жница съ острова Эзеля“, и надо сказать правду, представляла зрителямъ самое милое женское личико и самый оригинальный, даже самый блестящій костюмъ изъ всѣхъ костюмовъ, мнѣ извѣстныхъ. Къ изумленію моему оказалось, что дѣйствительныя поселанки Эзеля вовсе не сходны съ ихъ милымъ изображеніемъ. Также и костюмъ этихъ фей можетъ назваться скорѣе страннымъ, чѣмъ великолѣпнымъ. На просторѣ я часто любовался бѣлыми шерстяными юбками эзельскихъ женщинъ съ поперечными разноцвѣтными полосами, ихъ коричневыми кофтами, обхватывающими плотно станъ, ихъ синими или красными шерстяными чулками, башмаками и свѣтлыми и опрятными кафтанами. Мнѣ особенно нравились у нѣкоторыхъ дѣвицъ распущенные волосы, когда, крупные и волнистые, они роскошно выпадали изъ-подъ шерстянаго полосатаго колпака, надѣтаго на бочекъ, окаймляя загорѣлое лицо эстонки, не всегда красивой, но свѣжей, рослой и большею частію очень пріятной наружности.

Эзелець вообще рослъ и крупень, съ живописнымъ покроемъ всего его наряда; но всѣ движенія его не только не свободны, но и вялы. Въ Аренсбургѣ на каждомъ шагѣ встрѣчается субъектъ, который такъ и просится, какъ натура, въ мастерскую художника-живописца. Вотъ старикъ, съ длинными посѣдѣлыми уже волосами, развѣвающимися по воздуху, съ худощавымъ лицомъ и мутными глазами изъ-подъ изношенной шляпы, въ полосатыхъ чулкахъ и башмакахъ, въ коричневомъ камзолѣ съ большими карманами и красномъ жилетѣ, изъ-подъ котораго видна шерстяная рубашка, и пришитыя на ней бѣлыя пуговицы у самаго ворота представляютъ вѣрный крестъ †. Онъ опирается на узловатую свою палку; видно, что молодость его прошла, давно прошла, но старикъ еще въ силѣ — въ немъ своя прелесть — иному и молодому ея у него не отнять.

То бѣжить крупнымъ шагомъ дѣвушка лѣтъ шестнадцати, бѣлокурая какъ лень, въ полосатой красной съ синимъ юбкѣ, волосы ея связаны пучкомъ сзади, и незаплетенные спущены на спину. На ней какой-то вѣничекъ съ шерстяными красными тесьмами, потомъ на ней большой бѣлый

воротникъ, въ родѣ кружева, и пестрый ситцевый передникъ: иногда она подвязана шелковымъ яркихъ цвѣтовъ платочкомъ, въ другой разъ ея съ-рая кофта, застегнутая на пуговицахъ, оторочена красными тесьмами. Дѣвуха стройна и полна, насколько это можетъ придать ей красоты. Щеки ея такъ и рдѣютъ здоровьемъ. Иногда цѣлая группа на телѣтѣ и женщинъ и дѣтей такъ живописно рисуется всеми своими движеніями и позами, оригинальными нарядами и головными уборами, что такъ бы ихъ и срисоваль для любого художническаго альбома. Мы и знать не знаемъ, какъ красивы и характерны костюмы столькихъ народовъ и племенъ нашей родины Россіи, и кому не было бы отрадно съ ними ближе познакомиться? Въ Лифляндіи народные наряды держатся еще неприкосновенными, и, кажется, какъ нельзя лучше приспособлены къ климату и мѣстности своей губерніи.

Многіе изъ костюмовъ эзельскихъ крестьянокъ отличаются нѣкоторою щеголеватостью убранства, которая встрѣчается только въ Финляндіи. Обѣдненіе крестьянъ лишило большую часть эстонокъ одной изъ главныхъ принадлежностей наряда — большой серебряной, выпуклой бляхи (prees), которую застегивается на груди рубаха или верхнее платье: мѣстами онѣ еще носятъ, но гораздо меньшихъ размѣровъ.

Судъ и расправу производили въ мирное время ваннены, а въ военное они были предводителями войскъ. Различій въ правахъ между ними не было; все пользовались личною свободою и одни только военно-плѣнные подвергались рабству. Старшины жили въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, служившихъ общимъ убѣжищемъ въ военное время. Генрихъ Латышъ приводитъ частые примѣры жестокости эзельцевъ не только противъ враговъ, но и противъ одноземцевъ, принявшихъ христіанство. Междоусобія почти не прерывались. Первые жители Эзели занимались земледѣліемъ, но болѣе рыбною ловлею и морскими разбоями, извѣстія о которыхъ сохранились въ древнихъ шведскихъ, датскихъ и прусскихъ хроникахъ. Оружіе они выдѣлывали сами, равно какъ и суда, на которыхъ предпринимали смѣлые торговые, а больше удалые разбойничьи походы. Находимыя и теперь монеты свидѣтельствуютъ, что онѣ были въ ходу, и что эсты были въ сношеніяхъ съ прочими прибалтійскими народами. Когда у сосѣднихъ народовъ начали проявляться зародыши будущей цивилизаціи и стало утверждаться монархическое начало, своеволіе эстовъ и отсутствіе всякихъ общихъ интере-

совъ не допускали никакого организованнаго правленія а тѣмъ менѣ средоточія власти; напротивъ, отдѣльныя общества спорили и нерѣдко враждовали между собою. Въ такомъ положеніи разьединенія и внутренней слабости эсты были застигнуты германскими выходцами; къ этому еще нужно прибавить, что отношенія ихъ къ народу, съ которымъ они непрестанно сталкивались и были связаны одинаковыми политическими интересами, вслѣдствіе взаимной независимости, были постоянно враждебныя. Съ покореніемъ Эзеля ливонцами быстро распространилось владычество ихъ надъ туземцами; слѣдствіемъ его было рабство, утвержденное въ Лифляндіи, какъ и въ другихъ странахъ, современными понятіями и предрассудками. Образовавшійся при такихъ обстоятельствахъ характеръ эстовъ сохранился до сихъ поръ, не смотря на то, что обстоятельства, при которыхъ онъ сложился, давно измѣнились и природныя свойства должны были смягчиться при вліяніи религіи и просвѣщенія. Безпрестанныя войны съ ближайшими сосѣдями породили хитрость и склонность къ колкимъ насмѣшкамъ; независимость — нѣкоторую энергію и настойчивость; невольное подчиненіе чужеземцамъ — ненависть къ обладателямъ земли, какой бы націи они ни были; обиды, ими перенесенныя — злопамятность и мстительность; отсутствіе собственности и бѣдность — своеправіе и вѣтреность. Если характеристика эта весьма не отрадна, то съ другой стороны нужно сказать, что многія качества эстовъ обѣщаютъ самостоятельное развитіе ихъ нравственныхъ силъ: остроуміе свидѣтельствуетъ о способности логичнаго мышленія, а настойчивость изобличаетъ безстрашіе и хладнокровное мужество. Впрочемъ, не всѣ эсты въ одинаковой степени обладаютъ описанными свойствами; большая разница, даже въ наружномъ видѣ, замѣчается между обитателями Верросекаго уѣзда и жителями сѣверныхъ частей Лифляндіи, всей Эстляндіи и въ особенности острова Эзеля и другихъ острововъ; у этихъ послѣднихъ всего яснѣе выражаются отличительныя черты эстонскаго характера. Умственныя способности эстовъ съ перваго взгляда поражаютъ неразвитостью и даже ограниченностью; при болѣе же тщательномъ ознакомленіи съ ними, нельзя не замѣтить, что они обладаютъ умомъ весьма лукавымъ и острымъ; къ тому же не лишены и поэтической способности: поэзія ихъ имѣетъ характеръ эпическій, предметы воинственныхъ разсказовъ относятся къ исторіи народа и чуднымъ дѣяніямъ боговъ и героевъ,

а изложеніе имѣеть повѣствовательную форму въ третьемъ лицѣ. Настоящій есть трудолюбивъ, честенъ, терпѣливъ, упрямъ. Шестъ дней въ недѣлѣ онъ работаетъ неутомимо, воскресенье посвящаетъ сперва молитвѣ, а потомъ увеселеніямъ. Вино оказываетъ на него (и это всегда, безъ исключенія) самое вредное дѣйствіе. Чѣмъ больше пьетъ онъ, тѣмъ становится угрюмѣй и горе пріятелю, который захочетъ разшевелить эту апатическую натуру. Вялое лицо чухонца при ссорѣ подергивается странными судорогами; онъ неукротимъ въ эту минуту, обижается всѣмъ, лѣзетъ на ссору, и даже на людей, не обращающихъ на него никакого вниманія, смотритъ дико. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливымъ оказывается афоризмъ одного умнаго медика: жителямъ остзейскихъ губерній надо избѣгать вина пуще яда— для нихъ, какъ и для всѣхъ жителей Германіи, судьба создала пиво.

Земледѣліе не составляетъ главнаго занятія эста. Иные изъ прибрежныхъ поселянъ предпочитаютъ контрабанду всѣмъ отраслямъ промышленности. И не мудрено. За бочку ржи, онъ получаетъ въ Швеціи двѣ бочки соли, и за нихъ выручаетъ у себя дома четыре бочки ржи. Такимъ образомъ онъ пріобрѣтаетъ на сто 400°. Эстъ-контрабандистъ есть лицо, будто созданное для романа съ эффектами. Онъ силенъ, терпѣливъ, неустрашимъ, предприимчивъ. На небольшой парусной лодкѣ онъ смѣло переплываетъ Балтійское море, и выручивъ барышъ за свою неустрашимость, отважно поднимаетъ парусъ и возвращается на родину. Здѣсь предстоятъ ему тысячи опасностей, непрерывная цѣпь изъ пограничныхъ стражниковъ выжидаетъ его; но борьба съ упрямою натурою эста не всегда легка. Онъ пристаеетъ къ берегу, усѣянному камнями, скрывается въ тростникъ и лишь предстоитъ ему опасность быть пойманнымъ, спѣшить въ открытое море. Между тѣмъ сообщники его, разсыянные по берегу, извѣщаютъ его, то пѣснями, то огнями, то наконецъ имъ однимъ извѣстными знаками. Чаше контрабандистъ обманываетъ бдительность стражи, появляется вдругъ на нѣсколькихъ пунктахъ и благополучно выгружаетъ свою добычу. Въ крайности контрабандистъ смѣло состязуется съ стражею, и въ старое время бывали примѣры дикихъ и кровопролитныхъ схватокъ на берегу моря. Въ Аренсбургѣ ходитъ много легендъ про старыя времена контрабандныхъ приключеній, про сторожей, зашитыхъ въ мѣшки и бро-

шенныхъ въ море, про цѣлыя битвы, про единоборства и подвиги геркулевой силы, про хитрости, мастерски задуманныя и выполненныя. Къ удовольствію мирныхъ путешественниковъ — теперь не случается подобныхъ приключеній. Былые же эзельскіе контрабандисты напоминаютъ отчасти своихъ предковъ, которые, по сказаніямъ исторіи, въ XII и XIII в. были отважными пиратами и грабили окрестные берега Балтійскаго моря до предѣловъ Даніи; въ средніе вѣка, зажигая ложные огни, они наводили мореплавателей на рифы, окружавшіе острова, при чемъ пользовались, во имя береговаго права, жизнью и имуществомъ несчастливцевъ, потерпѣвшихъ крушеніе.

VI. Характеръ эзельцевъ.

Самыя раннія извѣстія относительно эзельцевъ представляютъ ихъ племенемъ, достигшимъ, благодаря унаслѣдованному отъ предковъ занятію морскимъ разбоемъ ⁽¹⁾, практическаго и всесторонняго взгляда на вещи. Также, благодаря своимъ морскимъ путешествіямъ, познакомились они съ народами, о которыхъ ихъ соплеменники на материкѣ не имѣли понятія. Тоже мореходство довело ихъ до пріобрѣтенія нѣкоторыхъ знаній путемъ опыта. Крѣпкіе тѣлосложеніемъ отъ чистаго воздуха открытаго моря, эзельцы не признавали никакихъ законовъ о чужой собственности, не знали надъ собой никакой власти, кромѣ силы оружія. Дитлибъ фонъ-Альпнеке, называя эзельцевъ „гордыми язычниками“, очевидно хочетъ выставить ихъ отважными, непреклонными, надѣющимися на свою силу.

Что эзельцы выдѣлялись изъ среды другихъ эстовъ болѣе высокой культурой и болѣшимъ духомъ предпріимчивости, намъ не нужно выводить изъ многочисленныхъ разсказовъ объ отдѣльныхъ подвигахъ, но мы вполне удовлетворимся выписками изъ хроникъ Генриха Латыша. Онъ приравни-

---

(1) Генрихъ Латышъ такими словами подтверждаетъ это: «Когда епископъ Альбертъ возвращался въ 1203 году изъ Германіи, встрѣтилъ онъ эзельскихъ эстовъ-язычниковъ на 16 корабляхъ, которые только что сожгли церкви, убили жителей, немощныхъ захватили въ плѣнъ; они также опустошили страну, разбили колокола и церковные сосуды, какъ поступаютъ до сихъ поръ язычники эсты и куры въ Даніи и Швеціи (VII, 1)». Дитлибъ ф. Альпнеке разсказываетъ: «Лѣтомъ, какъ мнѣ извѣстно, они (эзельцы) опустошаютъ окрестности; куда только могутъ они добратся по водѣ, вездѣ они разбойничаютъ и у христіанъ и у язычниковъ (ст. 361, также 1624)».

васть къ нимъ въ этомъ отношеніи только гарріевъ, которые „увлеклись предложеніями эзельцевъ (заниматься грабежомъ въ союзъ съ ними), тогда какъ другіе (напр. жители Вьерланда и Герве) не согласились на подобныя предложенія“.

Эзельцы выказывали не только отважный, воинственный, рѣшительный, но и въ высшей степени жестокой характеръ.

Адамъ Бременскій говоритъ: „На томъ (Восточномъ) морѣ лежитъ большой островъ Эстландія; жители его вообще не признаютъ христіанскаго Бога, но обожаютъ птицъ и дракона, которымъ приносятъ въ жертву живыхъ людей, приобретенныхъ отъ купцовъ“. И дальше: „на этомъ морѣ находятся и другіе большіе острова, населенные жестокими варварами, и поэтому мореплаватели обходятъ ихъ“.

Этими словами онъ указываетъ на островитянъ (съ Эзеля, Мона и Дагена), которыхъ онъ весьма рѣзко называетъ „дикими, варварскими народами“. Уже древнія исландскія саги говорятъ объ эзельцахъ, какъ о хищныхъ морскихъ разбойникахъ. На основаніи этихъ словъ и другихъ разсказовъ о различныхъ походахъ скандинавскихъ героевъ противъ Эйсиселя мы должны предположить, что въ древности эзельцы грабили прибрежье Восточнаго моря и выказывали при этомъ большую жестокость.

Изъ Ніалекскихъ сагъ 1150 года видно, что въ концѣ X-го столѣтія Гуннаръ фонъ-Глидарендъ и Кользекъ предпринимали походъ въ Рафалу (Ревель) и въ Эйсисель. Равнымъ образомъ Эрикъ ярль Шведскій сдѣлалъ около 1000-го года нападеніе на Эйсисель и другіе острова. Около того-же времени (1008 г.) Олафъ Святой опустошилъ Эйсисель и, когда жители оказали сопротивленіе, разбилъ ихъ на голову.

Всѣ эти походы скандинавскихъ королей на Эйсисельскую область, очевидно, имѣютъ цѣлью отищеніе; между прочимъ Генрихъ Латышъ, при разсказѣ о походѣ датскаго короля и епископа лундскаго противъ Эзеля въ 1206 году, говоритъ, что онъ былъ „предпринятъ единственно ради отищенія“ (Генр. Лат. X, 13).

По Псковской лѣтописи возеляне, подъ которыми разумѣются эзельцы, напали на Юрьевъ (Дерптъ) и сожгли его (около 1060 г.); затѣмъ они сдѣлали набѣгъ также на самый Псковъ, но были разбиты соединенными силами новгородцевъ и псковитянъ.

Въ 1180 году сдѣланъ былъ хищный набѣгъ на Швецію; по всей вѣроятности въ немъ участвовали эзельцы въ соединеніи съ другими эстами.

Легко видѣть, какъ боялись свирѣпыхъ эзельцевъ сосѣди, если обратить больше вниманія на приводимое здѣсь изъ хроникъ Генриха Латыша мѣсто: „Когда въ 1203 году плывшіе въ Лифляндію пилитримы увидѣли въ Висби (на Готландѣ) эзельцевъ на 16 полныхъ добычею корабляхъ, то упрекали мѣстныхъ купцовъ въ томъ, что они дозволяютъ врагамъ христіанъ приставать такъ безнаказанно къ ихъ гавани. Тѣ однако уклонялись отъ рѣшительныхъ дѣйствій и предпочитали жить съ эзельцами въ мирѣ“ (VII, 1, 2).

Въ 1226 году даже папскій легатъ Вильгельмъ Моденскій не могъ склонить готландцевъ и датчанъ къ нападенію на язычниковъ, только что возвратившихся на корабляхъ изъ Швеціи съ богатою добычею. „Нѣмцы оказались послушными“, говоритъ Генр. Латышъ: „но готландцы и датчане не выказали ни малѣйшей охоты“ (XXX, I). Тамъ же находимъ: „эзельцы наносятъ много вреда, выказывая большую жестокость и предаваясь постыднымъ страстямъ; часто они насилуютъ плѣнныхъ женщинъ и дѣвушекъ, или же берутъ ихъ себѣ въ наложницы, каждый по двѣ, или по три; продаютъ ихъ курамъ и другимъ язычникамъ, однимъ словомъ, все недозволенное считаютъ дозволеннымъ“. Еще болѣе должны были вселить страхъ къ эзельцамъ жестокости, подобныя нижеприведеннымъ: „Послѣ паехи картезіанскій монахъ Фридрихъ Целле вмѣстѣ со своимъ ученикомъ и нѣсколькими ливами отправились въ Ригу. И вотъ при устьѣ р. Аа на нихъ наткнулись эзельцы; бросившись на монаховъ, они связали ихъ; привели на корабли и, приставши въ устьѣ р. Аддіа, страшно истязали ихъ. Напримѣръ, когда Целле, обративши взоръ къ небу, пѣлъ съ ученикомъ благодарственный гимнъ Богу, эзельцы насмѣхались надъ нимъ, ударяя его по головѣ и спинѣ дубинами и приговаривая: „пой, пой, попь!“ Наконецъ, вонзивъ имъ подъ ногти заостренные колышки и растерзавъ на куски, сожгли ихъ на кострѣ (XVIII, 8)“. Другія подобныя жестокости, которыя Генрихъ Латышъ приписываетъ эстамъ (XIV, 8; XIX, 3; XXVI, 6), но которыя характеризуютъ также и эзельцевъ, мы оставляемъ въ сторонѣ.

Помимо всѣхъ этихъ жестокостей, они однако не были лишены и

воинскихъ доблестей; въ сраженіяхъ они были неустрашими и храбры. Объ этомъ не менѣе часто упоминаетъ Генрихъ Латышъ. Дитлибъ Альннеке, при описаніи Кармельской битвы (ст. 6199), прямо выставляетъ ихъ народомъ храбымъ, который „при общей сумятицѣ остается непоколебимо на полѣ битвы“. Какъ указаніе на рѣшимость эзельцевъ, читаемъ мы у Генриха Латыша (подъ 1203 годомъ): „Когда эзельцы, ограбивъ датскія церкви, съ большою добычею возвращались назадъ, они были задержаны у острова Готланда нѣмецкими пилигримами и, не смотря на большое численное превосходство послѣднихъ, тотчасъ рѣшились вступить въ бой. Когда же на одномъ изъ кораблей изъ 30 человекъ было убито 22, оставшіеся 8, чувствуя себя болѣе не въ силахъ сражаться, рѣшились съечь свой корабль, лишенный почти всего экипажа, съ тѣмъ, чтобы, съ одной стороны, не замедлить отплытіе своихъ судовъ, съ другой же, чтобы даже пустой корабль не достался нѣмцамъ“. Также въ 1204 году нѣмецкіе пилигримы близъ Висби подверглись нападенію эстовъ, но отбили ихъ, при чемъ эсты⁽¹⁾ изъ 22 кораблей потеряли 2. Когда экипажъ одного изъ кораблей замѣтилъ, что нѣмцы одолѣваютъ его, то „гордые язычники“ предпочли броситься въ море, лишь бы не попасть въ руки непріятелей и отъ нихъ ожидать себѣ пощады (VIII, 4).

Если эзельцы во всѣхъ почти стычкахъ съ нѣмцами принуждены были уступать имъ, бѣжать и часто терпѣть потери, иногда довольно большія, то это еще не служитъ признакомъ трусости, или малодушія, но только доказываетъ превосходство нѣмецкаго вооруженія. Особенно при отступленіи, вслѣдствіе отсутствія правильной команды и дисциплины, эзельцы несли большія потери.

Сражаясь неудачно съ нѣмцами, они имѣли однако большой успѣхъ въ борьбѣ съ датчанами и шведами. Такъ, однажды они завладѣли шведскимъ замкомъ Леаль, не смотря на то, что гарнизонъ его состоялъ изъ 500 человекъ (Генр. Лат. XXIV, 3). Въ томъ же году послѣ 14 дневной осады Ревеля они побѣдили датчанъ (ib. XXIV, 7). Равнымъ образомъ разбили они датскаго короля, который (въ 1222 г.), собравъ большое,

(1) Согласно съ Арндтомъ (I, 38 примѣч.) и мы считаемъ этихъ эстовъ за островитянъ эзельцевъ.

надежное войско, рѣшился дать сраженіе на островѣ Эзелѣ. Однако король векорѣ получилъ подкрѣпленіе, разбилъ эзельцевъ и построилъ руками плѣнныхъ каменный дворецъ, въ которомъ оставилъ въ видѣ гарнизона своихъ датчанъ и нѣсколькихъ нѣмецкихъ рыцарей. Но эзельцы до тѣхъ поръ осаждали замокъ, пока не принудили осажденныхъ сдаться на капитуляцію. Только противъ напора нѣмцевъ, особенно въ открытомъ полѣ, эзельцы ничего не могли сдѣлать. Съ другими же племенами они болѣе или менѣе справлялись. Поэтому нужно удивляться, какъ эзельцы, не смотря на столь громадныя ежегодныя потери, были въ состояніи снаряжать экспедиціи. И въ то время, какъ нѣмцы ежегодно усиливались переселенцами изъ Германіи, приходившими оттуда въ большомъ количествѣ, и постоянно въ походахъ призывали къ себѣ на помощь ливовъ, латышей, а впослѣдствіи и покоренныхъ эстовъ, эзельцы опирались единственно на свои средства; вслѣдствіе чего мы принуждены считать средства эзельцевъ гораздо значительнѣйшими, чѣмъ можно себѣ представить.

Непоколебимо-твердый характеръ этихъ либераловъ-пиратовъ выказывается въ часто повторявшихся попыткахъ къ возстанію. Такъ они возставали въ 1241, 1255, 1266 годахъ противъ своихъ притѣснителей, которыхъ непомѣрныя требованія очевидно были причиною возстаній.

Аридтъ пишетъ: „Если вѣрить большинству писателей, то господа чрезвычайно жестоко поступали съ доведенными до отчаянія крестьянами; и вотъ, когда, въ 1343 году, возстаніе приняло рѣшительный характеръ, эзельцы не задумались подчиниться лифляндскому ордену, лишь бы не быть рабами. Они располагали войскомъ въ 10,000 челов., но не имѣли давно случая упражняться въ военномъ искусствѣ, страдали недостаткомъ оружія и преимущественно недовѣриемъ къ своему дѣлу, такъ какъ крайне боялись мести своихъ господъ, которая неминуемо постигла бы ихъ. Вслѣдствіе этого они такъ были разбиты подъ Ревелемъ, что весьма немногимъ удалось увидѣть родину“ (1).

На полѣ битвы подъ Ревелемъ утасла навсегда для эзельцевъ надежда на свободу; гдѣ же воспоминанія о прошедшемъ своего народа не

---

(1) Полководецъ Бургардтъ фонъ-Дрейлевенъ въ 1345 г. изрубилъ при Каррисѣ 9000 ч., а остальныхъ принудилъ выстроить крѣпость Зюнебургъ.

погибли, тамъ они доведены были до забвенія силою оружія. У эзельцевъ ничего не осталось отъ прежней доблести, кромѣ горькой ненависти къ своимъ господамъ и неохотной готовности имъ повиноваться.

О характерѣ настоящихъ эзельскихъ эстовъ всѣ безпристрастные наблюдатели отзываются съ похвалою: чувство правоты и чести развито у нихъ до мелочей и честность доходить часто до упрямства. Они вообще мягки и смиренны: драки, насилія, убійства случаются между ними весьма рѣдко. Но эта мягкость характера нисколько не мѣшаетъ его упругости: эсть упрямъ по природѣ, а раздраженный или обиженный до глубины души, онъ становится мстителемъ, злорадивъ и стоекъ во враждѣ. При этомъ, не слишкомъ чувствительные къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, эсты обладаютъ большою смѣлостью, при легкой рѣшительности ихъ часто переходящую въ самую дерзкую отважность, въ совершенное презрѣніе смерти; но самоубійствомъ эсть, въ противоположность племенамъ, находящимся на одинаковой степени развитія, гнушается, какъ ужаснѣйшимъ преступленіемъ. Изъ дурныхъ качествъ эстовъ на первомъ планѣ являются лѣность и безпечность: при обыкновенной бѣдности многіе незапасливы до того, что въ неурожайные годы умираютъ съ голоду. Притомъ всѣ они не прочь всегда выпить. Занимаются преимущественно земледѣліемъ. Платье, телѣжки, посуду, лодки и проч. приготавливаютъ они сами.

VII. Вооруженіе.

Въ древности эсты дѣлали оружіе изъ камня. По Инглинской сагѣ (гл. 15) эстонцы выступаютъ противъ короля Ингвара, вторгнувшагося въ Эстляндію, недалеко отъ Састамы, и разбиваютъ шведовъ каменнымъ оружіемъ (Гревингъ „каменные древности“, стр. 74); это случилось во второй половинѣ VI столѣтія. И теперь еще нерѣдко находятъ въ землѣ каменное оружіе; все, что извѣстно объ этихъ находкахъ, мы передаемъ ниже на основаніи протоколовъ засѣданій ученаго общества въ Дѣрптѣ, а также по даннымъ профессора Гревинга. Нижеупомянутыя вещи находятся въ коллекціи „Общества изученія древностей острова Эзеля“, за исключеніемъ № 1 и № 2, съ которыхъ общество имѣетъ только гипсовые снимки.

№ 1. Сѣкира, съ круглымъ отверстіемъ для рукоятки, въ формѣ часо-

ваго стекла; лезвіе хорошо сохранилось, немного закривлено; длина 148 миллиметровъ, толщина 45, ширина 70. Поперечный разрѣзь отверстія 25 и 28 миллиметровъ. Тщательно сдѣлана изъ діорита, и вначалѣ видимо была хорошо отшлифована, но сдѣбалась немного шереховатой отъ вывѣтриванія. Найдена на Эзелѣ.

№ 2. Каменный топоръ съ острова Мона. Тщательно и со вкусомъ сдѣланъ изъ діорита; вѣроятно употреблялся для обработыванія другихъ металлическихъ издѣлій; хорошо сохранился. Длина 144 миллим., вышина 44, толщина 64. Діаметръ отверстія 26—28 миллим. (Фигура 1).

№ 3. Каменный топоръ съ отверстіемъ для рукоятки. Длина 145 миллим., ширина 69, толщина 59. Поперечный разрѣзь отверстія 25—28 миллим. Сдѣланъ изъ крупнозернистаго діорита; полевой шпатель, тамъ, гдѣ былъ, вывѣтрился. Найдень на берегу Эзеля (Фигура 2).

№ 4. Топоръ (каменный) съ отверстіемъ; длина 116 мм., ширина 45, толщина 42, поперечникъ отверстія 17 и 19 мм. Сдѣланъ изъ мелкозернистаго діорита, полевой шпатель вывѣтрился. Найдень на берегу Эзеля.

№ 5. Половина кам. топора, но съ цѣлымъ отверстіемъ; внутренніе края топора нѣсколько попорчены. Направленіе и качество лезвія можно узнать по маленькому кусочку полеваго шпата, еще оставшагося, не смотря на сильное вывѣтриваніе, убавившее толщину кусочка на 4 мм. Вышина 36 мм., толщина 65 мм., поперечникъ отверстія 30 и 28. Сдѣланъ изъ зіенита, нѣсколько отложившагося, а потому и при обработкѣ былъ шереховатымъ. Найдень на морскомъ берегу Эзеля.

№ 6. Сѣкира (ф. III) съ отверстіемъ; конецъ, противоположный лезвію, имѣетъ форму часоваго стекла; лезвіе нѣсколько попорчено, шереховато и загнуто сверху. Длина 154 мм., ширина 68, вышина 46, поперечникъ отверстія 24 и 27 мм. Центръ его лежитъ въ 98 мм. отъ лезвія и въ 56 отъ обуха. Сдѣлана изъ діорита и очень тщательно. Поверхность чрезвычайно хорошо отполирована. По формѣ совершенно соотвѣтствуетъ описанію проф. Гревинга (№ 107). Эта сѣкира найдена въ 1865 г. въ веретѣ отъ кармельскихъ крестьянскихъ холмовъ, на глубинѣ 1 фута подъ зыбучимъ пескомъ сосноваго лѣса, покрывающаго поле кармельской битвы.

№ 7. Половина топора съ половиной отверстія. Проф. Гревингъ такъ

описываетъ его: „Обломокъ просверленнаго топора найденъ при церкви Мона; сдѣланъ изъ рѣдко встрѣчающейся породы порфира, описанной мною въ моихъ „каменныхъ древностяхъ“ (§ 32); порода эта состоитъ изъ волочнообразно расположенныхъ частицъ порфира; такой родъ порфира встрѣчается только еще въ Христіаніи. Видно, весь топоръ внослѣдствіи былъ отшлифованъ, вслѣдствіе чего лезвіе сдѣлалось острѣе“.

Были ли эти инструменты сдѣланы туземцами, или же они введены промѣномъ и покупкой, сказать утвердительно нельзя, какъ по причинѣ неодинаковой работы, такъ и вслѣдствіе продолжительности времени. Однако клеймо на буравѣ, найденномъ въ имѣніи Кизелы, ясно доказываетъ, что и эзельцамъ не было чуждо искусство выдѣлыванія каменнаго оружія. Оно было въ употребленіи, рядомъ съ металлическимъ, даже еще въ XIII столѣтіи, но абсолютно каменное оружіе употреблялось только до VI вѣка (Гревингъ „Кам. древн.“ стр. 108). Въ битвѣ при Браваллѣ, при Азенскомъ озерѣ, которую относятъ къ VIII стол., но которая имѣетъ мало исторической достовѣрности, каменное оружіе замѣнено было металлическимъ. Въ этой битвѣ эсты, ливы и куры такъ сильно и ловко бросали конья, что имъ не могъ противостоятъ никакой щитъ (Гревингъ, стр. 75). Тѣмъ не менѣе должно предположить, что наравнѣ съ металлическимъ употреблялось и каменное оружіе, тѣмъ болѣе, что въ Кармельской битвѣ (1266 г.) были нѣкоторые случаи употребленія каменнаго оружія, подобнаго находкѣ подъ № 6. Вообще же оружіе Эстовъ далеко не было хорошо, что можно заключить изъ того извѣстнаго факта, что нѣмцы, послѣ своихъ частыхъ побѣдъ надъ эстами, никогда не пользовались отнятымъ у нихъ оружіемъ. Замѣчательно, что Генрихъ Латышъ, въ описаніи взятія дерптской цитадели (1224 г.), упоминаетъ объ оружіи русскихъ, но объ оружіи эстовъ и ливовъ, принимавшихъ участіе въ этомъ сраженіи, умалчиваетъ. Онъ прямо пишетъ: „Стрѣлки, посланные изъ Риги къ ливамъ для охраны замка, сразились въ открытомъ полѣ съ эстами (съ материка и съ Эзеля), причѣмъ многихъ ранили и убили, такъ какъ эсты не имѣли оружія, а если и имѣли нѣкоторые изъ нихъ, то не освоились еще съ его употребленіемъ (XV, 3)“. Зная недостатокъ оружія у эзельцевъ, необходимо предположить, что они пользовались такимъ, которое никакимъ образомъ нельзя причислить къ разряду оружія. Такъ напримѣръ нѣсколько времени тому назадъ на Туг-

гульскомъ дугу, на глубинѣ трехъ футовъ, найденъ однимъ крестьяниномъ клинокъ (ф. 4), называемый также рѣзцомъ. Длина его $8\frac{1}{2}$ дюймовъ, ширина $4\frac{1}{4}$. Лезвіе значительно закривлено. Ручка плоская и шириною въ 1 д. Весь клинокъ отъ ржавчины кажется покрытымъ лакомъ (см. прим. 1 въ концѣ главы). Рукоять подобнаго оружія была или такая же, какъ у сѣкирь, или просто прямая. Что клинокъ этотъ служилъ оружіемъ эзельцевъ, признано изслѣдователями древности (Нильсонъ, стр. 143), хотя это, можетъ быть, только единичные случаи. Вообще вооруженіе эзельцевъ, такъ насъ интересующихъ, было сходно съ вооруженіемъ язычниковъ, занимавшихъ побережье Балтійскаго моря. Всѣ эти оружія перечислены въ старинной лѣтописи города Ніенштадта (Матеріалы для исторіи Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, стр. 422, I, 3), гдѣ говорится, что вооруженіе эзельцевъ состояло изъ лука, серповъ, косъ, топоровъ съ длинными рукоятками, рогатинъ, копій, молотовъ и пращей, подобныхъ той, изъ которой Давидъ пустилъ камень въ Голиафа. Но главную роль, безъ сомнѣнія, играли дубины. Тацитъ пишетъ (Герм. 45), что эсты, впрочемъ не родоначальники нынѣшнихъ эстовъ, бѣдны желѣзомъ, но часто пользуются дубинами. Даже спустя 1000 лѣтъ, когда металлъ получилъ болѣе обширное примѣненіе, оружіе это было еще въ употребленіи. Такъ, извѣстно, что эзельцы убили священника Фридриха Целле дубинами (Генр. Л. XVIII, 8). Какого рода были эти дубины, можно судить по „обитымъ кольцами (железными) и гвоздями палицамъ, отнятымъ у ливовъ, какъ трофей, и хранящимся въ Рижскомъ „Schwarz-Haupter-Hause“ (Матер. къ ист. Лифл. и т. д. стр. 141, III, 1)“.

Наравнѣ съ дубинами и палицами въ большемъ ходу были у эзельцевъ, выказавшихъ въ 1215 г. вышеупомянутую жестокость, также и сѣкиры. Ихъ еще и теперь находятъ, причемъ форма ихъ совершенно такая же, какую описалъ Крузе въ своемъ атласѣ „Neerolovonica“. Нужно также упомянуть о стрѣлахъ и лукахъ, употреблявшихся эзельцами въ сраженіи 1215 года въ новой Эзельской гавани (Генр. Л. XIX, 5. По Ганзену стр. 193 и 195). Железные острія стрѣлъ сохраняются въ коллекціи „Общества розысканій по острову Эзелю“.

Что касается мечей, то увѣряютъ, что эзельцы вовсе не знали такого оружія; однако это трудно согласовать съ тѣмъ, какимъ образомъ могъ

этотъ народъ вести столько войнъ безъ этого необходимѣйшаго оружія. Да наконецъ много мечей находили въ эзельскихъ могилахъ и Крузе снялъ съ большей части ихъ снимки гипсовые. „Общество собиранія древностей острова Эзеля“ имѣеть одинъ такой мечъ (ф. V). Мечъ этотъ былъ найденъ въ 1866 году въ хрящевомъ курганѣ, возлѣ скелета въ согнутомъ положеніи; онъ лежалъ такъ, что рукоять приходилась между колѣнами, а лезвіе между подошвами ногъ. При раскопѣ оказалось, что ручка меча (длина всего меча 20 д., ширина $1\frac{1}{4}$ д.) была совсѣмъ разломана. Клинокъ лежалъ очевидно въ ножнахъ изъ кожи или дерева, причеиъ мѣсто, приходившееся противъ лезвія, было обито латуною, во избѣжаніе порчи лезвія. Равно и снаружи ножны были украшены зигзагообразно полосками латуни, прибитой маленькими штифтиками. Матеріалъ же, изъ котораго были сдѣланы ножны, истлѣлъ. Въ общемъ величина и видъ найденнаго меча вполне похожи на снимокъ Крузе (табл. 2 фиг. 8). Другимъ доказательствомъ невѣроятности сдѣланнаго предположенія, будто эзельцы не употребляли мечей, служить слѣдующее мѣсто въ лѣтописи Генриха Латыша. Тамъ разсказывается, какъ эзельцы вмѣстѣ съ другими эстами пускали тучи стрѣлъ на христіанъ. „Когда вышелъ запасъ стрѣлъ, они, схватясь за мечи, подступили ближе; дѣло дошло до рукопашнаго боя; раненные христіане падаютъ, а язычники мужественно борются (XV, 3)“. Какимъ бы образомъ могли эсты внушить нѣмцамъ уваженіе къ своей храбрости во время рукопашнаго боя, если бы они не имѣли мало-мальски порядочнаго оружія, тогда какъ Генр. Л. упоминаетъ объ этомъ уваженіи нѣмцевъ къ эстамъ (см. прим. 2). Къ тому же лѣтописецъ разсказываетъ, что въ битвѣ эзельцевъ со шведами при замкѣ Леаль (въ 1220 г.) почти всѣ шведы пали отъ ударовъ мечей: „*ceteri (Swecorum) in ore gladii omnes corruerunt*“ (XXIV, 3). Это выраженіе „*in ore gladii*“ т. е. „остриемъ меча“ Генр. Л. употребляетъ часто, говоря и о нѣмецкихъ мечахъ („*in ore gladii cunctos perimentes*“ XXIII, 9). Это выраженіе нельзя употребить въ свободной рѣчи, ибо едва-ли оно равносильно: „они пали отъ дубинъ и дротиковъ“. Такимъ образомъ мнѣніе, что эзельцы имѣли мечи, подтверждается. Конечно, нельзя отвергать, что мечи эстовъ во всемъ были подобны мечамъ нѣмцевъ.

Самымъ важнымъ и употребительнымъ оружіемъ былъ дротикъ, или копье; объ нихъ Генрихъ Л. упоминаетъ при описаніяхъ почти всѣхъ битвъ

(напр. XV, 3; XIX, 5; XXX, 4). Они бросались на подобіе метательныхъ копій. Между находками съ острова Эзеля копыя или дротики занимають самое большое мѣсто, притомъ имѣють разнообразныя формы. Длина ихъ колеблется между 8—12 дюймами. Остріе собственно метательныхъ копій маленькое и укороченной формы. Наравнѣ съ копьями эзельцы употребляли также и щиты, какъ наприм. въ битвѣ при Герве (противъ ливовъ, латышей и нѣмцевъ въ 1220 г. XXIII, 9). Изъ описанія Трейденской битвы (1211 г.) видно, что всѣ эсты (по большей части эзельцы) были снабжены щитами (Г. Л. XV, 3). Читая дальше, мы увидимъ, что язычники взяли за щиты, а нѣмцы отражали непріятельскія копыя своими „жельзными“ (*ferreis gladiis*) мечами; на этомъ основаніи мы можемъ предположить, что щиты эзельцевъ были не жельзные, но сдѣланы были изъ кожи, или изъ дерева. Также не имѣли они ничего общаго съ щитами куровъ (описанными у Г. Л. XIV, 5), кромѣ того, что и тѣ были сдѣланы изъ дерева. Въ заключеніе скажемъ, что эсты, безъ сомнѣнія, употребляли пращу, которую изобразилъ Крузе въ своемъ атласѣ подѣ № 9. „Общество собиранія рѣдкостей острова Эзеля“ также имѣеть въ своей коллекціи одинъ экземпляръ пращи, найденный въ песокѣ на полѣ Кармельской битвы, вмѣстѣ съ другими остатками вооруженія. О способѣ метанія камней изъ пращи будемъ говорить впослѣдствіи подробнѣе. Другое оружіе врядъ-ли было у эзельцевъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, случайно прибрѣтенныхъ вещей. Такъ попадались у нихъ кинжалы и ножи. Крузе описываетъ одинъ кинжалъ, найденный въ Ашенраде, говоря, что онъ висѣлъ на грудныхъ цѣпочкахъ до половины туловища. Ножны сдѣланы изъ кожи и обиты латуною. Подобный инструментъ изображенъ у Крузе въ табл. 11, 4, а обломокъ въ табл. 16, ф. 2, а. Другой, подобный вышеописанному, обломокъ найденъ на Кармельской равнинѣ; только здѣсь цѣпочка, оторванная отъ ноженъ, лежала подлѣ. Въ ножнахъ находились три заржавленные клинка, ручки у которыхъ вывѣтрились. Описанная вещь находится въ коллекціи „Общества розысканія древностей острова Эзеля“ (ф. 6).

Все вышесказанное касается пѣхоты. Конница же эзельцевъ едва-ли имѣла кромѣ копыя какое-либо другое оружіе, какъ напр. мечъ или кинжалъ. Оборонительнымъ оружіемъ служилъ имъ щитъ (Г. Л. XV, 3). Такъ какъ въ запискахъ нашего лѣтописца нигдѣ нѣтъ даже намековъ на что-

либо подобное сѣдлу, то мы вынуждены согласиться, что эзельцы обходились безъ него, что впрочемъ легко можно предположить, принимая во вниманіе ихъ дикій характеръ и образъ жизни. Чѣмъ проще было оружіе эзельской конницы въ сравненіи съ рыцарскою нѣмецкою, тѣмъ больше было число оружія, какъ въ послѣдствіи нами будетъ доказано.

Нашимъ современнымъ артиллерійскимъ снарядамъ мы можемъ приравнять осадныя машины эзельцевъ, благодаря которымъ язычники эти такъ упорно держались противъ христіанъ. Метаніе громаднхъ камней самый естественный способъ обороны, вслѣдствіе чего этого рода машины встрѣчаются у всѣхъ тогдашнихъ народовъ. Уже писатели древности говорятъ объ осадныхъ машинахъ. Въ первыхъ сношеніяхъ своихъ съ нѣмцами эзельцы познакомились съ этими машинами посредствомъ сильнаго дѣйствія ихъ. Мало-по-малу по образу нѣмецкихъ машинъ эзельцы сдѣлали и себѣ. Уже въ 1215 г. (Г. Л. XIX, 5) они съ кораблей метали на нѣмцевъ изъ своихъ петерелловъ громадныя камни. Такъ какъ дѣйствіе этихъ машинъ было разсчитано на небольшое разстояніе (ибо едва-ли тогдашніе корабли могутъ поразить насъ своей величиной), то, вѣроятно, подобныя метательныя орудія были не особенно большихъ размѣровъ. Въ 1222 году только эзельцы познакомились ближе съ машиной, которую датчане прислали варболенцамъ, своимъ подданнымъ, въ видѣ подарка. Возвратившись домой, эзельцы тотчасъ построили 17 такихъ же машинъ и такъ стѣснили датчанъ, что тѣ принуждены были сдаться на капитуляцію (Г. Л. XXVI, 3). Изъ того, что передаетъ лѣтописецъ въ этихъ двухъ мѣстахъ, можно заключить, что онъ имѣлъ въ виду сказать о двухъ родахъ машинъ, большихъ и малыхъ. Машинами большого калибра эзельцы защищали свой замокъ Монъ въ 1227 г. Различіе между машинами видно, между прочимъ, изъ того, что лѣтописецъ, имѣя въ виду большія машины, пишетъ: „peterebella“, а маленькія называетъ „ballistae“ (см. пр. 3). Но и „peterebella“ были, смотря по нуждѣ, большого и меньшаго калибра (XIV, 10; XXIII, 8; XXVII, 2; XXVIII, 5). Изъ записокъ Генр. Л. видно, что подобными машинами метались не только камни, но и копыя, намазанныя смолою, или варомъ, или другимъ какимъ-либо горючимъ веществомъ (Г. Л. въ XXIII, 8 рассказываетъ объ особенномъ успѣхѣ этихъ метательныхъ машинъ). Къ такимъ результатамъ пришелъ и Левисъ въ своемъ описаніи метательныхъ

машинъ (Матер. т. I, ч. 2, стр. 227). Но онъ также мало даетъ намъ понятія объ этихъ машинахъ, какъ и Генрихъ Латышъ. Что говоритъ Бангертъ въ своемъ „ad Arnoldum Lubicensem“ объ этихъ „petterella“ мы сказать не можемъ, такъ какъ не могли достать этого сочиненія. За то мы можемъ представить подробное описаніе этихъ машинъ изъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Прусскій сборникъ веѣхъ до сихъ поръ вышедшихъ сообщеній, матеріаловъ и извѣстій“ (т. 3, 8. Данцигъ, 1750 г.). Хотя тамъ описаны машины, употреблявшіяся рыцарями и пруссами во взаимныхъ войнахъ, но безъ всякаго сомнѣнія мы можемъ предположить, что это тѣ самыя орудія, которыя употреблялись рыцарями и датчанами противъ ливовъ, куровъ и эстовъ и впоследствии переняты послѣдними у рыцарей. Такъ какъ названная книга сдѣлалась теперь большою рѣдкостью, то мы рѣшились помѣстить здѣсь описаніе этой машины въ томъ объемѣ, который показался намъ достаточнымъ для уясненія нужнаго изображенія.

Какъ говоритъ неизвѣстный сочинитель въ введеніи (т. I стр. 1 — 28), описаніе машинъ основано не на его собственныхъ наблюденіяхъ, но на собраныхъ извѣстіяхъ, которыя онъ нашелъ у составителей древней прусской исторіи и у нѣкоторыхъ другихъ писателей. Кажется, что онъ пользовался и такими источниками, которые теперь затеряны. Онъ говоритъ, что машины, о которыхъ идетъ дѣло, назывались блидами или блейдами (свинчатками). Онъ назывались иногда „instrumenta bellica“ (Дусбергъ т. III гл. 37), вообще же „machinae erectae“ (ib. гл. 38). При осадахъ крѣпостей, какъ и башенъ, пользовались обыкновенно тремя блидами (см. пр. 4), судя по гл. 89, 112, 113 и 114, или двумя, по гл. 117. Въ той же 117 главѣ ясно описаны блиды; мы передаемъ вкратцѣ эту главу съ нѣмецкаго перевода Ершина: „Литовцы подошли къ крѣпости съ блидами; но съ непріятельской стороны стрѣляли въ продолженіи 8 дней непрерывно также изъ блидъ. Непрiатели пускали изъ луковъ острия стрѣлы, а изъ блидъ метали большіе камни и зажигательные снаряды, отъ которыхъ литовцы терпѣли большой убытокъ. Особенно тутъ отличился одинъ воинъ, по имени Генрихъ Тупадель, чрезвычайно искусный въ метаніи стрѣлъ. Онъ убилъ знатнаго литовца. Потомъ онъ замѣтилъ литовца, взбиравагося на верхъ блида, чтобы исправить механизмъ и направить стрѣльбу на крѣпость; когда мастеръ

взобрался на токи, Генрихъ пустилъ стрѣлу и такъ удачно, что пригвоздилъ руку мастера къ блиду“.

Описаніе блидовъ⁽¹⁾ показываетъ, что это было ничто иное, какъ орудіе, посредствомъ котораго метались въ городъ или въ войско громадные камни, съ цѣлью нанести возможно большій вредъ. Вполнѣ справедливо можно назвать эти машины пращами для камней; въ такомъ случаѣ онѣ соотвѣтствовали бы римскимъ катапультамъ. Нужно замѣтить, что это были высокіе подмости, по которымъ можно было взбираться въ вышину машины, откуда мастеръ, стоя на докѣ⁽²⁾ (или токѣ), направлялъ дѣйствіе машины. Они были необходимою принадлежностью машины. Иначе, съ какою цѣлью мастеръ долженъ бы былъ входить на верхъ машины, если бы снизу можно было направлять полетъ. Между тѣмъ изъ вышеприведеннаго отрывка Дусберга видно, что „мастеръ, взошедшій на машину для управленія, былъ раненъ стрѣлою“.

Блиды употреблялись не только осаждающими, но и осажденными для защиты отъ непріятелей. Такъ изъ 112 гл. III т. Дусберга видно, что крѣпость Везенбергъ осаждаема была пруссаками 3 года и ежедневно обстрѣливалась изъ трехъ блидовъ. Братья ордена, завладѣвъ однимъ блидомъ, втащили его въ крѣпость, храбро боролись при его помощи противъ непріятелей. Значитъ, его можно было передвигать съ одного мѣста на другое; кромѣ того, изъ блида средняго калибра можно было стрѣлять и большими камнями. Такъ какъ при осадахъ крѣпостей употреблялось по два и по три блида, то дѣйствіе ихъ было значительно, иначе не ограничивались бы такимъ незначительнымъ числомъ. Также необходимы были люди, наблюдавшіе за машинами и управлявшіе ими; поэтому были особенные мастера, приносявшіе большую пользу при осадѣ. Было 2 рода блидовъ; одни бросали большіе камни, другіе малые; одни были въ состояніи пустить одно бревно, другіе же нѣсколько, причемъ убивалось много непріятелей. Когда

---

(1) На нижне-нѣмецкомъ нарѣчій блидъ—веселый; названіе, вѣроятно, дано вслѣдствіе того, что весело было стрѣлять изъ нихъ.

(2) Доки, или токи; это такой снарядъ, посредствомъ котораго можно было измѣнять направление полета камней; въ токарныхъ станкахъ они извѣстны подъ именемъ «бабки». Можно предположить, что этотъ снарядъ состоялъ изъ двухъ столбовъ, между которыми повертывалось бревно, а затѣмъ пускалось на непріятельское войско, или въ укрѣпленное мѣсто.

чувствовался недостатокъ въ стрѣлахъ, пускались въ ходъ и камни. На этомъ основаніи Локценій пишетъ: „катапультами метались и длинныя копья и небольшіе камни“ („Шведскія и Готскія древности“ кн. III гл. 2). Изъ блидовъ бросались и столбы и камни въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ. Но такъ какъ всѣ орудія, изъ которыхъ стрѣляли, назывались „*ballistae*“, то и блиды назывались иногда балистами. Такъ, Дусбергъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Генрихъ Тунадель убилъ одного знатнаго литовца выстрѣломъ изъ баллисты“ (117 гл., ч. 3).

Теперь скажемъ о тумллерахъ. О нихъ упоминаетъ Каспаръ Шютце, въ Вартенбергской хроникѣ: „Затѣмъ на всякомъ удобномъ мѣстѣ поставили (противъ кавовъ) снаряды и орудія, называвшіяся блидами и тумллерами; это были орудія, при помощи которыхъ бросались большіе камни, иногда зажигательные снаряды“ (II хр. о Прусской землѣ, стр. 76). Линденблаттъ въ данномъ случаѣ прибавляетъ: „это были пищали для стрѣльбы не только камнями, но и дробью“. Это нужно принимать въ томъ смыслѣ, что и тогда существовали уже огнестрѣльные орудія, изъ которыхъ бросались однако маленькіе шары, не болѣе 1 лота вѣсомъ. Жерла же, изъ которыхъ бросались большіе камни, тогда еще не были въ употребленіи. Поэтому Шютце ошибается, говоря, что эти орудія при завоеваніи были наилучшія, пока не появились адскія пищали, изобрѣтенныя 20 лѣтъ спустя.

Вышеназванный Линденблаттъ подъ 1385 г. передаетъ, что литовцы и русскіе расположились лагеремъ подъ Маріенвердеромъ, близъ литовской границы, и сражались при помощи блидовъ, тумллеровъ и пищалей, причѣмъ стрѣляли изъ нихъ въ продолженіи 6 недѣль непрерывно день и ночь. Поэтому мы можемъ представить себѣ тумллеры орудіями, которыми метались въ крѣпость громадные камни, а иногда и цѣлыя бочки съ горючими матеріалами. Это ясно подтверждается словами Шютце, а также слѣдующимъ отрывкомъ:

„Отъ выстрѣловъ блидовъ и тумллеровъ домъ былъ поврежденъ со всѣхъ сторонъ, хотя осажденные ничего не предпринимали, надѣясь на крѣпость и толщину своихъ стѣнъ и башенъ. Но наканунѣ пасхи непріатели обратили противъ стѣнъ всѣ свои орудія; они метали сверху въ городъ бочки съ горючимъ матеріаломъ (т. е. съ соломой, прутьями и т. п., намазан-

ными смолой и дегтемъ); а такъ какъ большинство домовъ было деревянныхъ, то произошелъ пожаръ, постепенно усиливался“.

Разсматривая эти описанія, увидимъ, что скорѣе всего къ туммлерамъ подходили баллисты.

На стр. 13—18 неизв. составитель даетъ даже картину разрушенія, производимаго выстрѣлами блидовъ; все это почерпнуто имъ изъ богатыхъ источниковъ почти всѣхъ извѣстныхъ народовъ (книга Маккавеевъ VI, стр. 51; Флавій Иосифъ, кн. V; у большинства греческихъ и римскихъ писателей; у шведскихъ и испанскихъ лѣтописцевъ). Онъ говоритъ, что на неприятеля метались камни, отъ 100 до 360 фунтовъ вѣсомъ, иногда цѣлыя бочки, наполненныя горючими веществами, балки (бревна) въ 12 фут. длины, жернова, бревна, обитыя желѣзомъ. Что касается ихъ силы, то издатель говоритъ, что марсельскія бревна, усыпанныя желѣзными иглами, длиною до 12 футовъ, были кидаемы съ такою силой, что вонзались въ землю, пролетѣвъ черезъ 4 соединенныя брони. Такія бревна (они дѣлались изъ клена) валили людей цѣлыми рядами⁽¹⁾. Подобными туммлерами проламывались ворота, пробивались стѣны и башни. Камни въ 120 ф. вѣсомъ летали на 2 поприща, а въ 360 ф. около 800 футовъ. Также была значительна и скорость стрѣльбы. Въ одной испанской хроникѣ разсказывается, что изъ одного туммлера ночью было сдѣлано 500 выстрѣловъ, а днемъ около 1000.

Сила выстрѣла зависѣла отъ степени натянутости тетивы. Чѣмъ болѣе натягивали ее, тѣмъ сильнѣе былъ выстрѣлъ; на тетивы употребляли, въ случаѣ нужды, лошадиные и женскіе волосы.

12 снимковъ съ туммлеровъ можно найти въ III книгѣ Лирзія, въ его 3-мъ разговорѣ объ осадномъ искусствѣ. Но различныхъ родовъ было больше, чѣмъ представлено на рисункахъ, такъ какъ много было еще названій, попадающихся въ другихъ книгахъ. Такъ существовали туммлеры, называемые „scorpiones“, „onagri“, и т. д.

⁽¹⁾ Генр. Л. объ осадѣ Мезотена говоритъ: «Самъ Альбертъ Саксонскій принялъ на себя управленіе этой машиной; бросилъ первый камень и сбилъ башни (у семигаловъ) и людей съ нихъ. Бросилъ второй и повалилъ на землю цѣлыя части укрѣпленій. Бросилъ третій—проломилъ три толстые столба у укрѣпленій, опрокинулъ ихъ и убилъ много людей (XXIII, 8)».

Чтобы легче понять устройство этихъ снарядовъ, ихъ можно раздѣлить на 5 группъ.

Изъ 1-му разряду можно причислить арбалеты или самострѣлы, коихъ сила дѣйствія и быстрота полета зависитъ отъ удара тетивы въ стрѣлу, которую надо пустить. Вообще можно сказать, что чѣмъ болѣе натянута дуга и тетива, тѣмъ скорѣе летитъ стрѣла, или что либо подобное. Пусть сила, съ какою натянута тетива a , — будетъ k ; сила же, съ какою тетива натянута до b , — $2k$; въ такомъ случаѣ натянутость тетивы и дуги въ a — будетъ 1; а въ b — 2 единицы. И если нѣтъ препятствія, то стрѣла изъ a полетитъ со скоростью единицы, а изъ b — со скоростью двухъ единицъ. Если пространство, пролетаемое стрѣлою a , — назовемъ черезъ w , то во второмъ случаѣ пространство будетъ $2w$ (въ два раза больше), предполагая, что нѣтъ никакого препятствія, или что стрѣла движется въ пустомъ пространствѣ. Разстояніе же a отъ точки опоры тетивы составитъ больше $\frac{1}{2}$ пространства отъ той же точки до натянутости b , такъ какъ дуга, обладающая эластичностью, тѣмъ менѣе можетъ быть согнута, чѣмъ болѣе она выведена уже изъ своего обыкновеннаго положенія.

Если бы давленіе дуги равнялось давленію воздуха, то можно бы было вычислить силу напряженія; тогда тетива заняла бы свое мѣсто на квадратъ разстоянія отъ точки опоры. Если давленіе стальной дуги и не равно давленію воздуха, то разница все же не поразительна, что и видно изъ опыта.

Сообразно съ толщиной лука можно было удлинять и утолщать самую тетиву и пускать, благодаря этому, не только стрѣлы, но и другія тѣла. Иногда 2 тетивы соединялись вмѣстѣ, такъ что въ серединѣ образовывалась какъ бы сѣть, куда вклились стрѣлы или камни. Тетива такъ устраивалась, что при малѣйшемъ ударѣ молотка отскакивала и ударяла въ стрѣлу или камень. О другихъ особенностяхъ этого рода луковъ, о его разныхъ положеніяхъ, крѣпости тетивы и т. п. не станемъ болѣе распространяться.

Второй родъ состоялъ въ томъ, что для отбрасыванія стрѣлы употреблялась не только тетива, но и натянутая дуга. Съ той же скоростью, съ какою въ первомъ родѣ тетива приходитъ въ прежнее положеніе, здѣсь движется дуга, или точнѣе концы ея. Если нѣтъ тетивы, а только укрѣпленная въ серединѣ дуга, то ее при помощи веревокъ приводятъ въ

наиболѣе далекое разстояніе отъ точки опоры (до предѣла упругости) и затѣмъ отпускаютъ веревки; тогда дуга, стремясь занять свое прежнее положеніе, по пути задѣваетъ за стрѣлу, которая летитъ какъ бы пущенная тетивой, то есть, съ такой же скоростью, какъ и въ первомъ случаѣ. Вережка, которая натягиваетъ дугу, такъ должна быть устроена, чтобы отскакивала сама собою, когда дуга получитъ наибольшую упругость. Вмѣсто цѣлой дуги можно пользоваться и половиной, даже прямымъ тѣломъ. Тогда они, будучи прикрѣплены къ другому тѣлу, предназначенному для стрѣлы и проч., и отведенныя на столько, сколько позволяетъ ихъ гибкость, отпускаются и такимъ образомъ приводятъ въ движеніе стрѣлы, ударяясь объ нихъ. Это можно понять, сгибая шпагу или рапиру и затѣмъ давая ей возможность возвратиться въ прежнее положеніе. Конечно, движеніе не будетъ столь же быстро, какъ въ лукѣ съ тетивой, гдѣ стрѣла движется тѣмъ скорѣе, чѣмъ короче тетива, при одномъ и томъ же напряженіи.

Если тѣло, взятое вмѣсто дуги, совсѣмъ не гнется, то необходимо придѣлать тетиву. Такъ какъ послѣдняя всегда эластична, то, стремясь принять прежнее положеніе, увлекаетъ съ собою стрѣлу. Конечно, нужно наблюдать извѣстную пропорцію между тяжестью тѣла и эластичностью тетивы и чтобы тетива при движеніи не встрѣтила препятствія!

Третій родъ состоитъ изъ рычага, плѣчи котораго не равны. Короткое плечо приводится въ сильное движеніе, вслѣдствіе чего длинное быстро ударяетъ въ стрѣлу и тѣмъ отбрасываетъ ее. Если короткое плечо рычага вдвое короче длиннаго, то движеніе длиннаго плеча вдвое быстрѣе, такъ что быстрота полета стрѣлы зависитъ отъ ея соразмѣрности и отъ силы удара. Такъ, напр., если вѣсъ стрѣлы будетъ слишкомъ великъ, то и быстрота полета будетъ меньше.

Четвертый родъ оружія представляетъ подражаніе пращѣ, приспособленной къ постановкѣ на землю. Здѣсь не нужно вертѣть нѣсколько разъ пращу, но эта машина устроена такъ, что камень подбрасывается только одинъ разъ и сейчасъ же уносится. Скорость и силу полета камня можно бы было увеличить, сдѣлавши колесо, которымъ вращается праща, съ болшею окружностью, какъ въ ручной пращѣ, гдѣ радіусъ окружности вращенія достаточно великъ. Это орудіе годится только для болѣе легкихъ

по вѣсу камней; къ тому же оно мало приноситъ пользы. Другіе писатели ничего не упоминаютъ объ этой машинѣ.

При *пятомъ родѣ* достигается большая скорость полета тѣла, чѣмъ при другихъ машинахъ. Такое ускореніе зависитъ частію отъ неравномѣрности плечъ рычага, частію отъ высоты, съ которой тѣло падаетъ, частію отъ вѣса тѣла. Къ этому роду нужно отнести и туммлеръ, изображенный на ф. VII. Онъ состоитъ изъ столба, оканчивающагося винтомъ *e*, около котораго движается ось *cd*; концы этой оси проходятъ черезъ два колѣна *if* и *cg* короткаго плеча рычага; длиннымъ плечомъ рычага будетъ разстояніе отъ *h* до *e*; на фигурѣ туммлеръ представленъ въ томъ положеніи, когда камень приготовленъ къ полету. Камень лежитъ въ пращѣ *k*; къ обоимъ колѣнамъ короткаго плеча рычага придѣланы ящики *bg* и *af*, наполненные гириями (эти гири вынимаютъ, если хотятъ перенести туммлеръ на другое мѣсто). Какъ только засовъ *ms* помощью веревки *n* отдернуть, сейчасъ же ящики съ гириями стремительно потянутъ внизъ короткое плечо рычага; тогда длинное плечо поднимается вверхъ, таща за собой веревку съ пращею *k*; петля отвязывается и камень улетаетъ; затѣмъ опять палкою надѣвають на конецъ длиннаго плеча кольцо *o* и, надѣвши, наматываютъ на валъ *p*. Если нужно было пустить какой-либо горючій матеріалъ, то для этого употребляли ухватъ *q*, который привинчивали къ концу длиннаго плеча рычага; для бросанія цѣлой бочки употреблялся ухватъ другаго рода, съ лапами, въ которыя вставлялась бочка.

Легко понять, какимъ образомъ увеличивалась сила метанія—очевидно укорачиваніемъ короткаго плеча рычага; если короткое плечо составляло $\frac{1}{5}$ длиннаго, то скорость полета вверхъ была въ 5 разъ больше скорости паденія короткаго плеча, ибо въ одно и то же время длинному плечу приходилось пройти разстояніе въ 5 разъ больше того, какое нужно было пройти короткому. Затѣмъ, если увеличить тяжесть короткаго плеча (накладываніемъ въ ящики большого количества гирь) въ 5 разъ, то скорость паденія будетъ въ 5 разъ больше, слѣдовательно скорость поднятія длиннаго плеча въ 5 разъ больше. При совокупности этихъ условій (т. е. увеличивая длину длиннаго рычага и тяжесть короткаго въ 5 разъ) тѣло взлетитъ въ 25 разъ скорѣе. Это можно понять на вѣсахъ;

взявъ одно плечо въ 5 разъ длиннѣе другаго и увеличивъ вѣсъ его также въ 5 разъ.

При метаніи камней и проч. главную роль играетъ праща съ веревками, которая при своемъ движеніи отъ *k* имѣетъ большой кругъ движенія, чѣмъ конецъ *h* длиннаго плеча рычага. Преимущества и выгоды этого ясно видны изъ опыта, причемъ легко усмотрѣть и всѣ недостатки. Но всѣ случаи нельзя изслѣдовать за неимѣніемъ настоящаго тумллера; также нельзя опредѣлить и силу движенія съ надлежащею точностью.

Были и такіе тумллеры, которые походили на тотъ шестъ, коимъ поднимается въ колодцѣ ведро съ водою. Въ этихъ тумллерахъ большая гири привѣшивалась къ короткому рукаву, доходившему вслѣдствіе этого почти до земли; выстрѣлы производились вторымъ плечомъ. Вообще, гири всегда двигались вкругъ оси *s*, съ тою цѣлью, чтобы при натягиваніи онѣ были ближе къ точкѣ опоры и не находились въ горизонтальномъ положеніи; вторыхъ, чтобы, благодаря подвижности и длинѣ, рычагъ приходилъ скорѣе въ спокойное положеніе“.

Такъ оканчиваетъ авторъ свое описаніе блидовъ и тумллеровъ. Какъ кажется, кромѣ названныхъ источниковъ, у него были и другіе, о которыхъ онъ не упоминаетъ. Какъ бы ни было трудно рѣшить, сколько тутъ невѣрностей или гипотезъ, все таки мы не думаемъ, что предприняли бесполезный трудъ, сдѣлавъ рефератъ объ этомъ столь рѣдкомъ сочиненіи, которое проливаетъ свѣтъ на темную главу о блидахъ и тумллерахъ, и сохранивъ его чрезъ это отъ окончательной гибели.

ПРИМѢЧАНІЯ:

I. Это оружіе вполне противорѣчитъ описанному Линденшмидтомъ въ его „Древностяхъ нашихъ предковъ-язычниковъ“ (т. I, тетр. I, табл. 3, ф. 12). Вопросъ, указываетъ ли оно, вмѣстѣ съ найденными Крузе монетами (1 греч. и 4 римскихъ) на островъ Эзелъ, на взаимныя сношенія римлянъ, при первыхъ императорахъ, съ эзелцами, или же, что они пріобрѣтены отъ датчанъ и шведовъ, — можетъ быть рѣшенъ только при большемъ количествѣ данныхъ.

II. Чтобы понять данное мѣсто, надо имѣть подъ руками лат. текстъ

Christiani lanceas clipeis ferreis accipiunt. Quibus exhaustis gladios arripiunt, propius accedunt, bellum committunt, cadunt vulnerati, pugnant viriliter pagani“. Кто утверждаетъ, что у эстовъ не было мечей, тотъ долженъ слова: accipiunt и т. д. отнести къ христіанамъ. Но это значитъ насиловать лат. текстъ, ибо *эсты* нападаютъ, *ихъ* храбрость изумительна, такъ что „propius accedunt, bellum committunt“ мы также должны приписать эстамъ. Это доказываютъ слова „viriliter pugnant“. Они такъ храбро сражались, что христіане остолбенѣли, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописца (сравни переводъ Папста стр. 148, прим. 23).

III. XIV, 10; XXIII, 8; XXVII, 2; XVIII, 5; слово „peterellus“ встрѣчается у Генр. Лат. Разъясненія Ганзена въ этимологическомъ отношеніи не приносятъ намъ никакой пользы (сочиненіе его „Origines Livoniae“ стр. 100). Арндтъ и Ганзенъ при переводѣ „ballistarius“ погрѣшили тѣмъ, что переводятъ его различно, то черезъ „тарань“, то „катапультъ“, то „баллиста“ и т. д. Кто сошлется на нѣмецкій текстъ, тотъ едва ли подъ этими названіями станетъ подразумѣвать одинъ и тотъ же предметъ. Лучше всего, за неимѣніемъ подходящаго слова, ввести подлинное въ русскій языкъ. Ballistarius — это солдатъ, вооруженный „ballista“, оружіемъ, похожимъ на арбалетъ (самострѣлъ), которое такъ было приспособлено, что изъ него можно было метать и камни, и стрѣлы. Но „ballista“ существенно отличалась отъ лука съ тетивой (arcus), такъ какъ лѣтописецъ въ XXVIII, 5 употребляетъ рядомъ оба слова (sagittarios arcuum et ballistarios). Лучше объясненъ смыслъ этого слова у Арндта (I стр. 7). Онъ, между прочимъ, говоритъ: „Самыя маленькія бросали грузъ въ 5 фунтовъ, большія же до 1 тонны, на разстояніи 500 шаговъ, причемъ онѣ могли все раздроблять. Отъ выстрѣловъ изъ этой машины прятались за кожаными, набитыми мякиною тюфяками и за протянутыми парусами. Иногда же изъ нихъ метались бревна, на концѣ заостренныя и обитыя желѣзомъ, такъ что peterella, ballista и catapulta составляютъ одно и тоже и различаются только величиною“.

Такъ какъ мы выше ссылались на Г. Л. (XIX, 5), то необходимо сдѣлать еще слѣдующее замѣчаніе. Папстъ, при переводѣ лѣтописи Г. Л. на основаніи подробнаго кодекса (XII, 2), читаетъ вмѣсто: „lancearum ac sagittarum missione“ — „lancearum ac pedorum m.“ и въ XIX, 5 вм.

„lanceis et sagittis“ — „lanceis et pedis“. Авторъ подѣ „pedum“ разумѣть палку, приспособленную въ верху къ пращѣ. Но такъ какъ значеніе „pedum“ должно быть заранѣе объяснено, между тѣмъ какъ чтеніе „sagitta“ упорно подтверждается, то почти немислимо принять такое измѣненіе текста. Но если чтеніе „pedum“ все таки вѣрно, то „sagitta“ должно счесть излишнимъ комментариемъ, а слѣд., значеніе, приданное Панстомъ слову „pedum“, не можетъ имѣть мѣста.

IV. Ерошинъ переводитъ латинское „propugnaculum“ — „Bergfriede“. Какъ устраивались „Bergfriede“, говоритъ Дусбургъ въ гл. 98: „на концѣ моста было сдѣлано сильное укрѣпленіе на подобіе башни“. Онѣ были деревянныя. Далѣе, въ гл. 125: „Они защищались въ деревянныхъ башняхъ названнаго лагеря“.

Цѣль этихъ Bergfriede — давать осаждающимъ въ этой маленькой деревянной башнѣ безопасное убѣжище противъ вылазки осажденныхъ. Затѣмъ старались такъ запереть осажденную крѣпость, чтобы подвозъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ и подкрѣпленія людьми были отрѣзаны. Съ этою цѣлью располагались на такой горѣ, или возвышенности, которая господствовала бы надъ крѣпостью и ея окрестностями, такъ что ни изъ крѣпости, ни туда не могли взойти безъ позволенія осаждающихъ. Въ то время это было необходимо, иначе осада могла бы затянуться на долгое время. Наконецъ, эти „Bergfriede“ строились для сопротивленія, иногда окружались валомъ или рвомъ и защищались около 400 людей, которые были снабжены пищей и военными припасами. Поэтому Дусбургъ (III, стр. 90) называетъ ихъ: „propugnacula firma et vallata plurimis armigeris viris bellicosus et in armis strenuis. . . . itaque non patebat via intrandi aut exeundi obsessis (сильныя укрѣпленія, защищенныя большимъ числомъ вооруженныхъ людей, смѣлыхъ въ войнѣ... и такъ входъ и выходъ для осажденныхъ были закрыты). Осажденные могли съ внѣшнею помощію завоевывать и разрушать такія крѣпости, или же только украдкою могли улизнуть изъ осажденной крѣпости, если не могли въ ней дольше держаться (гл. 91, 98, 115 и 89, 92, 112, 113 и 116 этой книги).

VIII. Многочисленность экспедицій эзельцевъ и крѣпость ихъ войска.

Объ обыденной жизни, ежегодныхъ военныхъ походахъ и набѣгахъ эзельцевъ скорѣе всего можно составить себѣ понятіе, если эти событія (преимущественно упомянутыя у Г. Л.) поставить въ хронологическій порядокъ, подобный нижеслѣдующему (нужно замѣтить, что не всѣ эти событія имѣютъ полную историческую достовѣрность):

- 1203 годъ. Набѣгъ на Данію.
- 1204 „ Битва морская съ нѣмцами у береговъ Эстляндіи.
- 1206 „ Походъ короля Вольдемара для усмиренія эзельцевъ на ихъ островъ.
- 1211 „ Походъ по р. Аа на Трейденъ.
- 1215 „ Эзельцы на нѣсколькихъ корабляхъ въ устьѣ р. Аа.
- 1215 „ Дѣло въ новой гавани Эзеля.
- 1215 „ Походъ въ Двину (гор.) и разрушеніе ея.
- 1216 „ (Зимою) Нѣмцы на о-въ Эзелъ.
- 1216 „ Походъ въ Салисъ до Астіерва.
- 1217 „ (Зимою) Осада Оденне въ союзѣ съ Русскими.
- 1217 „ Походъ въ Метзеполь.
- 1218 „ Походъ въ Двину.
- 1220 „ Отнятіе у шведовъ замка Леаль.
- 1221 „ Эзельцы подъ Ревелемъ.
- 1222 „ Осада и разрушеніе датскаго замка на Эзелъ.
- 1223 „ Эзельцы (съ другими эстами) осаждаютъ Ревель. Осенью того же года соединились съ русскими для этой же цѣли.
- 1226 „ Набѣгъ въ Швецію.
- 1227 „ Последняя борьба эзельцевъ за ихъ свободу (происходила на самомъ островѣ).

Разбирая эти приключенія и событія, легко замѣчаемъ, что лѣтописецъ говоритъ только о тѣхъ походахъ и дѣлахъ эзельцевъ, которыя происходили у нихъ съ нѣмцами, исключая осады Ревеля и разрушенія Леаля. Но эти мѣста (Ревель и Леаль), бывшія въ рукахъ шведовъ и датчанъ,

нѣмцы считали, какъ видно изъ лѣтоп. Генр. Л., принадлежащими Пресвятой Дѣвѣ и потому находившимися подъ ея защитой. Съ увѣренностью можно сказать, что кромѣ вышеупомянутыхъ походовъ эзельцы дѣлали набѣги на сѣверъ и югъ, о которыхъ Генрихъ Латышъ или ничего не зналъ, или же умалчиваетъ, такъ какъ они не имѣли ничего общаго съ религіозными войнами нѣмцевъ съ эзельцами. Такъ, мы находимъ у Иоганна Мессенія въ его „Scandia illustrata“ т. II, стр. 24 подъ 1220 годомъ такое замѣчаніе: „Между тѣмъ король шведскій Иоганнъ (младшій или благочестивый) былъ встревоженъ вооруженіями эстовъ [Аридтъ говоритъ (т. I стр. 53), что датскіе писатели, которымъ слѣдуютъ другіе, причисляютъ Эзель къ Эстляндіи, а потому эзельцевъ называютъ эстами. Эти походы часто предпринимались въ союзѣ съ эстами (съ острововъ и съ материка)]. Генрихъ Л. не упоминаетъ также ни объ одномъ походѣ эзельцевъ въ Швецію до 1226 г., между тѣмъ какъ ихъ было нѣсколько.

Если эзельцы отправлялись въ походъ, не ради грабежа, то численность ихъ была значительна. Въ 1211 году возвратилось 9000 человекъ, причемъ конныхъ было 4000. Эти числа можно вывести изъ слѣдующаго: кораблей было 300, а экипажъ каждаго состоялъ изъ 30 человекъ; затѣмъ, по указанію Г. Л., отнято было у эзельцевъ 2000 лошадей, такъ что мы не сдѣлаемъ большой погрѣшности, если число убѣжавшихъ и убитыхъ лошадей также положимъ 2000. Такъ какъ Г. Л. говоритъ, что въ этой битвѣ пала сила Эстляндіи, т. е., старѣйшіе изъ эзельцевъ и роталійцевъ и т. п., то, по моему мнѣнію, число пѣхотинцевъ простиралось до 10,000 человекъ. Эти цифры не велики, но все же онѣ показываютъ, что эзельцы могли выставить около 23,000, изъ которыхъ 13,000 съ острова, а остальные съ Вика; потери ихъ были поразительны; всѣ ихъ корабли (300) попали въ руки непріятелей; но черезъ 4 года они опять выставили 200 кораблей. Изъ солдатъ тогда (въ 1211 г.), какъ кажется, спаслась едва четвертая часть. Г. Л. говоритъ объ этой экспедиціи: „convocant exercitum magnum et fortem“. Подобныя выраженія встрѣчаются у него нерѣдко при описаніяхъ походовъ эзельцевъ. Въ 1217 году русскіе осадили Оденпе вмѣстѣ съ эзельцами, къ которымъ примкнули ихъ соотечественники изъ Саккалы и Гарріа, однако въ ограниченномъ числѣ. Число осаждающихъ доходило до 20,000. Союзъ этотъ не удался, и русскіе и эзельцы при этомъ

потеряли половину войска. Такую численность войска нужно представить себѣ также подъ Ревелемъ и Леалемъ, такъ какъ лѣтописецъ вообще говоритъ, что они выставили сильное войско (*congregato exercitu magno — cum exercitu magno — venerunt omnes cum exercitu magno* и т. д.).

Если же эзельцы дѣлали набѣгъ, численность ихъ была меньше. Въ 1217 г. 1000 эзельцевъ отправились въ походъ на Метзеполь. Также въ 1220 году, во время ихъ набѣга на Герве, когда они нечаянно встрѣтились съ нѣмцами, число ихъ едва доходило до нѣсколькихъ тысячъ. Такъ какъ ихъ было отъ 500 до 600, то приблизительно можно считать ихъ войско состоящимъ въ данномъ случаѣ изъ трехъ тысячъ. При сравненіи этихъ цифръ съ численностью населенія Эзеля, можно сказать, что война была для эзельцевъ вѣщью обыкновенною, что она была ихъ любимымъ удовольствіемъ, даже какъ-бы второй натурой.

IX. Эзельцы въ своихъ походахъ.

Если требовалось выставить войско, то ваннемъ (старшина) прихода посылалъ вербовщиковъ набирать солдатъ. Это приказаніе, кажется, исполнялось буквально. Ибо когда въ 1215 году эзельцы захватили нѣсколько нѣмецкихъ кораблей въ новой гавани Эзеля, то „дали знать по всему побережью (вѣроятно Вика), что они заперли рижскаго епископа со всѣмъ войскомъ. Тотчасъ эзельцы явились въ громадномъ числѣ. Рано утромъ на другой день все море казалось чернымъ отъ ихъ кораблей и они сражались противъ насъ въ продолженіи цѣлаго дня (XIX, 5)“. Разсказъ этотъ можно понять такъ, что войско эзельцевъ стягивалось день и ночь для окончательнаго военнаго совѣщанія, которое происходило въ заранѣе опредѣленномъ мѣстѣ. По свидѣтельству лѣтописца мѣсто это называлось таја (XV, 7; XXIII, 9); тутъ же для объясненія Г. Л. прибавляетъ: „*id est congregatio* (мѣсто собранія)“ (Вообще слово таја на языкѣ эстовъ значитъ бесѣда, хижина, ночлежь, а здѣсь — по Ариду I, стр. 95 — стоянка, лагерь въ полѣ).

Передъ началомъ похода спрашивали боговъ объ исходѣ предпріятія. Когда эзельцы въ 1211 г. осаждали Треденъ, разсказываетъ Г. Л. XV,

3, они высылали людей для грабежа, жгли деревни и церкви, умерщвляли пойманных ливовъ, другихъ уводили въ плѣнъ, захватывали много добычи, угоняли стада воловъ и мелкаго скота, приносили ихъ въ жертву богамъ, чтобы узнать ихъ расположеніе. Мясо, упавшее при разрубливаніи на лѣвую сторону, указывало на гнѣвъ боговъ и предвѣщало дурной исходъ предпріятія. Подъ 1220 г. Г. Л. пишетъ: „Такъ какъ эзельцы, собравши большое войско, спрашивали у боговъ, идти-ли имъ на Ревель противъ датчанъ, или напасть на іервянъ, то жребій палъ на Герве“. Изъ этого можно заключить, что передъ каждымъ большимъ походомъ спрашивали совѣта боговъ (см. прим. I).

При снятіи лагеря, выступали сплотившись въ кучу, причемъ особеннаго порядка движенія не было; такой способъ движенія называется у Генр. Латыша „maleva“. Слово это до сихъ поръ еще не нашло себѣ удовлетворительнаго разъясненія. По всему судя, оно означаетъ стражу въ конкретномъ смыслѣ: „custodia“ (отъ custodes (sc. finium)). У древнихъ эзельцевъ слово это имѣло другое значеніе (см. прим. II).

Если останавливались на какомъ нибудь мѣстѣ, избравъ его опорнымъ пунктомъ своихъ дѣйствій, то устраивали какъ-бы укрѣпленный лагерь. Г. Л. говоритъ (XV, 3): „Когда язычники увидѣли приближеніе нѣмцевъ, то, понимая ужасъ своего положенія, рѣшились, схвативъ щиты, убѣжать, причемъ одни убѣжали къ лошадямъ, другіе прыгали черезъ заборы (serem), собираясь въ кучу“ . . . Seres — означаетъ деревянный заборъ, или плетень, которымъ обносились посѣвы и т. п. Поэтому, вѣроятно, лагерь подъ Трейденомъ представлялъ огороженное пространство, обнесенное палисадомъ (см. прим. III). Не надо, впрочемъ, думать, что палисады должны были быть непременно вколочены въ землю; они могли, при одинаковой тратѣ времени и труда, такъ быть прикрѣплены, что достаточно было вырыть небольшой ровъ, опустить туда нижніе концы палисадъ и засыпать землей до уровня почвы. Употреблялись-ли при этомъ какіе-либо сложные способы защиты, нельзя узнать отъ нашего историка:

Если войско шло противъ сильнаго непріятели, то оно всегда оставалось въ кучѣ. Отправляясь же на грабежъ, раздѣлялось на отряды, сожигало все жилища, вообще строенія, убивало мужчинъ, женъ и дѣтей уводило въ плѣнъ, угоняло скотъ, опустошало поля и похищало все мало-маль-

ски цѣнное. Подобныя нападенія были такъ неожиданны, что несчастные, застигнутые врасплохъ, не имѣли даже времени убѣжать въ сосѣдніе лѣса. Но несчастье также быстро и проходило.

Въ битву же эзельцы всегда храбро бросались. Г. Л. въ двухъ мѣстахъ подробно передаетъ намъ о способѣ ихъ сраженія (XV, 3 и XXIII, 9). Въ первомъ случаѣ дрались преимущественно эзельцы, а также эсты съ материка; во второмъ исключительно эзельцы, нечаянно встрѣтившіеся съ христіанами. Въ обоихъ случаяхъ битву начинали эзельцы. Они бросались на непріятеля съ крикомъ, сопровождая его стукомъ въ щиты, и, приблизившись на извѣстное разстояніе, осыпали его градомъ копій и стрѣлъ. Нѣмцы же хладнокровно, прикрывшись щитами, выдерживали этотъ натискъ до тѣхъ поръ, пока дѣло не доходило до рукопашнаго боя, въ которомъ эзельцы, истощивъ силы и оружіе, скоро побѣждались, тѣмъ болѣе, что ихъ оружіе не въ примѣръ хуже было оружія нѣмцевъ. Въ этомъ то и состояла главная ошибка эзельцевъ, отъ которой они и терпѣли всегда пораженія, такъ какъ уже вначалѣ теряли множество оружія, не причиняя врагу существеннаго вреда.

Какъ только эзельцамъ въ походѣ попадалась крѣпость, тотчасъ приступали они къ осадѣ (каковую долженъ былъ выдержать и Трейденскій замокъ). Съ одной стороны становился лагерьмъ флотскій экинажъ, на другой конница, подкрѣпленная пѣхотинцами: „они овладѣли замкомъ, подложили дрова и сдѣлали подкопъ подъ стѣну“ (Г. Л. XV, 3). Дрова же складывались для облегченія осады. Подъ такимъ прикрытіемъ они дѣлали подкопъ подъ гору, на которой обыкновенно стоялъ замокъ, чтобы такимъ образомъ скорѣе заставить крѣпость сдаться. Были-ли у нихъ особыя для этого орудія, лѣтонисецъ не говоритъ; но надо полагать, что были, такъ какъ эзельцы, увидавъ гдѣ нибудь новую машину, тотчасъ строили такую же. Въ XXVI, 4 гл.: „Эзельцы, разрушивъ датскій замокъ, побуждали эстовъ дѣлать тоже самое, такъ какъ крѣпости датчанъ легко завоевывались. Они же учили ихъ строить машины (петереллы, туммлеры“ и др.). Такъ какъ дѣло идетъ объ осадѣ замка, то имѣются въ виду тараны, вѣроятно и другія подобныя орудія.

Въ большемъ употребленіи при осадахъ былъ также огонь. Руссовъ подъ 1208 годомъ говорить: „Когда король (Іоаннъ Шведскій) отправился

въ Лифляндію, эзельцы съ Вика осадили ихъ замокъ и наводили страхъ огнемъ“. (Руссовъ стр. 13; также Dionysius Fabricius стр. 446). Г. Л., относя это событіе къ 1220 г., говоритъ: „Они (эзельцы) осадили шведовъ, дрались съ ними и подкладывали огонь подъ стѣны замка“ (XXIV, 3). Этимъ они принудили враговъ къ вылазкѣ, въ которой всѣ они погибли со своимъ епископомъ. Въ 1221 году эзельцы осадили датчанъ въ Ревелѣ, также употребляя въ дѣло огонь (XXIV, 7). Можно утверждать, что огни эти помощью различныхъ приспособленій метались противъ непріятелей или въ видѣ дротиковъ, намазанныхъ горючимъ составомъ, или особыми машинами въ видѣ пращей (метательныхъ), которыми, по свидѣтельству лѣтописца, эзельцы уже въ 1215 году владѣли въ совершенствѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Эзельцы часто на опытѣ могли убѣдиться, что ихъ боги не всегда были къ нимъ расположены. Напримѣръ, противъ ихъ воли, они начали осаждать и штурмовать Трейденъ; въ другой разъ воля боговъ привела эзельцевъ прямо въ руки нѣмцевъ, съ которыми они не были приготовлены биться и потому погибли всѣ до одного.

II. Груберъ въ своей запискѣ h подъ 1214 г. говоритъ: „Если бы было написано *malina* или *malinea*, то я понималъ бы подъ этимъ быстрый походъ по льду, который они нерѣдко совершали; есть у автора другое мѣсто, изъ котораго можно заключить, что *malewa* у него равносильно — большой толпѣ (См. подъ 1218 г. 2 и 1218, 7). Намъ неизвѣстно, откуда и съ какого языка взято это слово. У эстовъ *malpane* означаетъ, „непріятель“. Измѣнилъ-ли авторъ это слово въ *malewan*, не могу съ точностью утверждать.

III. Мы не думаемъ, чтобы здѣсь подъ *seres* разумѣлся непрочный заборъ, въ который загоняли лошадей и добытый скотъ. Язычники, строя заборъ, разчитывали на него, какъ на защиту.

X. Замки и крестьянскія горы эзельцевъ.

1) Мюнь.

Въ 1216 году, во время своего похода на островъ Эзель, нѣмцы нат-

кнулись на одинъ замокъ, который они назначили сборнымъ пунктомъ для разсѣявшихся для грабежа воиновъ. При разсужденіи, оказывается, что они не могли назначить сборнымъ пунктомъ замокъ, котораго еще не видали; слѣдовательно, тутъ говорится объ укрѣпленномъ мѣстѣ, которое первое попало имъ на глаза и откуда они отправились на грабежь. Первый же замокъ на пути съ материка на Эзель — крестьянская гора на Монѣ („castrum Mone“ Г. Л.). Впрочемъ Генрихъ Латышъ нигдѣ не упоминаетъ объ островѣ Монѣ, хотя замокъ Монѣ принимаетъ въ болѣе обширномъ смыслѣ. Мы же ни на минуту не сомнѣваемся, что какъ въ 1217, такъ и въ 1227 г. нѣмцы, при походѣ съ материка на югъ, шли мимо Мона и достигли Малаго Зунда. Въ такомъ случаѣ, у нихъ съ правой стороны былъ замокъ Монѣ, слѣва же мѣсто, на которомъ, по утверженію Люце, стоялъ замокъ прежде.

Въ тѣхъ только мѣстахъ мы несогласны съ Люце, гдѣ описаніе этой мѣстности противорѣчитъ описанію Генр. Латыша. Люце говоритъ на стр. 20 своей школьной программы (Schulprogramm) отъ 1811 года, что возвышеніе, на которомъ стоитъ замокъ Монѣ, круто; онъ же пишетъ на стр. 18: „Togni-maeggi нѣкогда лежало при Зундѣ и представляло гору, или значительно крутое возвышеніе“. Онъ долженъ бы былъ написать: „Торнимегги составляетъ возвышеніе“. Но это возвышеніе такого протяженія и уровень высоты такъ колеблется, что трудно понять слова Г. Л. „одни молятся болванамъ, другіе Иисусу, во имя котораго взбираются и достигаютъ вершины; но тѣ храбро ихъ отражаютъ. Первый взобравшійся сильно задерживался копьями и камнями, но Богъ сохранялъ его среди столькихъ разъяренныхъ враговъ. Всякій разъ, какъ онъ поднимался, кучи враговъ тѣснили его назадъ и это повторялось нѣсколько разъ, пока одинъ нѣмецъ, укрываясь щитомъ отъ вражескихъ копій и поднятый ангеломъ Божіимъ, не достигъ верхней части, находившейся надъ головами непріятелей. Богъ послалъ ему на помощь втораго и третьяго товарища; но третій былъ оттѣсненъ и упалъ съ высоты (это фактически невозможно). За первымъ слѣдовали другіе нѣмцы, желая поскорѣе помочь товарищамъ; хотя и тѣхъ враги толкали назадъ и многіе изъ нихъ получили раны, а другіе упали, но всетаки съ Божьей помощью они достигли вершины, съ большимъ трудомъ одолѣвъ непріятелей. Однако взбираться на гору было трудно и опасно, такъ какъ земля

была мерзлая и представляла ровную ледяную поверхность... (XXX, 4)“. Кто внимательно прочел эти строки и видѣлъ Торниегги подъ Нейенгофомъ, тотъ врядъ-ли узнаетъ въ этомъ описаніи замокъ Монъ. Не нужно никакихъ ангеловъ и чудесъ, чтобы взобраться на эти вершины даже при гололедицѣ. Все войско заразъ могло свободно взобраться. Но если Люце пишетъ (стр. 19): „Это была природная возвышенность, на которой стояла крѣпость, бывшая прежде замѣтнѣе, а теперь вслѣдствіе распаханія уменьшившаяся“ — то мы все еще не въ состояніи убѣдиться, чтобы обширная плоская возвышенность могла образоваться изъ крутого вала отъ всаханія по эзельскому обычаю. Если бы это случилось даже до Люце, то едвали бы это сильное всаханіе могло вырыть упомянутые у него (на стр. 19) дубовые стволы. И если оруженосецъ Люце впервые выкопалъ эти стволы, то врядъ ли до него эти мѣста глубоко пропахивали (1). Г. Л. вовсе не упоминаетъ о горѣ, но говоритъ о валѣ. Правда, въ одномъ мѣстѣ попадаетъ у него слово *mons*; но по всему его разсказу это *mons* можно принять въ смыслѣ *vallum*. Уже тѣ противорѣчія, которыя представляетъ естественное устройство мѣстности съ историческимъ описаніемъ, принуждаютъ не полагаться на слова и убѣжденія Люце. Однако, слова Г. Л., что замокъ Монъ есть крестьянская гора на островѣ Монъ, вполне правдоподобны, если обратить вниманіе на выраженіе Дитлиба ф. Аляпке, который (стр. 1660) говоритъ: „онъ (графъ Эрнштейнъ) привезъ съ собою домой въ Монъ гордыхъ гостей, которымъ эзельцы не весьма были рады...“ Здѣсь Монъ означаетъ не замокъ, но страну, мѣстность, островъ, на которомъ находился замокъ. Такъ какъ на Монъ нѣтъ слѣдовъ другаго эзельскаго укрѣпленія, то, вѣроятно, крестьянская гора и есть — *castrum Mone*. Гіерне пишетъ на стр. 144: „Тяжелымъ путемъ отправились они (20,000 конницы и пѣхоты) въ Монъ, гдѣ у враговъ была крѣпость, отъ которой и теперь еще можно найти *Rudera*, или, какъ ихъ еще называютъ, крестьянскія горы, возлѣ одной деревни *Linnus*, къ югу отъ Эзеля“. Поэтому мы не только полагаемъ, но даже увѣрены, что Монъ (замокъ) находится на

---

(1) Во всякомъ случаѣ, найденныя Люце древности показывали поле сраженія, а не замокъ Монъ. Хотя Г. Л. нигдѣ не говоритъ «Монъ на Эзелѣ», однако Люце все свои выводы строить на этомъ положеніи.

Монѣ и только одинъ изъ тамошнихъ крестьянскихъ холмовъ и есть Монѣ. Теперь необходимо представить себѣ настоящій видъ Монской крестьянской горы, чтобъ затѣмъ довершить это представленіе описаніемъ Г. Л., на сколько это будетъ возможно. Линнузе малинѣ, какъ называютъ эсты монскій крестьянскій холмъ⁽¹⁾, лежитъ на разстояніи 2 версты отъ Малаго Зунда; на такое же разстояніе лежатъ по другую сторону Торнимегги. Дно какъ здѣсь, такъ и тамъ, вѣроятно, поднялось, такъ что прежде Монскій замокъ лежалъ на морскомъ берегу. Длина вала у основанія 838 ф., высота 23 ф., ширина 6 ф., вѣншній скатъ 43½ ф., внутренній только 25 фут., такъ что дно внутренняго пространства значительно выше окрестности. Насыпь, состоящая изъ нагроможденныхъ въ кучу дикихъ камней, надъ которыми мѣстами лежитъ плотный слой земли, замыкаетъ пространство, діаметръ котораго отъ востока къ з. 190 ф., а отъ с. къ ю. 192 ф. Почти въ срединѣ крѣпостнаго пространства находится колодезь, который, не смотря на постоянное обрушиваніе камней, представляетъ какъ бы вазу, діаметромъ въ 12 ф. Ваза эта наполнена отличной, чистой, холодной водой. При внимательномъ наблюденіи слышно даже журчаніе. У основанія насыпи лежатъ нагроможденные въ кучу камни, которые, какъ мы думаемъ, составляли упоминаемую Г. Л. на насыпи стѣну, отъ давности рухнувшую. Одинъ выходъ лежитъ къ югозападу, другой къ сѣверовостоку; у послѣдняго на правой сторонѣ (считая изнутри) воротъ валъ; здѣсь насыпь на разстояніи 36 ф. ниже другихъ мѣстъ на 3—4 ф. Можетъ быть здѣсь было такое же приспособленіе для защиты воротъ, которое было при Кергелъ-Муфельскомъ крестьянскомъ холмѣ. Особенно замѣчательны четырехугольныя отверстія по обѣимъ сторонамъ югозападныхъ воротъ. Южное больше сохранилось, чѣмъ другія. И такъ, кто того мнѣнія, что Г. Л. сказалъ слишкомъ много, говоря о *tuigus* эзельцевъ, тотъ пусть основательно осмотритъ не только способъ укладки камней, но и способъ соединенія

---

(1) Отъ близлежащей деревни Линузе.

(1) Фактъ поднятія почвы неоспоримъ. Люце справедливо пишетъ на стр. 19: «Я видѣлъ, какъ изъ рифовъ дѣлалась острова, изъ острововъ полуострова, изъ болотъ—сухая почва; изъ непроходимыхъ топей дѣлалась пастбища; островъ увеличился на много версты, облаженные морскіе берега покрылись сочною травою, особенно у Лоде и Насва». Старинные помѣщики прибрежныя значительно увеличили свои имѣнія.

стѣнъ въ правомъ углу. Положимъ, что извести больше не видно; но какъ же иначе назвать эту постройку, какъ не стѣною? Отверстія лежатъ на половинѣ вышины насыпи и расположены такъ, что два лучше сохранившихся лежатъ другъ отъ друга на разстояніи 12 ф. (на лѣвой сторонѣ воротъ). На такомъ же разстояніи отъ этого отверстія лежитъ другое, на половину засыпанное, вѣроятно, имѣвшее прежде такой же видъ. При хорошо сохранившемся отверстіи разстояніе между стѣнами 6—7 ф. Первоначальное углубленіе болѣе не замѣтно, такъ какъ оно засыпано известью и землею и поросло травою. Теперь оно = 4 ф. приблизительно. О назначеніи этихъ приспособленій можно только догадываться. Вѣроятно, по обѣ стороны южнаго выхода стояли башни, подпоры которыхъ находились въ этихъ углубленіяхъ. Теперь еще замѣтно, что замокъ былъ обнесенъ ровомъ, шириною 36 ф. Г. Л. не могъ упомянуть объ этомъ, ибо 3 февраля этотъ ровъ былъ покрытъ льдомъ и не представлялъ никакихъ затрудненій для завоеванія крѣпости. Слѣды рововъ, какъ увидимъ, находятся при всѣхъ крестьянскихъ горахъ. Все это тѣмъ болѣе достовѣрно, что ровъ Монскаго замка легко могъ быть наполняемъ водою изъ сосѣдняго озера. Теперь онъ заваленъ и образуетъ вокругъ крестьянскаго холма кольцо, заросшее ячменемъ и льномъ и виѣшняя сторона котораго обнаруживаетъ разрушенное каменное сооруженіе. Конечно, и это могло служить защитой осажденнымъ, хотя ничего положительнаго сказать нельзя. Если только что описанныя развалины замка Мона запомнить, то прежде всего нужно себѣ представить стѣны на насыпи крестьянской горы, которыя превышаютъ человѣческой ростъ, ибо лѣтописецъ говоритъ о нихъ: „*Suprema munitio, quae super capita hostium fuerat*“. Валъ и стѣны отъ вліянія климата покрылись совершенно глетомъ (свинцовою окисью), такъ какъ „послѣ южныхъ вѣтровъ, приносящихъ дождь, слѣдовали морозы“. Мѣсто на насыпи передъ стѣнами, вѣроятно, было узко, такъ какъ тутъ не было битвъ. На верху же ширина стѣны была достаточна, чтобы двое могли стоять другъ противъ друга. Внутри замкнутаго пространства стояла защитительная постройка. Г. Л. рассказываетъ, что „нѣмцы со своей башни бросали стрѣлы, конья и дротики на эзельцевъ и ихъ сооруженія. Тѣ же бросали камни и дротики черезъ ихъ головы“. Отсюда ясно, что язычники метали извнутри съ возвышеннаго мѣста. Далѣе нашъ рассказчикъ говоритъ: „Борьба была упор-

ная съ ранняго утра, такъ что нѣмцы уже при помощи кривыхъ ломовъ и желѣзныхъ крюковъ пробивали укрѣпленія и вытаскивали большіе куски дерева, на которые опиралось укрѣпленіе, вслѣдствіе чего часть его уже обрушилась“. Было ли это укрѣпленіемъ одной башни, или же была одна большая башенная постройка, прилегавшая къ внутренней насыпи и находившаяся въ сообщеніи со стѣной на валу — нельзя видѣть изъ описанія лѣтописца. Что дерева было много, видно изъ выраженія: „Огонь пожираетъ укрѣпленія эзелъцевъ“. Къ этимъ сторѣвшимъ деревяннымъ сооруженіямъ надо причислить также „domicilia castrі“ во внутреннемъ помѣщеніи. Такъ какъ, по отчету Дитлиба ф. Алпекке, въ Монѣ было убито 2,500 мужчинъ, женщинъ и дѣтей (ст. 1666), то строенія эти должны были занимать довольно значительное пространство. Во всякомъ случаѣ онѣ были выстроены внутри насыпи и замыкали пространство, въ срединѣ котораго былъ колодезь и отъ котораго расходились дороги къ выходамъ. Подъ urbs Генриха Латыша нужно подразумѣвать domicilia castrі; тѣмъ не менѣе трудно понять, какимъ образомъ 2,500 человекъ, лошади и скотъ могли помѣститься въ крѣпости. Отсюда можно вывести, что вблизи замка находился городъ, отъ котораго можно найти слѣды въ названіи деревни Линнузе. Но нѣмцы навѣрное въ древности разграбили и сожгли этотъ городъ (Л. XXX, 4).

2) Пейде.

Пейдская крестьянская гора, называемая эстами Кегутской — отъ близлежащей деревни Кегутъ, лежитъ на разстояніи 5 верстъ отъ Малаго Зунда. Она образуетъ валъ, насыпь котораго двумя воротами, обращенными къ югозападу и къ сѣверовостоку, дѣлится на 2 не вполне дугообразныя половины, изъ которыхъ сѣверозападная длиною 348 ф., а юго-вост. 426 ф. Длина всей насыпи, считая и ширину воротъ = 932 ф. Ширина вала = 6 ф. приблизительно; внѣшній скатъ имѣетъ 77 ф., а внутренній 58; ширина насыпи при основаніи = 33 ф. Поверхность внутренняго пространства лежитъ почти на $\frac{1}{4}$ вышины вала выше окрестности. Съ внѣшней стороны стѣны этой насыпи довольно круты. Насыпь сдѣлана изъ дикихъ, хрупкихъ камней, опять таки съ помощью земли вмѣсто цемента. Весь обводъ хорошо сохранившася, хотя и обросшаго травой кольца, при

вышнемъ скатѣ равенъ 520 шагамъ (шагъ = $2\frac{1}{2}$ ф.). Ворота въ 2 раза ниже насыпи и теперь еще замѣтенъ въѣздъ съ югосточной стороны. Почти въ серединѣ внутренняго пространства замѣтно углубленіе въ землѣ, заваленное камнями. Это, вѣроятно, засыпанный колодезь, каменную кладку котораго нельзя замѣтить. Діаметръ внутренняго пространства съ сѣверо-вост. на югозападъ 288 ф.; а съ югост. на сѣверозападъ 168 ф.

Пейдская крестьянская гора находится на такомъ мѣстѣ, которое по свойству мѣстности давало большія преимущества осажденнымъ; съ юго-востока на сѣверъ тянутся болота (топи), сначала въ 300 шагахъ отъ насыпи, а далѣе къ западу въ 400. Относительно самого замка у эстовъ ходитъ отъ отца къ сыну преданіе, что ихъ предки въ этихъ окнахъ, извѣстныхъ также подъ именемъ „линна-вайль“, помѣщали своихъ женъ и дѣтей уже въ началѣ войны, если чувствовали себя не въ силахъ сражаться въ открытомъ полѣ. Также этими окопами пользовались для сопротивленія непріязненнымъ старшинамъ, когда еще въ странѣ эзельцевъ не было нѣмцевъ.

Здѣсь нужно сказать нѣсколько словъ о другомъ сооруженіи, лежащемъ въ округѣ Пейдскомъ, не далеко отъ Малаго Зунда, а именно Торнимегги подъ Нейенгофомъ. Мы видѣли, что не тамъ находился замокъ Монъ; рассмотримъ же, что это такое. Самое названіе показываетъ, что на задней сторонѣ этого укрѣпленія находилась башня, служившая сторожевымъ постомъ для наблюденія надъ окрестностями, особенно въ какихъ-нибудь важныхъ случаяхъ. Мы считаемъ это настоящей его цѣлью; эта башня однако была черезчуръ близка къ другому подобному зданію, которое легко можно было бы обратить въ укрѣпленіе. И тогда въ Торнимегги поднималась бы массивная, крѣпко построенная изъ дерева башня. Люце въ своемъ описаніи „Замокъ Монъ на Эзелѣ“ (стр. 19) говоритъ: „Вѣроятно, замокъ этотъ имѣлъ еще какія-нибудь приспособленія, такъ какъ старичекъ мужикъ, съ которымъ г. Гольцмейеръ разговаривалъ въ Торнимегги, говорилъ ему, что онъ, будучи юношей и впахивая землю при горной башнѣ, часто выкапывалъ отвѣсно стоявшіе, гнилые деревянные стволы, которые, по его словамъ, шли вокругъ горы и занимали ея середину; какъ кажется, это были налесады, остатки которыхъ, по сожженіи замка, остались въ землѣ“. Весьма вѣроятно, что передняя часть этого замка окружалась ровомъ,

который, по видимому, былъ необходимымъ сооруженіемъ при всякомъ эзельскомъ замкѣ, чѣмъ представлялъ большую гарантію въ безопасности. Сторжевой башней для обширнаго пространства служило сооруженіе на окружающей мѣстности, предполагая даже, что оно было посредственной высоты. Какъ бльверкъ (бастіонъ), оно было въ состояніи защитить отъ вражескаго набѣга прилежащій портовый городъ; мы говоримъ портовый городъ, такъ какъ у Люце ему отведено возвышенное мѣсто, какъ Linnaeaegg (городская гора). Потому тамъ долженъ былъ находиться городъ. На частые наши вопросы туземцы объяснили, что такого Линнамегги не находится, но что есть Силламегги (портовая мостовая гора) и указывали на тотъ холмъ, гдѣ теперь русское кладбище. Вѣрно это такъ и есть, ибо указанія Люце преимущественно имѣютъ цѣлью Линнамегги; тамъ, должно быть, и былъ городъ, что подтверждается показаніями жителей. Теперь названія мѣсть утратились. При Силламегги находился мостъ, опускавшійся далеко въ море, чтобы дать удобное пристанище кораблямъ, такъ какъ, по словамъ туземцевъ, сюда въ старину приставали корабли. Въ случаѣ большой опасности жители города перебирались на крестьянскую гору, отстоявшую отъ города на 6 версть.

Гдѣ же скрывалась Пейдская крестьянская гора, когда нѣмцы побѣдоносно шли отъ Мона къ Вольде? Быть можетъ сосѣдніе лѣса скрыли ее отъ глазъ непріятеля? Развѣ нѣмцы съ умысломъ не обратили бы вниманія на вражескій замокъ, остававшійся у нихъ въ тылу?

3) Каррисъ.

Менѣ всего разрушилась крестьянская гора возлѣ деревни Пурца въ Каррисѣ. На возвышеніи, окруженномъ большимъ болотомъ, на западной оконечности плоской возвышенности, образующей эти длинные холмы, находится почти на краю болота крестьянская гора. Непосредственно возлѣ пролегающей тамъ дороги возвышаются въ большомъ количествѣ неправильными группами высокіе и крутые песчаные холмы. Эсты называютъ ихъ Коольямегги. Эти холмы обязаны своимъ происхожденіемъ человѣческимъ рукамъ, ибо они содержатъ многочисленные останки навшихъ эстовъ, по указанію Бургардта ф. Дрейлевена, подъ 1345 годомъ. Перейдя эти холмы можно достигнуть насыпи, по видимому сдѣланной изъ камней. Возлѣ

этого болѣе длиннаго вала находится другой, короткій; однако связь между ними незамѣтна. У бѣльшей насыпи лежатъ разбросанные по песку гѣса камни, на разстояніи приблизительно 135 ф. отъ насыпи. Далѣе идетъ насыпь вышиною въ 15 ф. и длиною около 275, которая, поворачивая направо (если смотрѣть съ дороги), тянется вплоть до болота. Разбросанные камни, лежащіе передъ сохранившеюся насыпью, ясно показываютъ, что разрушенная часть насыпи поворачивала направо и представляла соединеніе съ меньшей насыпью. Въ концѣ ея разсыпанные камни достигаютъ вышины въ 2 фута. Слѣдуя за этими камнями до меньшей насыпи, доходятъ до параллельнаго съ бѣльшею насыпью направленія, длиною около 100 ф.; но далѣе уже не видно никакихъ слѣдовъ камней; отсюда меньшій валъ (вышина котораго въ данномъ мѣстѣ 12 ф.) тянется на 140 ф. къ болоту и притомъ такъ, что между этими насыпями образуется пространство въ 30 ф., также усыпанное камнями. Такъ какъ разстояніе между насыпями = 80 ф. и длина крѣпостныхъ построекъ значительно больше ширины, то крестьянская гора представляетъ собою длинный овалъ. Ширина вала при основаніи равна 6—7 ф., при меньшей же насыпи весьма незначительна. Спускъ какъ съ внутренней, такъ и съ наружной стороны теперь уже не такъ крутъ. Относительно постройки, можно сказать, что камни накладывались одинъ на другой, а отверстія между ними замазывались тѣмъ же пескомъ и мелкими камешками. Камни дикіе, песчанникъ по бѣльшей части. Мѣстность выбрана очень удачно: къ западной сторонѣ примыкаетъ болото; трава, растущая на сѣверной сторонѣ, ясно указываетъ на то, что здѣсь прежде была вода, на протяженіи почти 100 ф. шириною. Съ восточной и южной стороны тѣсно прилегаютъ крутые песчаные холмы, вышиною отъ 20 до 25 футовъ.

4) Вольде.

Вольдская крестьянская гора, которую эсты называютъ Валляла малинь, лежитъ на верету къ югу отъ вольдскаго пастората. Мѣстоположеніе здѣсь носитъ какой-то особенный характеръ. Кругомъ масса песчаныхъ холмовъ, которые образуютъ плоскую возвышенность, вышиною отъ 3 до 8 ф. надъ окрестностью. Эта же послѣдняя вся состоитъ изъ болотъ. Между этими-то холмами и лежитъ Вольдская крестьянская гора, или по

Г. Л. замокъ *Waldia*, имѣющая видъ неправильнаго овала, основаніемъ которому служить одинъ изъ вышеупомянутыхъ холмовъ; поперечный разръзъ внутренней площади = 215 ф. въ длину и 140 ф. въ ширину. Размѣры эти прежде были, безъ сомнѣнія, значительнѣе, такъ какъ съ внутренней стороны замѣтны большія массы камней. Съ внѣшней стороны насыпь покрыта травой, внутри же камни безъ всякаго порядка лежатъ одинъ на другомъ. Это приводитъ насъ къ тому мнѣнію, что у подножія съ внутренней стороны, ширина котораго приблиз. 10 ф., былъ брустверь (то, что Г. Л. называетъ *migus*), брошенный при завоеваніи замка съ насыпи по заросшему скату во внутрь. И, дѣйствительно, при рытьѣхъ подъ толстымъ слоемъ нагроможденныхъ другъ на друга камней, показался отличный черпоземъ. Подъ нимъ лежали камни, служившіе фундаментомъ для этой насыпи. Наше мнѣніе, что Вольдская крестьянская гора со стороны лѣса имѣла парапетъ, подтверждается тѣмъ, что нигдѣ не было видно слѣдовъ деревянныхъ стволовъ или углей, происшедшихъ изъ палисадовъ. Вышина насыпи 20 ф., длина всего края приблизительно 900 ф.

На восточной сторонѣ насыпи одинъ крестьянинъ показалъ намъ мѣсто, гдѣ лѣтъ 30 тому назадъ выкапывали камни, чтобы убрать ихъ; когда вырыли ровъ, глубиною около 1½ саж., наткнулись на 2 отвѣсно стоявшія балки, упиравшіяся въ основаніе насыпи и отстоявшія другъ отъ друга на 2 ф. Эти на половину сгнившія балки казались крестьянамъ дверными косяками; впрочемъ, они и теперь выдаютъ ихъ за таковыя; но дверь ведетъ всегда къ какому-нибудь строенію; отсюда и возникъ у вольдскихъ жителей разсказъ о сводахъ замка. Уже раньше, до этого осмотра, изслѣдователи слышали объ этихъ повѣрьяхъ, но сомнѣвались въ ихъ достоверности. Желая же придти къ чему-либо положительному, они велѣли рыть на одномъ мѣстѣ. Послѣ того, какъ слой камней на 3 фута былъ снятъ, показались мокрые, покрытые какими-то желтоватыми наростами камни. Отъ влажности сдѣлалось холодно, но работникъ увѣрялъ насъ, что это онъ чувствуетъ теченіе воздуха. Стали рыть далѣе, но камни все лежали въ такомъ же порядкѣ и не показывали признаковъ плотнаго соединенія, безъ котораго сводъ не мыслимъ. Мнѣніе же жителей относительно пустаго пространства внутри объясняется тѣмъ, что между камнями, изъ которыхъ большинство песчаники, совсѣмъ плоскіе, было много отвер-

стей, незасыпанныхъ землею, такъ какъ эти камни лежали другъ на другъ и закрывали эти отверстія. На поверхности насыпи много такихъ отверстій, которыя, какъ кажется, ведутъ внутрь, подъ своды. Однако всѣ произведенные опыты показали несостоятельность этого предположенія. Къ опредѣленности въ этомъ спорномъ вопросѣ можно прийти только послѣ тщательныхъ поисковъ, сдѣлать которые еще не пришлось.

На юго-западной сторонѣ очевидно были ворота; тамъ и теперь еще видѣнъ вѣздъ, ведущій къ большому отверстию въ насыпи. На этомъ мѣстѣ лежатъ громадныя массы легко набросанныхъ другъ на друга камней; мы подозреваемъ, что здѣсь было какое либо фортификаціонное укрѣпленіе предъ воротами, чтобы защитить входъ, подобное тому, какое сохранилось при Кергель-Мустельской крестьянской горѣ⁽¹⁾, съ тою только разницею, что матеріаломъ здѣсь служилъ камень.

Внутренняя поверхность не представляетъ никакихъ неровностей. На сѣверной сторонѣ насыпи, почти у самой ея подошвы, лежитъ колодезь, діаметръ котораго 5 фут.; онъ хорошо сохранился, немного засыпанъ камнями; ограда состоитъ изъ различныхъ, большихъ камней, тщательно положенныхъ одинъ на другой. Что насыпь была окружена рвомъ, шириною въ 35 ф., еще и теперь видно на глазомѣрѣ. Если же съ вала кинемъ взглядъ на окрестности и станемъ искать мѣстность, упоминаемую Г. Л. при описаніи его *Castrum Waldia* подъ 1227 г., то приходится отказаться отъ мысли узнать что-либо вѣрное. Уже раньше сказано было, что въ прилежащей къ вольдскому крестьянскому холму мѣстности лежали холмы, раздѣленные болотами (см. *Waldia* табл. 1). Самый большой изъ нихъ лежитъ къ сѣверу отъ крѣпостнаго вала и тянется къ востоку. Разстояніе между ними отъ 200 до 300 шаговъ. Еще теперь эсты называютъ этотъ холмъ Линна-мегги. Длина его приблизительно 500 шаг., ширина 80. Далеко простирающаяся сѣверная оконечность его покрыта болотомъ, прежде болѣе глубокимъ, даже можетъ быть, бывшимъ озеромъ. Къ восточной сторонѣ примыкаетъ другой, меньшій холмъ, по направленію къ югу идущій. Жители называютъ его Тугги-мегги (гора, на которой стоитъ крѣпостная башня;

---

(1) Изъ близлежащихъ камней молодые пастухи выстроили на одной сторонѣ входа два небольшія укрѣпленія въ вышину груди очень искусно.

Tuggi == подпора). Отъ крестьянской горы онъ отстоитъ приблизительно на $\frac{1}{4}$ версты. Тоже названіе носитъ холмъ, отстоящій отъ крестьянской горы на $\frac{1}{2}$ версты къ юго-западу, гдѣ теперь находится жилище для загонщиковъ. Едва ли слѣдуетъ замѣчать, что подъ Линнамегги нужно имѣть въ виду uibs Г. Л., о которомъ онъ говоритъ; „Вольде самый сильный городъ между другими эзельскими городами (1)“. При незначительномъ протяженіи холма городъ былъ бы не особенно великъ. Поэтому мы думаемъ, что Вольдианцы и на нѣкоторыхъ другихъ холмахъ имѣли жилища, напр. на западныхъ и южныхъ, считая отъ крестьянской горы; только самый большой изъ нихъ удержалъ свое названіе. Если теперь разсмотримъ еще разъ всю окрестность, то найдемъ, что Вольде имѣлъ отличную позицію. Въ серединѣ лежитъ, какъ цитадель, castrum, окруженный ровомъ; кругомъ холмы съ домами города; вѣроятно и другіе холмы въ отдѣльности были укрѣплены, что можно заключить изъ того, что для закладки города эзельцы всегда избирали мѣста, хорошо защищенные природою и удобныя для устройства укрѣпленій. Обѣ стороны къ югозападу и сѣверовостоку ограждены Туггигеги, которая представляетъ крѣпкую защиту. Сюда присоединяется въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ западной стороны рѣчка, запасъ воды которой можно было увеличить плотиной.

Отъ домовъ и тому подобныхъ строеній нельзя теперь найти никакихъ слѣдовъ. Но такова судьба эзельскихъ городовъ; напримѣръ, куда дѣвался Рекеръ?

На разстояніи $4\frac{1}{2}$ верстъ на юго-западъ отъ Вольдской церкви лежитъ длинный и широкій холмъ, задняя часть котораго почти на 12 ф. выше окрестныхъ болотъ. На его западной сторонѣ вколочены на протяженіи 80 шаговъ по одной линіи крѣпкіе гранитные куски. На плоской возвышенности позади этой линіи легко можно замѣтить поперечные ряды маленькихъ камней, служившіе, очевидно, подпорами тѣхъ гранитныхъ кусковъ. Вообще здѣсь больше камней, чѣмъ на окружающемъ Линнамегги пастбищѣ. Влажность мѣстности показываетъ, что нѣсколько сто-

---

(1) Нельзя думать, что жилища людей были въ крѣпости; ибо при незначительномъ пространствѣ ея этого не могло быть. Это сомнительное основаніе, чтобы говорить, что при городѣ находился лагерь.

дѣтій назадъ этотъ холмъ тоже защищенъ былъ водою. На $\frac{1}{2}$ верстѣ къ сѣверу отъ Линнамегги, на продолженіи холма, выдается возвышенное мѣсто Торнимегги. Здѣсь также стояла башня, могущая служить защитой близлежащему городу. Она строилась изъ дерева и окружалась каменнымъ валомъ, или заборомъ изъ камней ⁽¹⁾. Это было также укрѣпленіемъ для Валльяла-малинъ и служила сторожевой башней, такъ какъ по ея положенію (она была удалена отъ озера на 6 верстѣ къ югу и настолько же отъ Пейдской границы къ востоку) съ нея можно бы увидѣть непріятеля издали. Поэтому намъ кажется, что настоящее мѣсто башни какъ при Торнимегги, такъ и позади Нейенгофа, при Маломъ Зундѣ.

5) Кармель.

Этотъ укрѣпленный лагерь у Дитлиба ф. Алнпеке въ его описаніи Кармельской битвы (стр. 6196—6248) носитъ постоянно названіе хагъ (Hag). Также и въ хроникѣ Руссова (стр. 20) упоминается объ этой крестьянской горѣ подъ именемъ хагъ; тамъ говорится: „между тѣмъ какъ начальникъ сражался съ литовцами, на эзельцевъ напали христіане; многихъ эзельцевъ они убили при хагѣ Кармеля и такимъ образомъ опять привели ихъ въ повиненіе“. Хагъ означаетъ плетень, заборъ, огороженное мѣсто, а у лѣтописцевъ того времени имѣло значеніе постоянно крѣпостной ограды, сдѣланной изъ дерева. Такъ говоритъ Фойгтъ въ своей прусской исторіи, т. I, стр. 644, что лѣтописецъ Геннебергеръ въ своихъ запискахъ упоминаетъ о „крѣпкомъ плетнѣ изъ большихъ бревенъ“ жителей Замы. Г. Л. описываетъ подобный хагъ (засѣка, частоколъ) возлѣ Дерпта такимъ образомъ: „Въ чрезвычайно густой рощѣ язычники сдѣлали нѣкоторую засѣку, окруживши ее большими бревнами, чтобы спастись при приближеніи войска“. И когда ливы укрѣпляли Герзике, они строили хагъ. Ниенштедтъ говоритъ объ этомъ: „Вокругъ горы отгородили они частоколомъ лугъ для своихъ лошадей и прочаго скота, чтобы защитить свой скотъ и имущество (гл. IX, стр. 20)“. Также говоритъ объ этомъ старинное извѣстіе: „возлѣ горы у

---

(1) Одинъ мельникъ, при постройкѣ мельницы около Торнимегги, нашелъ у фундамента бронзовое ожерелье и совершенно разломанную сѣкиру изъ желѣза.

нихъ былъ плетень, когда они укрѣпляли Герзике, и здѣсь охраняли они скотъ“ (Матеріал. т. I, тетр. 3, стр. 421). Такъ какъ Руссовъ и Дитлибъ ф. Алнеке укрѣпленное мѣсто эзельцевъ при Кармелѣ называютъ хагомъ, то намъ приходится предположить, что и здѣсь были деревянные оплоты, хотя глазъ видитъ только каменные постройки. Защита Кармеля состояла изъ палисадовъ, закопанныхъ въ землю на 6 футовъ. Существованіе этихъ палисадовъ доказывается большимъ количествомъ найденнаго угля, лежавшаго въ упомянутомъ углубленіи на спускѣ. Уголь произошелъ вѣроятно отъ деревянныхъ пней, въ діаметрѣ имѣвшихъ не менѣе половины фута. Этотъ заборъ стоялъ на валу, имѣющемъ видъ дуги лука. Болѣе крѣпкая часть представляетъ собою подкову, между тѣмъ какъ другая часть, какъ бы тетивой, соединяетъ оба конца дуги, не соприкасаясь съ ними. Происходящія отсюда промежутки настолько широки, что можетъ проѣхать повозка; они образуютъ входъ къ сборному мѣсту для войскъ. Оба конца тетивы медленно отелоняются, чѣмъ дуга и возвышается надъ нею. Что касается до измѣреній этихъ сооружений, то наши цифры слѣдующія: высота подковы = 15 фут., вѣшній склонъ 45 фут., внутренній 33 фут.; ширина ската на верху = 10 фут., его основаніе 82 фут., длина дуги 682 фут. Поперечная плотина съ сѣверной стороны не особенно сильна, вѣроятно потому, что съ этой стороны не особенно боялись непріятельскаго нападенія. Высота ея 10 ф., вѣшній склонъ 45 ф., внутр. = 39; ширина ската на верху 6 ф., его основаніе 82 фута. Длина вала 480 ф. Все это захватываетъ площадь, діаметръ которой 270 и 176 ф. Въ серединѣ ея, почти вымощенной, находится колодезь, который, хотя и заваленъ землей и камнями, однако довольно замѣтенъ. При раскопкахъ найдена часть каменной ограды. Діаметръ колодца = 4 ф. Благодаря этимъ же раскопкамъ обнаружился способъ постройки вала. Онъ состоитъ изъ положенныхъ другъ на друга песчаниковъ, такимъ образомъ, что крѣпкіе лежатъ внизу, а хрупкіе вверху. Цементомъ служила обыкновенная земля, брошенная между камнями; она давала возможность сражающимся идти безопасно на верхъ и стоять тамъ. На разстояніи 25 шаговъ отъ восточнаго выхода изъ крестьянской горы находится быстрая рѣчка, шириною отъ 10—15 фут. Эту называютъ ее Линнасъзооэгги (болотная рѣка города). Прежде, по видимому, она была стремительна, шире и глубже, такъ какъ несла большой за-

пасъ воды; ибо, если съ вала осмотрѣть окрестность укрѣпленія, то вокругъ крестьянскаго холма увидимъ множество болотъ, теперь не соединяющихся, но когда-то составлявшихъ крѣпостной ровъ, снабжавшійся водой именно изъ этой рѣчки. Причина тому, что Дитлибъ ф. Алнпеке не упоминаетъ объ этомъ ровѣ, заключается въ томъ, что онъ тогда (экспедиція, описанная Дитлибомъ, была зимняя) замерзъ и не представлялъ поэтому затрудненій къ завоеванію. Мы скоро убѣдились въ полной справедливости сдѣланнаго предположенія, благодаря извѣстію, копія съ котораго сохранилась въ кармельскомъ церковномъ архивѣ. Она выдана въ 1407 г. епископомъ кармельскимъ и гласить: „такъ какъ рыболовство, при крѣпостномъ кармельскомъ валу находящееся, принадлежитъ коменданту, то никто не имѣетъ права ловить рыбу, кромѣ коменданта Кармеля“. Ровъ этотъ долженъ былъ имѣть значительную глубину и ширину, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ непосредственно соприкасается съ валомъ. Тамъ, гдѣ ровъ на юго-востокѣ соприкасается съ рѣчкой, что можно вывести изъ устройства мѣстности, былъ устроенъ водоемъ, шедшій отъ рва обратно къ валу и окруженный землянымъ возвышеніемъ. А сдѣлано это возвышеніе для того, чтобы защитить людей, берущихъ воду, и скотъ, идущій на водопой; земля же выкопанная, вѣроятно, была употреблена на скрѣпленіе камней вала.

Такъ какъ кармельское поле битвы, судя по найденному оружію, лежитъ между деревней Уддоферъ, имѣніемъ Кармельгофъ и крестьянской горой, то эзельцы при вторичной схваткѣ были оттѣснены за рѣчку. Зимой она не могла препятствовать отступленію; чтобы предотвратить бѣдствіе, могущее произойти при послѣднемъ отступленіи лѣтомъ, черезъ рѣчку былъ устроенъ переходъ. Въ косомъ направленіи отъ восточнаго выхода крестьянской горы находятъ въ одномъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ рѣчки, прямо насупротивъ лежащіе громадные камни, правильно спускающіеся къ водѣ, такъ что между этими, какъ бы каменными, плотинами, ширина которыхъ 8 ф., остается только 10 ф. промежутка. Плотина эта была прежде болѣе окружена водою, вслѣдствіе чего она и заняла теперь бѣдшее пространство. Тамъ же былъ деревянный мостъ, представлявшій то удобство, что легко могъ быть сломанъ; притомъ же давалъ возможность проѣхать даже широкой повозкѣ. Намъ кажется, что эзельцы для прикрытія своего отступленія и для защиты моста соорудили нѣчто въ родѣ тетъ-де-пона. Вблизи моста

находятся два песчаные холма, которые со стороны рѣчки представляютъ двѣ расходящіяся линіи, съ противоположной же сходящіяся. Они приближаются подъ весьма острымъ угломъ, имѣющимъ въ вершинѣ проходъ. Конечно, нельзя узнать, сдѣланы ли эти возвышенія человѣческой рукой и имѣютъ ли они какое-нибудь стратегическое значеніе въ отношеніи къ другимъ постройкамъ, но при внимательномъ наблюденіи является сомнѣніе, не естественныя ли это возвышенія? Помимо названія Кармамалинъ эзелцы имѣютъ для кармельской крестьянской горы специальное названіе „Linnarä“ (цитадель), изъ чего можно заключить, что у крестьянской горы былъ тоже городъ.

На разстояніи $\frac{1}{4}$ версты отъ Кармельской крестьянской горы, къ югу, на нѣкоторомъ возвышеніи, уцѣлѣлъ храмъ Кармелитскаго католическаго монастыря; онъ стоитъ между зеленью и деревьями, какъ красивая картинка, которую мы встрѣчаемъ во многихъ коллекціяхъ германскихъ древнихъ построекъ. Каменный, высокій съ остроконечной башней и черной крышей, суроваго стиля, съ гладкими и потемнѣвшими отъ времени стѣнами, съ узенькими прорѣзанными окнами, онъ живо напоминаетъ средневѣковыя сооруженія.

Пробираясь полузаросшими тропинками между вѣковыхъ тополей, ольхъ и густаго вустарника, мы стали чуть-чуть подниматься и пришли къ воротамъ, открыли ихъ настежь и вошли во дворъ.

Монастырь построенъ въ 1407 году, какъ высѣчено на камнѣ надъ самымъ входомъ. Онъ мраченъ, высокъ, обширенъ, но стоитъ твердо и непоколебимо; внутренніе своды отличаются чрезвычайною легкостью и красотою. Тонкія каменные колонны поддерживаютъ ихъ и совершенно гармонируютъ съ ихъ мягкими линіями. За алтаремъ довольно большія окна съ рисованными на стеклахъ изображеніями.

Но церковь ли уцѣлѣла въ этомъ прекрасномъ памятникѣ? Нѣтъ — уцѣлѣли ея стѣны, уцѣлѣло рукотворенное, а небесное, божественное, апостольское измѣнилось совершенно. Въ началѣ XVI столѣтія, вмѣстѣ съ реформаціей, перебравшейся на Эзелъ, и католическій Кармелитскій монастырь преобразился въ церковь лютеранскую; онъ отрекся отъ своихъ вѣрованій, и снялъ съ своего храма всѣ наружныя украшенія — уничтожилъ всѣ статуи святыхъ, да и святыхъ съ ними, и даже, признавъ чистоту и

непорочность храма христіанскаго въ голой и непремѣнной простотѣ его стѣнъ, не смотря на роскошь сооруженія, думалъ устоять вѣчно въ этомъ отреченіи, въ которомъ, по моему, нѣтъ ничего божественнаго.

Украшать благолѣпіемъ храмъ Божій, мнѣ кажется, значить сдѣлать тоже, что сдѣлала Марія, изливъ драгоценное миро на ноги смиреннаго Иисуса. Любовь христіанская можетъ выражаться добровольной жертвой, какою бы то ни было, и равно пріятна должна быть Богу.

Между тѣмъ таже самая лютеранская церковь, которая отвергла всякое наружное украшеніе, не имѣя на стѣнахъ ни статуй, ни картинъ, была обвѣшана рыцарскими и баронскими гербами, иными деревянными, раскрашенными самымъ пошлымъ и безъискусственнымъ образомъ. Всѣ эти, отличающіеся древностью поломанные латы и шлемы съ перьями, казались мнѣ чѣмъ-то балаганнымъ. Не въ тысячу ли разъ имъ мѣсто приличіе въ аренбургскомъ музеѣ древностей о. Эзеля? Что же церкви до гербовъ, до галбардъ, до всѣхъ этихъ уродливыхъ и напыщенныхъ тщеславіемъ изображеній?

Поминовеній въ лютеранскихъ обрядахъ не существуетъ; но не явно ли, что, несмотря на это, всѣ серебряныя и бронзовыя доски съ гербами и именами повѣшаны тутъ по непреодолимому чувству человѣка ввѣрить церкви на сохраненіе память любимыхъ людей? Не то же ли это самое поминовеніе? Вѣдь на церковномъ кладбищѣ, которое расположено сейчасъ же за пасторатскимъ садомъ, положены надписи, доски съ гербами и именами. Къ чему же повторять это на церковныхъ стѣнахъ? Не просить ли это поминовеніе молитвъ? Съ уничтоженіемъ обрядовъ, не осталось ли въ лютеранской церкви то, что служило имъ основаніемъ? По моему разумѣнію, неумѣстны только гербы, эти смѣшныя и отжившія выраженія давно схороненныхъ идей. Память умершихъ несравненно естественнѣе внести въ церковь, чѣмъ желать увѣковѣчить ее какимъ-нибудь памятникомъ. Церковь одна стоитъ вѣчно и вѣчно молится.

На лѣвой сторонѣ церкви каедрa для проповѣди, древняя, деревянная, рѣзная, — она украшена живописью, очень хорошо сохранившею яркость красокъ; на ней цѣлая длинная картина изъ ветхаго завѣта, крайне грубо, и должно быть очень давно написанная. Внизу надпись. На алтарѣ рѣзныя и грубо раскрашенныя, должно быть давнихъ временъ, статуи 12

апостоловъ, рѣзныя изображенія нѣкоторыхъ событій изъ св. исторiи. На правой сторонѣ, у стѣны, деревянныя древнiя сидѣнья, въ видѣ большой скамейки съ высокой спинкой. Мѣста всѣ разгорожены. Эта вещь должна, какъ кажется, принадлежать еще католическому богослуженiю, хотя равно употребляется и при лютеранскомъ. Потомъ наверху органъ, ходъ къ нему пристроенъ деревянный. Замѣчательна еще входная дубовая дверь; старая почти истлѣла, хотя еще лежитъ тутъ въ сторонѣ; съ нея сняли украшенiя, которыми она была окована и одѣли ими новую дверь; ея петли, задвижки и замокъ такъ и смотрятъ стариной.

Общее впечатлѣнiе этой древней церкви грустное. По стѣнамъ отъ сырости зелень и мохъ; все какъ-то черно, гулко, мрачно: такъ она высока—и такъ пуста. Изъ двери на лѣво отъ алтаря темный ходъ въ комнату, назначенную теперь для прихожей пастора. Въ проходѣ въ эту комнату такъ холодно и вѣтрепо, что можно предположить лѣстницу въ подвальный этажъ. Объ этомъ не отъ кого было узнать. Утверждаютъ, что изъ Аренбургскаго замка въ Кармель есть подземный ходъ (12 верстъ). При церкви есть интересный архивъ. Въ другой разъ я былъ въ этой церкви во время лютеранской обѣдни, спрашивалъ пастора и дьячка о древностяхъ на стѣнахъ церковныхъ, но они, оказалось, ничего не разумѣютъ. Пасторъ отказался даже растолковать сюжеты рѣзныхъ алтарныхъ иконъ, и вообще былъ не любезенъ со мной и уклончивъ. Миѣ хотѣлось знать, какiя онъ получаетъ средства отъ правительства и отъ прихожанъ. И въ разговорѣ объ этомъ не было правдивой откровенности, какъ оказалось послѣ изъ рѣчей дьячка Калласа. Общее церковное иѣнiе крестьянъ произвело на меня хорошее впечатлѣнiе.

6) Кергель-Мустьель.

Въ Кергельской церковной книгѣ находится слѣдующая замѣтка, писанная 100 лѣтъ тому назадъ: „Крестьянская гора, или шанецъ лежитъ въ 1 милѣ отъ церкви и называется Леолинъ, городъ жаворонковъ, который былъ построенъ въ языческiя времена“. У Люце находимъ (стр. 40): „эстонцы называютъ Кергельскую крестьянскую гору *Lihho linna mäggi* (гора у Лигголина), потому что, какъ кажется, здѣсь находился домъ или замокъ. Объ этой крестьянской горѣ есть еще повѣрье, что она была выс-

троена противъ набѣга дагенскихъ эстовъ“. Въ другихъ книгахъ, гдѣ на- ходятся намеки на эту крестьянскую гору, этотъ замокъ вовсе не считается памятникомъ древности, потому, очевидно, что онъ стоитъ въ лѣсу и на рѣдко посѣщаемой дорогѣ, кромѣ того онъ вовсе не кидается въ глаза, такъ какъ вообще вся мѣстность холмиста.

Что же касается названія, то, на основаніи одного достовѣрнаго источника, можно счесть „Lihholin“ самымъ вѣрнымъ. „Leolin“ только испор- ченная для краткости въ разговорѣ форма перваго названія. Такое же на- званіе выставлено на Меллинской картѣ (Lihhulin).

Эта крестьянская гора самая большая изъ эзельскихъ. Она обра- зуетъ неправильный овалъ, котораго длинная сторона на западѣ представ- ляетъ прямо выведенный валъ. На этой сторонѣ высота самая незначи- тельная; валъ, при неравной высотѣ, увеличивающейся на югѣ, идетъ къ югу; на востокъ склонъ крутой; южная сторона и примыкающія небольшія части восточной и западной покрыты красной глиной, тогда какъ въ общемъ валъ свободенъ и покрытъ только травой. Причина такой растительности заклю- чается въ томъ, что строителямъ представилась естественная преграда, со- стоящая изъ песчанаго бугра, вышиною около 30 ф., который составляетъ южную дугу крестьянской горы. Чтобы сравнить поверхность, наносился матеріалъ, такъ что въ одномъ мѣстѣ цѣлые слои песку, чернозема и су- глинка перемѣшались между собою. Въ этой-то почвѣ и находятся корни деревь. Этотъ песчаный валъ искусно обратили въ кольцо, нагромоздивъ булыжнику и песчанику. И на бугрѣ, по видимому, песокъ такъ былъ обло- женъ камнями, что представлялъ надежную опору для ногъ. Длина всего вала около 1575 ф., высота 25—30 ф. (такъ какъ мѣстность представ- ляетъ значительныя неудобства для измѣреній болѣе или менѣе точныхъ, то вмѣсто футовъ лучше счесть мѣрою шаги). За исключеніемъ западной стороны валъ хорошо сохранился. Почти по срединѣ находится вѣздъ во внутрь, а именно тамъ, гдѣ валъ достигаетъ половины своей вышины. Такъ какъ на другихъ мѣстахъ нѣтъ ясныхъ слѣдовъ входовъ, которые во вся- комъ случаѣ должны быть, то ворота вѣроятно находились въ данномъ мѣстѣ. Предположеніе это доказывается слѣдующимъ открытіемъ. На дру- гой сторонѣ воротъ были найдены двѣ поперечныя балки (на высотѣ нѣ- сколькихъ футовъ), толщиною въ 2 фута, шедшія параллельно на разстоя-

ни почти 10 ф., на половину обуглившись. Онъ, очевидно, составляли часть фундамента оборонительной постройки, имѣвшей цѣлью отбивать нападенія враговъ. Было интересно видѣть, какъ одинъ конецъ этой балки, до которой едва дотронулся огонь, показываетъ слѣдъ работы пилюю; вслѣдствіе чего пила должна была быть знакома строителямъ. На этомъ мѣстѣ раньше былъ найденъ человѣческой скелетъ. На другой сторонѣ воротъ валъ поднимается даже до высоты холма. На лѣвой сторонѣ воротъ стояла башенная оборонительная постройка, съ которой крѣпостной гарнизонъ долженъ былъ одолевать враговъ, врывающихся въ ворота. Вой долженъ былъ происходить съ обѣихъ сторонъ, потому что при запертыхъ и заваленныхъ воротахъ отбитіе враговъ немислимо. Найденные же на восточной сторонѣ угли и куски камня доказываютъ, что здѣсь свирѣствовалъ огонь, или, другими словами, что здѣсь былъ деревянный брустверъ или палисадъ.

Если теперь обратимъ взглядъ съ вала во внутрь замыкаемаго имъ пространства, то найдемъ возвышенную плоскость, поперечникъ которой 525 и 350 ф. Вообще уровень внутренняго пространства лежитъ почти на $\frac{1}{3}$ высоты вала выше уровня окрестности. Сѣверо-восточный конецъ лука образуетъ холмъ, сложенный изъ камней и наводящій на мысль, что здѣсь была постройка. Одинъ старый эстонецъ, живущій у самой крестьянской горы, подтвердилъ то, что въ молодыхъ годахъ самъ онъ видѣлъ, что эта, по видимому безъ плана построенная, каменная кладка скрываетъ внутри подвалы, имѣвшіе раньше отверстія, но теперь во всякомъ случаѣ засыпанные и такимъ образомъ исчезнушіе. Вѣроятно, при болѣе основательныхъ раскопкахъ чѣмъ тѣ, какія дѣлались при первомъ обыскѣ, было бы возможно доказать каковъ былъ способъ постройки этихъ сводовъ и какія заключенія можно отсюда вывести относительно этого, прежде находившагося въ забвеніи, зданія. Теперь же можно только полагать, что на этихъ сводахъ находилась башнеобразная постройка, похожая на таковую же при Монскомъ замкѣ. На сторонѣ между востокомъ и югомъ старикъ эстонецъ показывалъ намъ мѣсто, гдѣ раньше былъ колодезь. Онъ еще припоминалъ, что колодезь былъ въ полтора фута глубиною и настолько наполненъ водою, что легко можно было черпать кувшиномъ. По разказу этого очевидца стѣнки колодца состоятъ изъ положенныхъ другъ на друга

булыжниковъ. Незадолго передъ тѣмъ колодезь былъ совершенно засыпанъ при разработкѣ глубокой хорошей земли внутренняго пространства.

Отъ рва, окружающаго все это пространство, мы не нашли никакихъ слѣдовъ. Но только на сѣверозападной сторонѣ крестьянской горы находится ручей, простымъ способомъ могущій сдѣлаться значительнымъ препятствіемъ для нападающаго съ западной, наиболѣе открытой для нападенія стороны непріятеля. Кромѣ того, съ двухъ сторонъ лежатъ копи и очень легко могло случиться, что весь окопъ былъ окруженъ таковыми, такъ какъ зыбучій песокъ въ Кергельскомъ приходѣ произвелъ не мало измѣненій (1).

Что касается до цѣли этого сооруженія, то слова Люце вполне подтверждаются часто упоминаемымъ нами свидѣтелемъ. Вѣроятно, сообщеніе Люце почерпнуто изъ этого источника. Люце говоритъ, что этотъ больверкъ выстроенъ противъ набѣговъ дагенскихъ эстовъ. Это преданіе легко можетъ быть исторически вѣрно и если мы будемъ считать его таковымъ, то нужно будетъ положить, что построеніе этой крестьянской горы случилось во времена язычниковъ. Въ подтвержденіе этого положенія нельзя найти доказательствъ. За него говоритъ только устройство мѣстности, такъ какъ противъ набѣговъ дагенскихъ эстовъ эзельцы легче всего могли бы защититься, располагая свои укрѣпленія возможно дальше отъ морскаго берега. Тутъ можно задать себѣ вопросъ: почему Мустель, лежащій со всѣмъ своимъ округомъ передъ Кергелемъ, не устроилъ своей крестьянской горы противъ дагенскихъ пиратовъ? и почему устроилъ таковую Кергель, который вовсе не касается моря? На это можно отвѣтить, что Мустель отдѣлился позднѣе отъ прихода, какъ самостоятельный округъ. Также эсты утверждаютъ, что упоминаемая крестьянская гора выстроена кергельцами и мустельцами сообща и составляетъ ихъ нераздѣльную собственность. Такъ какъ во время постройки замка не существовало приходовъ кергельскаго и мустельскаго и границы области часто мѣнялись, то вѣрнѣе всего будетъ положить, что тѣже эзельцы, которые населяютъ теперь Кергель и Мустель, были и основателями этого замка.

---

(1) Въ Кергельской церковной книгѣ находится слѣдующая замѣтка: «въ 1700 г. весь приходъ состоялъ изъ 89¹/₄ гаковъ; но наносный песокъ, который зимой и лѣтомъ въ 11 гакахъ уничтожилъ настибца, сѣнокосы и пашни, причинилъ много вреда и значительно уменьшилъ прежнее число гаковъ (haaken)».

7) Килькондъ.

Почти въ шести верстахъ отъ морскаго берега между Килькондскою церковью и имѣніемъ Пиддудль возвышается на песчаной почвѣ Килькондская крестьянская гора. Выстроена она на подобіе Кергель-Муфельской, такъ какъ для вала воспользовались песчаными буграми. Въ сильно разрушенной крѣпостной постройкѣ идутъ съ востока на западъ 2 параллельные вала, на концахъ связанные другъ съ другомъ очень низкой, дугообразной плотиной. Сѣверный валъ въ длину имѣетъ 250 ф.; южный почти 435 ф.; разстояніе же между ними равняется 50 ф. Оба вала, связанные на концахъ прямыми линіями, образуютъ не прямоугольникъ, но трапецію. На концахъ валовъ находятся возвышенія въ 30 ф., состоящія изъ песку и только на вершинѣ по скатамъ обложенныя камнями. Восточная соединительная плотина, при средней высотѣ въ 6 ф., длиною 210 ф., западная же, при средней высотѣ въ 10 ф., длиною въ 110 ф. Обѣ онѣ искусно выстроены и, конечно, прежде были выше. Судя по настоящему виду крестьянской горы, входъ долженъ былъ находиться на восточной сторонѣ. Внутреннее пространство выше уровня окрестностей. Прежде оно было значительнѣе, такъ какъ наносный песокъ много способствовалъ засыпкѣ внутренняго пространства и разрушенію валовъ. Отъ колодца нѣтъ ни малѣйшаго слѣда: песокъ совсѣмъ его засыпалъ. Разрушеніе постройки и теперь еще продолжается, ибо крестьяне при всякомъ удобномъ случаѣ собираютъ и уносятъ булыжники; но послѣдніе рѣже попадаются, чѣмъ песчаники.

Что касается мѣстоположенія этой крестьянской горы, то, безъ сомнѣнія, она была заложена на болотѣ, хотя лежащая вокругъ песчанья массы, по видимому, противорѣчатъ этому. Но такъ какъ на этомъ пескѣ растетъ родъ тростника, а вокругъ крестьянской горы, въ нѣкоторомъ отдаленіи, является рядъ болотистыхъ лужъ и на сѣверной сторонѣ видны остатки рва, наполненнаго водой и заросшаго молодымъ чернопольсьемъ (тогда какъ на крестьянской горѣ и возлѣ нея растетъ красный лѣсъ), то нужно положить, что и эта постройка эстовъ была окружена водой во рвѣ, или, по крайней мѣрѣ, глубокимъ болотомъ. Килькондскіе крестьяне называютъ эту оборонительную постройку „schlechtweg malin (schlechtweg = безъ затѣй, просто).

8) Залль.

Въ имѣннн Залль, влѣво отъ большой дороги изъ Аренсбурга къ Монъ-Зунду, находится спорный залльскій кратеръ. Этотъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательный кратеръ, представляетъ правильный конусъ, заключенный въ холмѣ и имѣющій около 33 сажень въ діаметрѣ и болѣе 7 сажень глубины. Весь этотъ конусъ внутри покрытъ густымъ листовнымъ лѣсомъ и кустарникомъ, примѣрно до 18 аршинъ глубины. Здѣсь крутизна увеличивается, черноземъ и кустарники исчезаютъ и только валуны и обломки камней покрываютъ почву, которая съ 5—6 аршинъ отсюда опускается отлого до озера, по самой срединѣ углубленія, окружностью аршинъ въ 70 и глубиною въ 1 сажень. 35 лѣтъ тому назадъ, говоритъ Люце, это озеро было чрезвычайно глубоко.

По всей окружности кратера, поросшей лѣсомъ, выдаются обломки известняка, приподнятые, и притомъ такъ, что слои известняка радіусами обращены къ центру углубленія. Известнякъ въ кратерѣ безъ примѣси песку, твердъ, плотенъ, сѣроватаго цвѣта. Окаменѣлостей въ немъ очень мало: кой гдѣ отпечатки или остатки брюхоногихъ, кажется *Turbo* или *Trochus*. Нѣтъ слѣдовъ ни огня, ни лавы, ни бальзата, ни лапиллей.

Что такое этотъ кратеръ? Провала здѣсь нельзя предполагать, обвала тоже, потому что при горизонтальныхъ слояхъ известняка на Эзелѣ нельзя объяснить большаго, полаго кольцеобразнаго пространства вокругъ кратера и, слѣдовательно, кругообразнаго опущенія внутрь и поднятія наружу. Кромѣ того, какъ объяснить происхожденіе глубокой впадины и окружающаго ее холма? На островѣ же нѣтъ ни гипса, ни другихъ горныхъ породъ, способствующихъ образованію кольцеобразныхъ вымоинъ или нещерь.

Нѣкоторые полагають, что это остатки городища, но объ искусственномъ укрѣпленіи здѣсь трудно и думать: углубленіе въ 24 аршина, съ глубокимъ озеромъ внутри и незначительнымъ наружнымъ валомъ не могло служить обороною, даже при дѣтскихъ понятіяхъ о военномъ искусствѣ.

ОБЩІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Изъ отдѣльнаго описанія каждой крестьянской горы попробуемъ теперь вывести общія замѣчанія.

Г. Л. называетъ Монъ и Вольде „castrum“ (замокъ, городъ, домъ, лагерь). Но видъ ихъ такой-же, какъ и другихъ болѣе или менѣе хорошо сохранившихся замковъ. Значить и эти также были „castra“. На это намѣкаетъ самъ Генрихъ Л. „Эзельцамъ приказываютъ выдать плѣнныхъ шведовъ обоюго пола, они повинуются, общаютъ ихъ выдать, принимаютъ священниковъ въ свои замки (ad sua castra). . . Такимъ образомъ священники крестили во всѣхъ замкахъ Эзеля (in omnibus castris)“. Ихъ было 7. По собраннымъ въ 1866 г. и опубликованнымъ Ширромъ извѣстіямъ на Эзелѣ въ 1228 г. было пять ¹⁾ округовъ (приходовъ ²⁾ (quinque kelicontas) и въ четырехъ изъ нихъ находится крестьянская гора. Они зовутся по дѣленію 1234 г.: Монъ, Хорелэ, Вальдель, Кармелэ, Килигундэ. Хорелэ ³⁾ обхватывалъ очевидно весь востокъ острова Эзеля, т. е. Каррисъ и Пейде съ ихъ замками. Такимъ образомъ остается только Кергель-Мустель, который, какъ говорятъ, былъ выстроенъ жителями сообща противъ дагенцевъ. Относительно способа постройки можно составить слѣдующія правила ⁴⁾:

1) Эзельцы закладывали свои замки среди болотъ, или по крайней мѣрѣ, окружали ихъ рвами.

2) Круглый или овальный валъ строился изъ камней и земли, причемъ часто пользовались естественными возвышеніями почвы.

3) Поверхность внутренняго пространства всегда выше уровня окрестностей.

4) Въ каждомъ замкѣ колодезь.

5) Большинство крестьянскихъ горъ имѣетъ двое воротъ; гдѣ же замѣтны однѣ только, и тамъ видны неясныя очертанія вторыхъ.

6) Ворота, по всему судя, имѣли особыя защитительныя сооруженія.

7) На валу стоялъ каменный брустверь или были деревянные палисады.

8) Всѣ замки носятъ названіе „malin“, кромѣ особеннаго спеціальнаго, мѣстнаго имени. Только Литгомень, не принадлежащій ни къ какому

приходу, не имѣть этого названія. Кармельская же крестьянская гора, кромѣ названія „Кагма malin“, имѣть еще названіе „Linnparä“.

Что касается времени сооруженія этихъ крестьянскихъ горъ, то, кажется, мы не ошибемся, предположивъ, что онѣ выстроены до пришествія христіанъ. Это мы выводимъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: такіа колоссальныя сооруженія, какъ крестьянскія горы, не могли быть выстроены при угрожающемъ нападении нѣмцевъ. Даже разсматривая размѣры среднихъ построекъ ⁵⁾ (средней величины), мы находимъ громадныя числа. Главный валъ кармельской крестьянской горы при вышинѣ въ 15 ф. и ширинѣ гребня въ 6 ф., имѣть съ наружной стороны скатъ въ 45 ф., а съ внутренней въ 33 ф. Ширина же основанія 77,8 ф. Поперечный разрѣзъ большаго вала содержитъ такимъ образомъ 628,5 кв. ф., а кубическая мѣра всего вала, при длинѣ въ 682 ф., равна 428.637 куб. ф. = 1984 куб. саж. (считая сажень въ 6 ф.). На куб. сажень въ 6 ф. на Эзелѣ считаютъ обыкновенно 20 фудеровъ (возовъ). Слѣдовательно, весь валъ содержитъ 39.680 возовъ камней. Сюда же нужно присчитать и меньшій валъ, вышина котораго 10 ф., вѣншній скатъ 45 ф., внутренній 39.; ширина гребня 6 ф., основаніе 82 ф. (точно 81,6). Поперечный разрѣзъ = 468 кв. ф.; кубическая вмѣстимость = 224.640 куб. ф., или 1040 куб. сажень, на что требовалось 20.800 возовъ камней. Такимъ образомъ для постройки всего сооруженія понадобилось 60.480 возовъ камней. Цифры эти увеличатся, если принять во вниманіе, что внутренніе скаты по вышинѣ доходятъ не до собственнаго основанія вала, но только до поверхности внутреннего пространства, которое обыкновенно гораздо выше окрестностей, кромѣ того, внутреннее пространство выложено какъ бы мостовой изъ камня, толщина которой осталась неизвѣстна. Какія же цифры представимъ мы для большихъ крестьянскихъ горъ? Громадныя цифры эти показываютъ, что крѣпости эзелцевъ построены не по мгновенной надобности, т. е. не для отраженія угрожающаго непріятеля, но чтобы съ теченіемъ времени доставить въ случаѣ опасности надежную защиту.

Кромѣ того, излишне было бы окружать постройки ровомъ съ водою, такъ какъ нѣмцы нападали преимущественно зимою, когда воды замерзали; слѣды же рововъ видны при всѣхъ крестьянскихъ горахъ, а при Кармельской горѣ существованіе рва доказывается даже извѣстіемъ. Если

бы замки эзелцевъ служили только временными сооруже́ніями противъ нападений нѣмцевъ, то постройку кармельской крестьянской горы нужно было бы отнести къ 1265—66 г. Весьма обременительно было бы эзелцамъ въ такое короткое время, какое давали имъ нѣмцы, выстроить Кармельскій замокъ, тѣмъ болѣе, что нѣмцы всеми силами старались помѣшать этимъ постройкамъ и по мѣрѣ возможности разрушали старые. Монъ же существовалъ уже въ 1216 г., когда нѣмцы въ первый разъ явились на Эзелъ, не имѣя въ виду покорить его. Что въ то время существовали и другія крестьянскія горы, мы заключаемъ изъ выраженія Г. Л. XIX, 9: „*arud unius castrum conveniunt*“. Также не малымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія служитъ преданіе о назначеніи Кергель-Мустельской крестьянской горы. Хищные походы дагенцевъ на Эзелъ не могли происходить во времена христіанства. Относительно Пейдскаго замка тамошніе эсты говорятъ, что онъ выстроенъ изъ за внутреннихъ войнъ и напираютъ на то, что время его основанія совпадаетъ съ временемъ до прибытія нѣмцевъ.

Точно и положительно опредѣлить время построенія крестьянскихъ горъ очень трудно. Если ближе опредѣлять это время, то безъ опасности ошибиться, ихъ основаніе можно отнести къ тѣмъ столѣтіямъ, когда эзелцы были вовлечены въ войну съ датскими и шведскими королями, т. е. въ девятое или, по крайней мѣрѣ, въ десятое столѣтіе. Но легко отнести и къ болѣе раннему времени. Ибо если обратимъ вниманіе на другія громадныя каменные постройки подобнаго рода въ томъ краѣ, то особенно бросится въ глаза постройка въ Састамѣ на югѣ Вика, которую описываетъ Русвурмъ въ „*Eibofolke*“ т. I ст. 71. При вышинѣ отъ 12—15 ф. длина ея превышаетъ 50 ф. и ширина 30 ф. Многіе изслѣдователи относятъ постройку этой каменной горы къ тому времени, въ которомъ также сопоставляютъ событія, по сѣвернымъ источникамъ, случившіяся въ VI столѣтіи. Жаль, что въ этихъ замѣткахъ не сказано, за сколько раньше сдѣланы эти постройки, чтобы мы не казались слишкомъ самоувѣренными, считая послѣднимъ временемъ ихъ происхожденія IX и X столѣтія.

Съ принятіемъ вѣроятнаго времени возникновенія крестьянскихъ горъ связано также ихъ назначеніе. Онѣ служили для защиты отдѣльных общинъ отъ непріятельскихъ нападений, легко могущихъ случиться отъ сосѣдей. При описаніи Кармельской крестьянской горы мы уже замѣтили, что

и у другихъ племенъ (эстовъ, ливовъ и пруссовъ) замѣтны слѣды подобныхъ крѣпостныхъ сооруженій. Какъ у нихъ, такъ и у эзельцевъ эти постройки служили прикрытіемъ прилежащему городу и вообще окрестности. Свое вообще имущество эзельцы оставляли въ городахъ. Изъ описанія взятія крѣпостей Мона и Вольде видно, что города оставались пустыми. Дитлибъ ф. Алнке говоритъ, что въ Монѣ убито 2,500 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Г. Л. пишетъ: „они берутъ городъ, захватываютъ добычу, похищаютъ собственность и драгоцѣнности и угоняютъ скотъ“. Также и въ Вольде жители города собирались въ крѣпость. Г. Л. пишетъ: „Такъ какъ вольдѣйцы не могли снести сыпавшіеся на нихъ камни по причинѣ многочисленности народа въ крѣпости...“. Крещеніе также происходило въ замкахъ, гдѣ прежде всѣхъ крестились старѣйшины; затѣмъ крестили мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Такъ какъ городъ вольдѣйцевъ былъ пощаженъ, то нельзя узнать, спасены ли были скотъ и прочее имущество въ замкѣ. Но послѣднее покажется невѣроятнымъ, ибо внутреннее пространство этого замка значительно меньше, чѣмъ въ Монской крестьянской горѣ. Иначе было дѣло въ 1266 году въ Кармельской битвѣ: „Когда братья выбили эзельцевъ изъ ихъ хаговъ, добыча ихъ была несмѣтна.... Христіане уносили и угоняли къ себѣ все, находящееся въ хагѣ (Дитлибъ ф. Алнке с. 6235 и 6245). Такимъ образомъ эзельцы и скотъ скрыли въ хагѣ, иначе нельзя понять слово „угонять“ въ ст. 6245.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПРЕДЫДУЩИМЪ.

1) Остальные приходы обязаны своимъ происхожденіемъ позднѣйшему, искусственному дѣленію.

2) Слово „Kihhelkond“ состоитъ изъ: „Kihlama“ — обругать, сговаривать; вторая часть этого слова — „kond“ равносильно теперешнему нѣмецкому „schaft“ въ словахъ Nachbarschaft, Eidgenossenschaft (союзъ, конфедерація); послѣднее значеніе очень подходитъ въ данномъ случаѣ. Поэтому, вмѣсто „Kihhelkond“ — можно писать „Kihlacond“.

3) Утраченное теперь названіе еще не разъяснено. Но можно подра-
зумѣвать, что какой нибудь писецъ въ матеріалахъ, не зная эстонскаго

языка, внесъ слово *Nogele* вмѣсто подобозвучающаго слова, означающаго *Karris*. Нѣкоторые думали, что корень слова *Nogele* скрытъ въ словѣ *Ogri-saar*, *Ogriküll*, къ которымъ еще можно прибавить *Ogri-nem* и *Ogri-ak*.

4) Таковъ же по постройкѣ городъ Гарріевъ, который лежитъ при деревнѣ Варбіала и при Г. Л. назывался Варбола.

5) Подобной (т. е. средней) величины слѣдующія крестьянскія горы: Кергель, Мустель, Пейде, Кармель, Монъ, Вольде, Килькондъ, Каррисъ.

XI. Эзельцы во время осады.

Генрихъ Латышъ и Дитлибъ фонъ-Алнпекке сообщаютъ намъ о четырехъ осадахъ, которыя должны были выдержать эзельцы въ своихъ замкахъ. Въ 1216 г. нѣмцы, идя мимо Мона, сражались съ тѣми, которые находились въ замкѣ (Г. Л. XIX, 9). Лѣтописецъ ничего болѣе точнаго не говоритъ. Съ 1227 г. совпадаетъ осада Мона и Вольде. Объ осадѣ перваго упоминаетъ также Дитлибъ фонъ-Алнпекке, не касаясь однако мелочей. Все таки Г. Л. рассказываетъ, что эзельцы своими петереллами метали изъ замка камни и дротики. Также, кажется, бросали они руками копья и камни, особенно, когда непріатели пытались взойти на валъ. При Вольде дѣло до битвы не дошло. Также о битвѣ при Кармелѣ въ 1266 г. не узнаемъ мы подробностей изъ хроники. Вообще Дитлибъ фонъ-Алнпекке рассказываетъ, что эзельцы сражались отчаянно, что видно и изъ того, что они не запирались отъ страху въ свой хагъ, но предлагали нѣмцамъ открытую битву (на открытомъ полѣ внѣ крѣпости). Отсюда можно видѣть, что Кармельское поле битвы начинается въ 3-хъ верстахъ отъ крестьянской горы и тянется вплоть до самаго замка. На дорогѣ изъ Аренсбурга въ Каррисъ, на 11-й верстѣ, на лѣво отъ дороги, лежитъ деревня Уддоферъ. Здѣсь на песчаномъ холмѣ, высота котораго 5—6 ф., есть вѣтряная мельница. На этомъ мѣстѣ эзельцы выдержали первый натискъ нѣмцевъ; по хроникѣ (въ стихахъ) они отбили христіанъ, тѣ напали вторично (ст. 6210). „Не одинъ эзелець получалъ раны, присѣдалъ къ землѣ и забывалъ о битвѣ; такъ шло дѣло впродолженіе дня; часть эзельцевъ лежала мертвыми передъ хагомъ“. Вѣроятно, эзельцы боролись отчаянно, такъ какъ

въ песокѣ найдено много скелетовъ; отсюда битва перешла къ крестьянской горѣ и здѣсь эзельцы собрали свои послѣднія силы.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ защитительномъ оружіи. Изслѣдуя Кергель-Муфельскую крестьянскую гору, археологи слышали отъ вышеупомянутаго стараго эстонца, что онъ, будучи молодымъ, слышалъ отъ людей разсказъ о находимыхъ кускахъ круглыхъ балоковъ, въ которые были вколоты заостренныя деревяшки. Такіе валики пускались со стѣнъ въ непріателя. Подобное оружіе могло нанести значительный вредъ, такъ какъ ранило враговъ и служило имъ значительнымъ препятствіемъ на дорогѣ. Если оно оставалось на склонѣ вала, то, попадаясь подъ ноги непріателямъ, увлекало ихъ съ собою. Жители Кармеля разсказываютъ, что для защиты употреблялись также стволы деревъ, которые скатывались подъ ноги непріателей съ вершины вала. Также и жители Пейде передаютъ, что при защитѣ крестьянской горы съ крутаго вала спускали стволы деревъ массами, если непріатели толпами пытались взобраться на валъ.

Эзельцы, навѣрное, прибѣгали и къ другимъ средствамъ для отраженія враговъ. Здѣсь можно упомянуть и объ эстонскихъ огненныхъ колесахъ (Г. Л. XXVIII, 6).

ХІІ. Эзельцы на морѣ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эзельцы были отличными моряками. Хищные ихъ походы въ Данію доказываютъ, какъ хорошо могли они управляться съ этой стихіей. Они мало цѣнили мирную дѣятельность на родной землѣ; ибо, какъ уже было показано, почти постоянно были въ походахъ, внѣ своей страны. По словамъ древнихъ писателей, они, оторванные отъ своего острова, дѣлались смѣлыми, не боялись мести за нарушенный миръ, и, какъ показываютъ попытки датскаго короля сдѣлаться ихъ повелителемъ, не имѣли даже нужды бояться. „На корабляхъ — ихъ наибольшее могущество“ говоритъ Дитлибъ фонъ-Алнпеке (въ ст. 366); да и вообще не трудно заключить изъ нѣсколькихъ мѣстъ различныхъ авторовъ, что у нихъ были значительныя, хорошо организованныя морскія силы. Изъ сообщеннаго Ширромъ (25 матеріаловъ et cet. 1866) извѣстія (отъ 13 мая 1254 г.) № 18 видно, что одна гавань называется Зоттезаткема,

или вѣриѣ, по двумъ другимъ рукописямъ, Зоттезаттема. Авторъ матеріаловъ, не зная эстонскаго языка, перековеркалъ это слово „Зоттезаттема“ и латинизировалъ его изъ „södda — saddam“ (военный портъ). Если же эзельцы и жители Вика владѣли гаванью, которую они называли не иначе какъ „södda-saddam“, то тамъ, вѣроятно, стоялъ у нихъ флотъ. Въ приложеніи къ этой книгѣ мы покажемъ, гдѣ и какъ въ особенности лежала эта гавань (портъ). Если мы далѣе узнаемъ, что эзельцы для военныхъ цѣлей въ одно мгновеніе имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлые флоты, то это будетъ не малымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія. По Г. Л. эзельцы въ 1211 г. были при Трейденѣ съ 300 хищническихъ кораблей, не считая малыхъ. Они потеряли тогда весь свой флотъ; однако въ 1215 г. въ новой гавани Эзеля, гдѣ былъ запертъ епископъ со своими кораблями, опять появилось 200 кораблей. Они были собраны въ весьма короткое время, ибо Г. Л. говоритъ: „Уже передъ разсвѣтомъ все море противъ насъ казалось чернымъ, покрытое ихъ кораблями (1)“. (XIX, 5). Поэтому они должны были явиться изъ какого-нибудь мѣста, гдѣ стояли уже собравшись.

Эти хищные корабли, которые Г. Л. называетъ *rigatise*, по величинѣ, постройкѣ и снаряженію, должны были быть равными, или по крайней мѣрѣ, одинаковыми. Лѣтописецъ (гл. XIX, 5) упоминаетъ объ одной *rigatise* „которая была велика и наполнена людьми“ и далѣе говоритъ: „нѣмцы отняли у эзельцевъ бѣльшій корабль и увели съ собою въ Готландъ“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что большіе корабли составляли исключеніе.

Обыкновенно экипажъ состоялъ изъ 30 человѣкъ. Это видно изъ описанія морской битвы, выдержанной эзельцами въ 1203 г. на возвратномъ пути изъ Даніи передъ Висби. На двухъ корабляхъ были убиты 60 человѣкъ. На третьемъ погибли 22 человѣка, послѣ чего оставшіеся 8 натянули паруса и поспѣшили уплыть (VII, 2. Г. Л.).

Вѣроятно эзельскіе хищническіе или военные корабли существенно отличались отъ другихъ кораблей. Лѣтописецъ во многихъ мѣстахъ отличаетъ ихъ военные корабли отъ „другихъ“ или „меньшихъ“, обыкновенно называемыхъ имъ „*libugnae*“. Но эти послѣдніе не должно смѣшивать съ нашими лодками или яликами. Для лодокъ у Г. Л. есть особое названіе *Sumba* (челнѣ)²). Поэтому „*libugnae*“ мы скорѣе приравняли бы нашимъ

„бортовыми“ кораблямъ (bording). Хищные корабли были больше, чѣмъ „liburnae“ (судно, скорое на ходу; фелука); различіе это даже бросается въ глаза. Что они были снабжены мачтами и парусами, видно изъ VII, 2 и XIX, 5. Они были также устроены и для веселья (Г. Л. XIX, 5), такъ что не зависѣли отъ вѣтра и потому легче управлялись въ битвѣ. Какъ сильно гребли, видно изъ того, что одинъ корабль отъ сильнаго движенія веслами (vehementi remigatione) такъ сильно ударился о другой, что съ сильнымъ трескомъ раскололся пополамъ (XIX, 5). Весьма также вѣроятно, что хищническіе корабли имѣли палубу, такъ какъ нельзя думать, что скамьи для гребцовъ стояли на днищѣ корабля, тѣмъ болѣе, что эзельцы сюда же помѣщали угнанный скотъ, колокола, церковные сосуды и плѣнныхъ христіанъ, и все это на корабль, гдѣ своихъ было 30 человекъ и который долженъ былъ еще исполнять свои обязанности въ борьбѣ. Въ 1215 г. они стрѣляли съ кораблей изъ петерелловъ (XIX, 5).

Если на основаніи сказаннаго попробуемъ опредѣлить приблизительно величину эзельскаго хищническаго корабля, то поставимъ ихъ весьма близко къ нашимъ кораблямъ въ 50 ластовъ (ласть = 4000 ф.), съ той только разницей, что эзельскіе корабли были немного легче и длиннѣе.

Своими морскими силами эзельцы отлично умѣли распоряжаться. Они выработали себѣ даже родъ морской науки, практически передаваемый отъ отца къ сыну. Такъ какъ они изучали астрономію и хорошо были знакомы съ звѣзднымъ небомъ, то и теперь еще эзельцы, занимающіеся морскимъ ремесломъ (лоцманствомъ, рыболовствомъ), хорошо знакомы съ звѣздами, покрывающими въ ночное время небесный сводъ, хотя эта наука не преподается въ эстонскихъ школахъ. Названія звѣздъ, напр. roehja-nael (головка гвоздя) и õhha-täht (погасшая звѣзда) для полярной звѣзды; soel (рѣшето) для семизвѣздія (плеяды); taewa-wanker (небесная колесница) для большой медвѣдицы; woore-rattad (повозка, товарный вагонъ) для воза; elkias-täht (мраморная звѣзда) для неподвижной звѣзды; linno-gadda (птичья дорога) для млечнаго пути; koido-täht (сумеречная звѣзда) для утренней звѣзды; santi-sauad (палка нищаго) для трехъ-звѣздія вблизи луны; ogja täht (рабская звѣзда), oja-tähhed (звѣзда водолея) для звѣзды на восточномъ краю неба; ku sullane (рабъ луны) и т. д., ясно доказываютъ, что это не только простой переводъ, но что въ основаніи по крайней мѣрѣ части

ихъ лежитъ непосредственное наблюденіе. Какъ точно эзельцы знали сѣверное море! Въ настоящее время къ услугамъ моряковъ находятся морскія карты; все таки много значить, что и теперь еще эзельскій кунеческій корабль ходитъ только до Любека, между тѣмъ какъ эзельцы на своихъ крошечныхъ лодочкахъ съ непостижимою скоростью плывутъ къ берегамъ Швеціи и Финляндіи.

ПРИМѢЧАНІЯ:

1) Въ этомъ мѣстѣ сказано у нашего историка: „И было ихъ много тысячъ, которые пришли на коняхъ и пѣшіе изъ всей Эстляндіи на почти двухъ стахъ корабляхъ“. Если по всей вѣроятности эти слова „изъ всей Эстляндіи“ преувеличены, то, въ виду этого выраженія, конечно нельзя опровергать, что и эсты съ материка пришли въ Эзель (такъ какъ „новую гавань“ надо искать на островахъ). Слѣдовательно, они должны были привести съ собою нѣкоторую часть кораблей. Изъ этого, а также изъ того обстоятельства, что единственный извѣстный намъ военный портъ эзельцевъ (Södda-Saddam) находился на материкѣ, а не на островахъ, мы выводимъ, что эсты съ материка были такими же отважными пиратами, какъ и эсты съ острововъ. Напрасны были усилія датчанъ и нѣмцевъ стѣснить эзельцевъ расположенными на Викѣ крѣпостями; онѣ только тогда имѣли бы смыслъ, если бы не только островитяне, но и эсты съ Вика участвовали въ набѣгахъ хищническихъ. Мы думаемъ, что это примѣчаніе необходимо помѣстить здѣсь, такъ какъ Папстъ на стр. 34 своего перевода говорить: „Пиратами были только эсты съ Эзеля; другіе же эсты вовсе не были таковыми.“

2) Большіе морскіе корабли или товарныя суда нѣмцевъ Генрихъ Латышъ называетъ *coggonen*. По Русвурму измѣненіе корня „*cogg*“ у различныхъ народовъ такое: „*kogg* — древнешведское *kahn* (челнѣ), среднелатинское *coggo*, голландское *kogge*, исландское *kuggr*, кельтическое *siocck*, англійское *sosck*, *sosckboat*, французское *soche*, латышское *kuggis*“.

Война на морѣ.

Если эзельцы иногда принуждены были къ сраженію во время плаванія, то они дѣйствовали по извѣстному плану. Въ 1203 году они возвращались съ 16 кораблями изъ Даніи. При Висби они были задержаны. Эсты раздѣлили свои корабли на 2 отдѣленія (по 8 кораблей), „отодвинулись другъ отъ друга нѣсколько, въ намѣреніи запереть пилигримовъ, если они пойдутъ въ середину, и такимъ образомъ захватить снаряженные противъ нихъ корабли (VII, 2)“.

Во время морскаго сраженія стрѣляли они стрѣлами изъ луковъ и метали камни изъ петереллъ въ корабли рижанъ (XIX, 5). Такъ какъ въ 1215 г. нѣмцы не имѣли простора для движенія кораблей, ибо были заперты въ „новой гавани“, то эзельцы удобно могли дѣйствовать при этомъ случаѣ огнемъ. Для этого построили они 3 брандера (поджигательное судно) такимъ образомъ: на сколоченный изъ большихъ стволонъ плотъ они положили сухія полѣнья, обмазанныя жиромъ животныхъ; эти полѣнья хорошо поддерживали огонь. Все это пылало „выше, чѣмъ какой-либо купеческій корабль“ и подходило подъ бортъ нѣмецкаго корабля, такъ что запертые въ гавани нѣмцы были очень стѣснены.

Эзельцы потому старались причинить своимъ врагамъ возможно больше вреда, что тѣ препятствовали ихъ торговымъ сношеніямъ, запирая для нихъ водные пути. Такъ, въ 1215 году они опустошили Двину (городъ) за то, что „они (нѣмцы) наполнили челноки камнями и опустили ихъ на дно моря, въ устьѣ рѣки, и они устроили деревянныя сооруженія, и, наполнивъ ихъ соответствующимъ количествомъ камней, опустили при устьѣ Двины“. Слѣдовательно, они устраивали ящики деревянные, что видно изъ слова „наполняли“. Эта работа покажется очень значительною, если возьмемъ во вниманіе ширину и глубину устья Двины. Работа была доведена до конца, какъ видно изъ окончанія разсказа Генриха Л. (XIX, 2). Чтобы море въ бурю не разбило челны въ дребезги, „нѣмцы вытащили и уничтожили ихъ, и этимъ дали свободный путь всѣмъ, кто хотѣлъ въѣхать въ Двину“. Совершенно такимъ же образомъ заперли эзельцы въ томъ же году нѣмцевъ въ „новой гавани“ на Эзелѣ (объ этой гавани смотри въ прибавленіи).

Это имъ удалось такъ хорошо, что корабли нѣмцевъ, о которыхъ морякъ Альбертъ Слукъ у Г. Латыша (XIX, 5) говорить, что они „не нагружены были, но свободны и имъ было достаточно незначительной глубины“, съ большимъ трудомъ и опасностью были вытянуты въ открытое море на канатахъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Указатель мѣстныхъ названій, находящихся въ извѣстїи отъ 13 мая 1254 года.

(Ширръ: 25 матеріаловъ къ исторїи Лифляндіи въ XIII столѣтіи. Дерптъ. 1866 г. № 18).

Такъ какъ мы въ этой работѣ часто бывали вынуждены ссылаться на мѣстныя названія, приведенныя въ этомъ „Извѣстїи“, то считаемъ весьма умѣстнымъ дать понятіе объ остальныхъ мѣстностяхъ, тѣмъ болѣе, что не каждому, вѣроятно, извѣстны отдѣльныя мѣстности.

1) Villa Cirpa. Это — лежащая при замкѣ Леаль деревня Cirpa; здѣсь же находится имѣніе того же названія.

2) Insula Saast. Теперь это уже полуостровъ и называется Sastama. Русвурмъ въ „Eibofolke“ § 81 говорить: Sastama, Sasten, Sasthnaöb, Sastnamah, Saesen должно быть получила свое названіе отъ слова „saastane-ma“ (нечистая страна), по причинѣ илистой, часто затопляемой почвы острова. Въ 1589 году Sasten островъ состоялъ изъ 5 хаковъ. И теперь Састама при высокой водѣ дѣлается островомъ.

3) Solavenn (или по двумъ спискамъ извѣстія вѣрнѣе Solawen). Это Soela Sund или эстонское Soelawein. Извѣстіе подразумѣваетъ подъ словомъ Solavenn морской берегъ (littus), получившій, очевидно, свое имя отъ омывающей его воды.

4) Duo rivi et stagnum hominum de Karyes. Это „stagnum“ = Ridama-jerw. „Rivi“ = Carjamoisa-jöggi и Terre-soo. Первая протекаетъ мимо Карриса и впадаетъ въ море у Феккерортъ. Прежде она была воднѣе, такъ какъ сѣвернѣе Карриса приводила въ движеніе одну (или болѣе?) водяную мельницу, гдѣ и теперь еще живетъ родъ Вески; тотъ же ручей называется tuulinga-jöggi. Terre-soo — ручей, протекающій черезъ Ridama-jerw.

5) Stagnum hominum de Poide. Подъ этимъ нужно подразумѣвать

Койдскія озера въ Пейде. Ихъ три, называемыя эстами такъ: suur jergw (большое озеро), pik jergw (длинное озеро) и must-jergw (черное озеро).

6) Magnus lapis (большой камень) — большое каменное возвышеніе у Састамы, попросту въ скандинавскихъ сагахъ называемое „камень“ (такъ король Ингваръ по Инглинской сагѣ (37) былъ разбитъ „при камнѣ“) и такъ описываемое Русвурмомъ (Eibofolke § 81):

„Недалеко отъ Састамы лежитъ холмъ, окруженный низменнымъ, иногда затопляемымъ лугомъ; онъ возвышается надъ уровнемъ моря на 20 ф. и господствуетъ надъ массой правильно нагроможденныхъ огромныхъ камней 12—15 футами. Внизу эта каменная масса длиною въ 50 ф., шириною 30 ф. и къ востоку заостряется. Камни отъ давности покрыты мхомъ и между ними растутъ столѣтніе дубы, тогда какъ окрестность безлѣсна. Эстонскіе крестьяне, передъ чумой, отъ которой вымерло шведское населеніе, выселившіеся, называютъ гору Rõgimaeggі (грязная гора), можетъ быть потому, что считаютъ ее языческой святыней, или отъ rõggo и maeggі (адская гора). Этотъ холмъ иными считается памятникомъ, воздвигнутымъ для короля Ингвара въ Адальзисселѣ при камнѣ (Kiwiderä, каменная голова).

7) Portus Sottesatkema (болѣе вѣрно Sottesattema). Въ Извѣстіи сказано, что при этой гавани находится „большой камень“. Это, слѣдовательно, долженъ быть „Einwiek“ (Мацальскій Викъ). Название эстонскаго происхожденія и означаетъ собственно „sõdda-saddam“ (высокая гавань). Лучшей гавани эзельцы не могли выбрать. Она глубоко врѣзывается въ страну, имѣетъ соразмѣрно узкій проходъ и лежитъ очень удобно между эстами острововъ и эстонскимъ берегомъ. Въ то же время она очень хорошо скрыта отъ послѣдняго грунною острововъ, такъ что было бы очень смѣлымъ поступкомъ проникнуть туда съ непріязненнымъ флотомъ, между тѣмъ какъ эзельцы очень удобно дѣлали отсюда набѣги къ югу противъ рижанъ и къ сѣверу противъ шведовъ и датчанъ.

8) Portus Sarwo. Его надо искать на Дагенѣ. Юговосточный полуостровъ Дагена имѣетъ на южномъ концѣ бухту, на внутренней сторонѣ которой лежитъ большая деревня Сарве, которая дала имя гавани. Подъ „finis portus Sarwo“ „Извѣстіе“ подразумѣваетъ Сарве — предгорье, Sarwepenna (восточный громъ этого полуострова). Здѣсь прежде была якорная

стоянка, теперь это мѣсто обмелѣло. Старожилы еще видѣли большой корабль на якорѣ передъ деревней. Поэтому въ Извѣстіи это мѣсто также названо „portus“. Сарвъ по эстонски означаетъ — рогъ.

9) Ogriwosko (вѣрнѣе Oguosk) — это островъ Кассаръ съ имѣніемъ Ogriak на южномъ берегу Дагена. На этомъ островѣ находится также Ogriake-Säär. Въ XIII столѣтіи Кассаръ не существовалъ ни подъ этимъ именемъ, ни въ теперешнемъ видѣ.

10) Ronku (по другому списку Ranku). Это маленькій островъ почти возлѣ Ogriwosko, называемый теперь Roicks и на меллинской картѣ Reik. Эти названія, такъ несхоже звучащія, все таки означаютъ одинъ и тотъ же маленькій островъ. Мы позаимствуемъ изъ мемуаровъ Руевурма (§ 108) то, что онъ сообщаетъ о Дагенскомъ приходѣ Roicks, при чисто этимологическомъ разборѣ даннаго случая. Онъ говоритъ: Rowkell, Röske, Rokie, Roskeby, Reekz, Raika, Rökis, и т. д. получили свое названіе очевидно отъ исландскаго слова геукр, англосаксонскаго гёс, шведскаго гёск — дымъ, соотвѣтственно произносимое на Даго, Руно, Рого и Нуко гаіск (en) и только на Вормсѣ гёск и преимущественно въ Исландіи давшее имя столькимъ мѣстностямъ. Первый изъ какого нибудь мѣста поднимавшійся или съ моря видный дымъ, первый очагъ въ новозавоеванной области были удобнымъ предлогомъ для названія обитаемаго мѣста. Имя Reika, которое носитъ одно семейство въ Кертеллѣ, произошло, конечно, отъ имени Roicks, произносимое шведами какъ Райке“. Все, что въ этомъ разсужденіи говорится о приходѣ Roicks, можно перенести на островъ Roicks.

11) Portus novus qui dicitur pilaiasari (вѣрнѣе Pylayasary) — лежитъ почти на югѣ Дагена, западнѣе гавани Сарво и получила свое имя отъ лежащаго передъ нею острова Pihlasaar (ежевика острова). Это маленькій островъ, на которомъ росли три куста ежевики. Папстъ говоритъ на стр. 206 своего перевода Генриха Латыша, что эту гавань, можетъ быть, надо искать въ приходѣ Roicks (эстонское Rihla). Но этому противорѣчатъ слова: „Insulae vero aliae circumiacentes“ (другіе вокругъ лежащія острова) въ Извѣстіи. Эти острова должны лежать на югѣ отъ Дагена, также какъ Ogriwosko и Ronku; подъ ними слѣдуетъ подразумѣвать Saaguack, Hannikats и др.

Примѣчаніе къ пункту 11-му.

Если „Извѣстіе“ называетъ эту гавань новою, то прежде всего является вопросъ: почему прилежащая гавань Sarwo и гавань Sottesattema не названы также новыми? Можетъ быть гавань Pihlasaag построена между 1227 и 1254 г., когда двѣ другія уже были извѣстны нѣмцамъ? На это нельзя дать отвѣта. Поэтому весьма удобно перевести „новая гавань“.

Можетъ быть они уже раньше окрестностей узнали объ этой гавани, даже раньше того времени, когда они уже владѣли Дагеномъ, такъ что слова „новая гавань“ послужили названіемъ этой мѣстности. Эстонское же названіе пришло къ ней позднѣе. Гендрихъ Л. называетъ (XIX, 5) гавань на Эзелѣ (въ области острова) также portus novus. Здѣсь переводъ „новая гавань“ вѣренъ. Когда рижане были разбиты въ этой гавани, они врядъ ли искали бы добровольно убѣжища въ этихъ гаваняхъ, тѣмъ болѣе, что нѣмцы боялись покѣрнуть эти острова. Если рулевой Альбертъ Слукъ, по видимому, знаетъ эту гавань, то ему вовсе не было надобности быть въ гавани, онъ могъ названіе это узнать у себя. До 1227 года нѣмцы знали только эту новую, именно Церельскую гавань, такъ какъ въ ихъ путешествіяхъ дорога шла мимо нея; уже поэтому Генрихъ Латышь подъ Церельскою гаванью не подразумѣваетъ portus novus. Относительно рѣки Зальмы Папсъ представляетъ намъ (1854 г. № 23) весьма важныя разъясненія. Гавань же, въ которой христіане въ 1215 г. должны были перенести столько бѣдствій, никогда не исчезнетъ изъ ихъ памяти и, говоря о ней, они, не зная другаго названія, должны были сказать „гавань въ Эзелѣ“ или, въ противоположность знакомой имъ прежде Церельской гавани, „новая гавань въ Эзелѣ“. Но если это такъ, то „portus novus“ лѣтописца тождественъ съ названіемъ „Извѣстія“; ибо немислимо, чтобы нѣмцы для двухъ различныхъ гаваней употребляли одно и тоже выраженіе. Что лѣтописецъ говоритъ въ отдѣльности относительно событій въ этой гавани, вполне соответствуетъ мѣстности (см. мелинскую карту Эзеля). Если пилигримы при попутномъ вѣтрѣ пріѣхали изъ Риги приблизительно до Руно, то легко могли быть унесены бурей, свирѣпствовавшей эту ночь и слѣдующій день, черезъ большой Зундъ къ Дагену, и не легко понять, какимъ образомъ южный вѣтеръ

могъ ихъ отнести отсюда въ Готландъ. Развѣ если буря шла съ юго-востока? Не смотря на это затрудненіе, мы подѣ „новой гаванью“ Г. Л. будемъ подразумѣвать пока „Pihlasaar“.

XIII. Исторія и описаніе замка съ крѣпостью и происхожденія города Аренсбурга.

Изъ памятниковъ глубокой старины Аренсбургъ сохранилъ лишь епископскій замокъ, какъ лучшее свое украшеніе и наглядный остатокъ своего прежняго величія въ эпоху рыцарскихъ временъ. Теперь въ замкѣ только гнѣздятся птицы и живутъ мыши, бесплатно пользуясь сохраняющимся въ замковыхъ комнатахъ хлѣбомъ эзельскаго земельного крестьянскаго банка. Но некогда было совсѣмъ иное: въ замкѣ была резиденція епископовъ (1341 — 1560), рыцарей и намѣстниковъ королей Даніи и Швеціи (1560 — 1710), городская тюрьма для осужденныхъ и тайное судилище (Vehmgerichte).

Убѣдившись, что, для распространенія и учрежденія владычества церкви, одной духовной власти недостаточно, епископы стали искать власти свѣтской, которая бы оставалась въ зависимости отъ церкви; они нашли ее въ учрежденномъ ими съ 1202 г. рыцарскомъ орднѣ меченосцевъ. Между тѣмъ начались несогласія духовной власти съ свѣтской — епископа съ орденомъ. Первая причина несогласія заключалась въ раздѣлахъ земель, треть или извѣстная часть которыхъ на Эзелѣ была отдана ордену; понятно, что при этомъ раздоры были неизбѣжны, особенно, когда меченосцы соединились съ тевтонскимъ орденомъ (1237 г.), отношенія котораго къ мѣстнымъ епископамъ были совершенно независимы. Съ другой стороны внутреннее состояніе Эзеля, какъ и всей Лифляндіи, въ ту эпоху было такое же, какъ и во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ господствовало феодальное право. Дворяне и духовенство владѣли землею и были полными властителями надъ крестьянами, которые не имѣли правъ и переносили всѣ тягости рабства. Бѣдственное положеніе ихъ произвело наконецъ въ 1340 — 41 г. возстаніе: населеніе острова Эзеля взялось за оружіе, и такимъ образомъ возгорѣлась крестьянская война.

Эзельскій епископъ Германъ Оснабрюгге, чтобы съ одной стороны успѣшнѣе было враждовать съ гордымъ тевтонскимъ орденомъ, съ другой стороны, чтобы утвердить свою власть на Эзелѣ, округлять владѣнія и подавлять крестьянское возстаніе, руками эзельцевъ въ 1341 году построилъ замокъ и назвалъ его въ честь магистра графа Аренсбурга, одного изъ участниковъ и виновниковъ завоеванія Эзеля. Нѣкоторые полагаютъ, что замокъ основанъ ливонскимъ магистромъ Эбергардомъ фонъ-Монгеймъ въ 1336—1338 году, но это невѣрно. Достоверно то, что 1) эзельцы еще въ XII вѣкѣ на мѣстѣ настоящаго замка имѣли свое укрѣпленіе *kurgesaage* или *saemalin*, какимъ именемъ зовутъ они и настоящій городъ, 2) что еще въ 1221 г. король датскій Вольдемаръ II построилъ деревянный замокъ, имъ же сожженный въ 1227 году.

Около замка, подъ его защитою, стали селиться рыбаки, открылись особня слободы или посады, и такимъ образомъ положили основаніе будущему городу. Черезъ 200 слишкомъ лѣтъ послѣ основанія замка явился и городъ Аренсбургъ. Историческимъ началомъ его должно считать 1563 г., тотъ годъ, когда при началѣ распаденія орденско-епископской организаціи, послѣдній епископъ эзельскій и датскій герцогъ Магнусъ даровалъ городское „*рижское право*“ всѣмъ жителямъ, поселившимся около замка, и основалъ первое училище. Подписанный имъ актъ о городскихъ правахъ не сгорѣлъ въ большой пожаръ 1575 г. въ Аренсбургѣ, доселѣ хранится въ городскомъ архивѣ и составляетъ основаніе настоящихъ городскихъ учреждений Аренсбурга.

Судьба замка связана съ исторіей Эзеля, переходившаго изъ рукъ въ руки: до 1561 г. владѣли имъ вмѣстѣ съ Галсалемъ 30 епископовъ, не считая Магнуса, датскаго герцога, хорошо извѣстнаго въ исторіи Ливоніи. Съ 1561 по 1645 г. островъ Эзель съ г. Аренсбургомъ находился во владѣніи датчанъ; затѣмъ по Бразембурскому миру онъ поступилъ въ составъ шведскихъ владѣній и оставался такъ до присоединенія его къ Россіи. Послѣ взятія Чернова и капитуляціи Риги, гарнизонъ аренсбургскаго замка сдался безъ сопротивленія русскимъ въ 1710 г.; окончательное же присоединеніе Эзеля къ Россіи состоялось только въ 1721 г. по Нисштадтскому трактату. Теперь Аренсбургъ уѣздный городъ эзельскаго округа въ лифляндской губерніи.

Замокъ стоитъ внутри крѣпости, расположенной между гаванью и югозападной оконечностью города. Крѣпость стоитъ выше, чѣмъ городъ, дорога къ ней поднимается и проходитъ по земляной насыпи сѣвернаго глаза, чрезъ мостъ надъ рвомъ, подъ ворота съ длинными сводами, и ведетъ мимо казармъ въ самый замокъ. Замокъ этотъ еще гораздо выше крѣпости, и до сей поры твердо, неприкосновенно и мрачно смотритъ своими уцѣлѣвшими каменными стѣнами на городъ и на море, и видѣнъ издали на очень большое разстояніе. Аренбургъ стоитъ на плоскомъ мѣстѣ, такъ что крѣпость и замокъ—единственная въ городѣ возвышенность—мѣшаютъ видѣть море и дышать тѣмъ свѣжимъ, питательнымъ морскимъ воздухомъ, который невидимыми волнами такъ васъ и обдаетъ, когда, обойдя крѣпость кругомъ, вы усядетесь на морскомъ берегу. Въ прибалтійскомъ краѣ во времена Ливонскаго ордена и рыцарства устроено было болѣе 20 замковъ. Изъ нихъ одни исчезли, а другіе, напримѣръ, въ Венденѣ, Галсалѣ, Вольмарѣ, Лемзалѣ и др. сохранились донныѣ въ развалинахъ.

Замокъ Аренбургскій переходилъ изъ рукъ въ руки шведовъ, датчанъ, русскихъ, но не выдерживалъ разрушительныхъ осадъ, какъ другіе замки, напримѣръ въ Венденѣ, Галсалѣ, и оттого сохранился. Онъ мраченъ, высокъ, обширенъ, но стоитъ твердо и непоколебимо. Снаружи вообще превосходно устоялъ противъ времени и непогодъ. Но чего не сдѣлала рука времени, сдѣлала человѣческія руки. Восточная башня прежде имѣла видъ конуса и кончалась шпигельмъ; стѣны замка и западной башни были зубчатыя и украшались карнизомъ. По наружнымъ окнамъ замокъ представлялся трехъ-этажнымъ зданіемъ, съ балконами, навѣсами. Послѣ пожара въ 1801 г. зубчатыя стѣны сравнены и одѣты крышей на башняхъ деревянной а на замкѣ черепичной; кой гдѣ оставлены карнизы; наружныя окна и балконы почти все грубо замурованы или передѣланы. На западной и восточной сторонѣ во второмъ этажѣ видны слѣды балконовъ и навѣсовъ съ массивными украшеніями по бокамъ (на западной). Окна наружныя въ замкѣ почти все задѣланы. За то пробиты двѣ двери въ подвалы для болѣе удобной нагрузки сюда оптовыхъ товаровъ, напримѣръ Аренбургскимъ виноторговцемъ Данске.

Замокъ не представляетъ собой что нибудь въ родѣ фантастическихъ зданій, описанныхъ Вальтеръ-Скоттомъ и г-ею Радклифъ; онъ ни болѣе

ни менѣе какъ массивное, четырехъ-угольное, мрачное зданіе въ 400 кв. саж., готическаго стиля, съ гладкими почернѣвшими отъ времени стѣнами; по сторонамъ сѣверовосточнаго фаса укрѣпленъ двумя высокими башнями. Плотничная деревянная работа была въ немъ развѣ только на чердакахъ. Онъ весь выстроенъ изъ квадратныхъ тесаныхъ гранитныхъ плитъ. Глядя на массивныя и толстыя каменныя стѣны мрачнаго зданія, и теперь удивляешься крѣпости постройки. Особенно бросаются въ глаза крѣпкія, неприкосновенныя и снаружи хорошо уцѣлѣвшія стѣны башень, на укрѣпленіе которыхъ, какъ видно, архитекторы обратили особенное вниманіе. Одна башня широкая съ западной стороны, другая, съ восточной, сравнительно уже и нѣсколько выше. Въ нихъ уцѣлѣли узенькія прорѣзанныя окна въ видѣ подвальныхъ отдушинъ.

Единственныя большія ворота замка имѣютъ видъ готической арки. Надъ ними прежде были двѣ навѣсныя стрѣльницы, или мѣста сверху крытыя, а снизу имѣющія отверстія, чрезъ которыя защитники замка могли лить горячія вещества, бросать тяжести на осаждавшихъ и въ случаѣ нужды дѣлать вылазки на непріятелей. По бокамъ воротъ доселѣ уцѣлѣли отъ стрѣльницъ двѣ колонны. Надъ аркой надворотной красуется гербъ замка, вытесанный изъ камня въ позднѣйшее время. Онъ состоитъ изъ щита, вверху котораго шлемъ съ развѣвающимися двумя лентами; на шлемѣ стоитъ готовый летѣть журавль; надъ головой журавля висятъ двѣ перекрещенныя вѣтки, по всей вѣроятности, ясени.

На щитѣ вырѣзаны буквы: D. W. G. B. E., девизъ 8-го стиха 40-й главы пророка Исаи: Das Wort Gottes Bleibet Ewiglich („слово Божіе да будетъ вѣчно“). Это изреченіе было любимымъ у Фридриха Мудраго, курфюрста Саксонскаго и вѣроятно было написано въ іерархію эзельскаго епископа Кивеля, который съ этимъ девизомъ былъ усерднымъ почитателемъ Лютера. При немъ же на двухъ синихъ лентахъ около герба положена золотыми буквами надпись: „Glow der Ritterscopp de Wiek und up Oesell“ (вѣрь рыцарству Эзеля и Вика. Это значило: слово Божіе вѣчно; вѣра и вѣрность, дочери Неба, никогда не удаляйтесь изъ дорогаго нашего отечества (Эзеля и Вика). Настоящій гербъ замковый (щитъ, шлемъ съ двумя лентами, на шлемѣ журавль съ двумя вѣтками надъ его головой), высѣченный изъ известковой сѣрой плиты, возобновленъ неточно и невѣрно.

На древнемъ оригинальномъ гербѣ вмѣсто щита было высѣчено неправильной формы косое, синее поле, представлявшее очертаніе — планъ Эзеля, который дѣйствительно изображаетъ собой фигуру, похожую на поле герба. Завитокъ съ правой стороны представлялъ собой Арнебургъ, расположенный къ югу; крутые надрѣзы съ лѣвой стороны напротивъ завитка изображаютъ очертанія высокаго, скалистаго, сѣвернаго берега острова. На шлемѣ съ опущеннымъ внизъ забраломъ (личникомъ), отъ котораго въ обѣ стороны висятъ два коричневыхъ лошадиныхъ хвоста, стоитъ сѣрый журавль съ распушенными крыльями и надъ головой его двѣ перекрещенныя зеленыя вѣтки ясени. Первое населеніе вѣроятно перешло сюда изъ Курляндіи, на что указываетъ и народное названіе острова Кугге-сааг, позже передѣланное въ Кугге-сааг (журавлиный островъ), и подавшее поводъ къ составленію герба съ изображеніемъ этой птицы, который встрѣчается на монетахъ герцога Магнуса, на двери Ратуши 1670 г. и доселѣ употребляется здѣшнимъ ландгерихтомъ. Островъ Эзелемъ называемъ теперь мы да нѣмцы, а туземные жители — простой народъ — величаютъ его Кугге-сааг или Saagemaaip. На Эзелѣ особенно много растетъ большой и красивой ясени, и народная любовь къ ней, какъ извѣстно, доходила до того, что по этому дереву назывались мѣстности и давались фамиліи. Такой простой гербъ былъ вѣроятно въ XIV в. Голубая лента съ надписью золотыми эстляндскими буквами и голубое поле съ золотыми нѣмецкими буквами прибавлены въ XVI ст. епископомъ Кивелемъ. Такимъ образомъ гербъ представляетъ самый островъ, объясняетъ его названіе на эстляндскомъ языкѣ и содержитъ вѣроисповѣданіе его жителей на нѣмецкомъ, представляя этимъ два господствующіе языка. Лошадиные хвосты и опущенное забрало (личникъ) означаютъ побѣду вѣры надъ храбростью.

Теперь мы у входа въ самый замокъ, и съ любопытствомъ желаемъ осмотрѣть внутренній нарядъ хоромъ, крестовыя комнаты съ молебнымъ иконостасомъ, стѣнную живопись, меблировку — столы, скамьи, стулья, картины, эстампы, паникадила, органы, фигурную рѣзьбу, устройство оконъ и оконницъ, оконный и дверной приборы, печи, комнатный нарядъ, тронъ — каеэдру епископа, подземелья, тюрьму и проч. Устройство и внутреннее расположеніе епископскаго жилища весьма любопытны: они живо могли бы характеризовать намъ время и его обывателей. Замокъ, конечно, богатъ

былъ нѣкогда своими уставами, положеніями, формами, своею чинностью, чтивостью, угодливостью, корыстолюбіемъ, интригами, этикетомъ. Епископы были не святые люди; безнравственность и роскошь католическаго духовенства въ 14—15 в. достигли, какъ извѣстно, высшей степени. Если уже у современныхъ русскихъ архіереевъ по сочиненіямъ Лѣскова есть въ жизни „мелочи“, то что нѣкогда продѣлывали владѣтельные князья-епископы въ твердыхъ стѣнахъ своего замка? Соединяя съ духовной властью и свѣтскую, они слишкомъ были заняты заботами объ удержаніи послѣдней, не имѣли возможности предаваться исключительно духовнымъ своимъ обязанностямъ. Интересно было бы посмотрѣть, какъ епископы здѣсь въ крѣпкихъ стѣнахъ вели споръ съ гордымъ тевтонскимъ орденомъ, какъ они держали себя съ народомъ, съ рыцарями, знатными и малочинными людьми, съ канониками; кто могъ входить въ хоромы епископскіе, какія отдѣленія были недоступны для всѣхъ, гдѣ были потаенныя двери, какъ охранялись замокъ, честь и покой епископства, въ какой комнатѣ давались торжественныя аудіенціи, въ какихъ мѣстахъ стояли почетные караулы, гдѣ раздавались ночью тихія рѣчи засѣданій тайнаго судилища, гдѣ самъ епископъ давалъ судъ и расправу, слушаль челобитныя, доклады и вообще занимался текущими дѣлами, въ какихъ покояхъ раздавалось подь органъ стройное пѣніе католиковъ, гдѣ былъ склепъ епископскій, гдѣ стояли инквизиціонныя орудія разныхъ пытокъ? Здѣсь возвеличилось и измельчало, отжило свое время епископство, навѣки забыло о своемъ прежнемъ княжескомъ величіи. Здѣсь типъ средневѣковаго епископа-князя, переходя въ своемъ развитіи изъ фазы въ фазу, къ концу дороги вовсе разложился, угасъ, оставивъ по себѣ одно имя, какъ археологическую рѣдкость. Съ 1227—1560 г., въ теченіи 333 годовъ, Эзелемъ и Гапсалемъ правили 30 епископовъ: 1) Готфридъ (1226—1228), 2) Генрихъ (1228—1241), 3) Германъ Буксегвденъ (1241—1251), 4) Генрихъ (1252—1256), 5) Германъ Буксегвденъ (1271—1277), 6) Генрихъ (1293—1294), 7) Яковъ (1294—1298), 8) Конрадъ (1298—1308), 9) Маркусъ (1308—1310), 10) Гартвигъ (1310—1320), 11) Яковъ (1324—1337), 12) Германъ Оснабрюгскій (1338—), 13) Конрадъ (до 1380), 14) Генрихъ (1381), 15) Винрихъ Книперодъ (1381—1408), 16) Каспаръ Шенфельдъ (1408—1422), 17) Христіанъ Кубандъ (1424—1430), 18) Іоаннъ Шютте (1434—

1438), 19) Лудольфъ (1446—1457), 20) Иоаннъ Крауель (1446—1460), 21) Иодукусъ Хегерштейнъ (1448—1461), 22) Иоаннъ Ватеканскій (1461), 23) Петръ Веддбергъ (1472—1481), 24), Петръ Оргисъ (1499—1515), 25) Иоаннъ Кивель (1516—1527), 26), Георгъ Тизенгаузенъ (1528—1536), 27) Вильгельмъ маркграфъ фонъ-Бранденбургскій (1532), Ренгольдъ Буксгевденъ (1530—1539), 29) Иоаннъ Мюнхгаузенъ (1539—1559) и 30) Георгъ Магнусъ (1560). Послѣдній духовный владѣтель Эзеля и Гапсала Магнусъ въ 1560 г., во время разгрома Ливоніи Иоанномъ Грознымъ, бѣжалъ изъ Гапсала на островъ Эзель, и привезъ съ собою въ Арнебургскій замокъ архивъ и всю церковную собственность. Изъ нихъ одинъ Генрихъ (1381 г.) былъ въ замкѣ же задушенъ будто бы каноникомъ Бальне. Хроникеръ Кранцъ увѣряетъ, что изъ 30 епископовъ только одинъ такъ печально скончался, но при враждебныхъ отношеніяхъ къ каждому ордену возможны были и другія подобныя жертвы.

Замокъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ ихъ подвиговъ, торжествъ и бѣдствій. Сколько важныхъ, историческихъ событій, сколько драматическихъ сценъ происходило въ немъ? Изъ этихъ послѣднихъ неизгладимой останется, конечно, та, въ которой положенъ конецъ существованію эзельскихъ епископовъ, когда (1560 г.) исторія Эзеля потеряла свой самостоятельный характеръ и слилась съ исторіей сосѣднихъ государствъ. Въ XVI столѣтіи вмѣстѣ съ реформаціей, перебравшейся на Эзель, замокъ отрекся отъ католичества, отъ своихъ коренныхъ вѣрованій въ пользу Лютера. Все, что творилось въ этомъ замкѣ во время оно, мы можемъ узнать только по историческимъ документамъ, въ средневѣковой исторіи, въ одной изъ повѣстей Марлинскаго, а въ самомъ замкѣ мы увидимъ только пустыя черныя комнаты, грубо выштукатуренныя, корридоры, окна, темныя переходы, лѣстницы. Внутренность замка не сохранила признаковъ прежняго величія и только отчасти можетъ характеризовать время и ея обывателей. Путешествіе по замку, его подземельямъ и темнымъ переходамъ невольно переносятъ васъ въ средневѣковой, желѣзный и тяжелый вѣкъ. Средневѣковая исторія всегда на школьной скамьѣ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, была мнѣ противна, скучна и ненавистна. Меня почти съ дѣтства донельзя оскорбляло все, что творилось чудовищнаго во имя кроткой христіанской религіи, и эти впечатлѣнія оставили на всю мою жизнь страшное нерасположеніе къ средневѣко-

вымъ памятникамъ, на которые я смотрю съ робостью и замираніемъ. Замокъ пустой, а мнѣ такъ и кажется, что въ его темнымъ переходахъ и темницахъ еще носится духъ страшной тираніи и ложнаго христіанства, духъ рыцарства и іезуитства, духъ матеріальной силы и угнетенія народовъ. Не будь во мнѣ археологической страстишки, я можетъ быть остался бы у входа въ этотъ противный мнѣ замокъ, и не заглянулъ бы въ его внутренность, гдѣ рисуются мрачныя картины людской слабости, самовластія, эгоизма, гдѣ на каждомъ шагѣ представляется узникъ, пострадавшій за вѣру.

Войдя подъ своды воротъ, гдѣ въ боковыхъ каменныхъ столбахъ видны пазы, въ которыхъ двигалась подъемная желѣзная дверь, вступаемъ въ первый дворикъ и въ другія узкія боковыя ворота, надъ сводомъ которыхъ видны окна, слѣды балконовъ, навѣсовъ, трубъ и вездѣ почернѣвшія стѣны, кой гдѣ украшенныя въ трещинахъ свѣжей зеленью рослыхъ рябинъ и кустарниковъ. Здѣсь между воротами и слѣдующей за ними аркой, говорить, были апартаменты епископа. Два ряда оконъ, хорошо сохранившихся, свидѣтельствуютъ, что каѳедра епископа была въ двухъ этажахъ. Наравнѣ съ этими окнами въ стѣнахъ нѣсколько дверей, ведущихъ во внутренность замка. Внизу, около арки, дверь въ корридоръ втораго этажа; чрезъ нее же обитатели замка имѣли сообщеніе съ дворомъ. Арка съ 4 окнами, выходящими на внутренній дворъ, представляетъ очень живописныя развалины; на нее опиралась крыша епископской палаты, слѣдомъ которой остался громадный рубецъ на башнѣ. Отсюда входъ во внутренній дворъ, на который со всѣхъ сторонъ обращенъ рядъ оконъ. Бродя по угламъ четырехъ-угольнаго двора, то попадаешь въ сырой, мрачный, обвалившійся погребъ, то въ квартиру сторожа крѣпостнаго и устроенныя имъ отхожее мѣсто и стойла для коровъ, то въ заваленный колодезь. Въ подземельѣ подъ замкомъ устроены обширный подземный ходъ, подобный тѣмъ, какіе устроены іезуитами въ Полоцкѣ. Онъ проложенъ подъ основаніемъ замка и города Аренсбурга будто бы на 12 верстѣ до Кармелитскаго монастыря, гдѣ владѣльцы замка имѣли загородный домъ. Внутри этихъ подземельевъ, сверху заштукатуренныхъ, а снизу и боковъ выложенныхъ гранитомъ, находятся въ стѣнахъ подѣланныя ниши. Я спускался въ такое подземелье, но сырость и зловоніе были столь сильны, что я скоро по необходимости выско-чилъ назадъ точно изъ помойной ямы. Первый подземный этажъ замка

углубляется въ землю аршина на 3. Встарину въ эти подземелья вели 11 дверей, которыя теперь почти всѣ заложены. Въ обширныхъ комнатахъ здѣсь множество обломковъ и камней; къ чему онѣ служили, теперь уже и угадать трудно. Всѣ комнаты съ высокими сводами соединены между собою переходами и арками. На южной сторонѣ подъ церковью эти комнаты особенно обширны и украшены колоннами и арками. Не здѣсь-ли нѣкогда раздавались тихія рѣчи засѣданій тайнаго судилища? Не тутъ ли былъ склепъ или усыпальница епископовъ? Теперь эти подземелья отдаются торговцамъ подъ склады вина, картофеля, черепицы и др., и такимъ образомъ составляютъ для дворянства доходную статью, которая идетъ на поддержку замка и на содержаніе сторожа.

На внутреннемъ дворѣ для входа во второй этажъ устроена каменная лѣстница 13 лѣтъ тому назадъ, когда замковая церковь или капелла преобразована была въ кирку для эстонцевъ протестантскаго вѣроисповѣданія. Лѣстница новая настолько широка и отлога, что заняла почти половину небольшого внутренняго четырехъ-угольнаго двора. Съ нея двѣ двери ведутъ въ крестовый съ стрѣльчатымъ готическимъ сводомъ корридоръ, ведущій по второму этажу въ видѣ широкой буквы П. Красивый стрѣльчатый сводъ сохранился только въ двухъ его поворотахъ, въ третьемъ на лѣвой сторонѣ онъ провалился и видны только голыя балки. Корридоръ вообще узокъ; какъ видно, прежде былъ выложенъ плитами, но теперь онѣ почти всѣ зачѣмъ-то сняты и замѣнены кирпичемъ. Корридорныя готическія окна снизу узки, потомъ расширяются въ видѣ амбразуры; къ нѣкоторымъ изъ нихъ ведутъ двѣ три ступени. Въ нѣкоторыхъ окнахъ уцѣлѣли узорчатые каменные косяки, на одномъ сохранилась верхняя часть узоровъ, высѣченныхъ изъ камня и замѣнявшихъ нынѣшнія рамы. Такихъ оконъ въ корридорѣ и въ замкѣ было много, но, къ сожалѣнію, онѣ задѣланы деревомъ или замурованы, что придаетъ всему зданію какой-то мрачный видъ. И двѣ двери въ корридоръ выбиты и устроены на мѣстѣ двухъ готическихъ оконъ. Въ корридорѣ теперь 7 оконъ.

Въ среднемъ корридорѣ, противъ наружныхъ входныхъ въ него двухъ дверей, вы видите каменную цистерну и красивый входъ въ капеллу въ видѣ готической арки. Для цистерны устроена въ стѣнѣ ниша; средину ея занимаетъ выдающаяся впередъ каменная плита съ крестообразнымъ отвер-

стіемъ по срединѣ и впадиной для св. воды. Мой первый чичероне крѣпостной сторожъ увѣрялъ меня, что это не купель или водохранилище, а эшафотъ, и въ доказательство указывалъ большіе и глубокіе рубцы на краяхъ плиты, нанесенные тяжелымъ рѣзущимъ оружіемъ. Сторожу эстонцу, должно быть, противенъ и ненавистенъ оберегаемый имъ замокъ, и потому онъ вездѣ готовъ вамъ указать плаху или мѣсто, гдѣ нашли будто-бы орудія инквизиціи, только довѣрчиво послушайте его, что было здѣсь!

Церковь въ срединѣ замка занимаетъ большую залу. Четыре грубой работы и формы каменные колонны поддерживаютъ потолокъ съ готическимъ сводомъ, спускающимся на боковыя стѣны въ видѣ тяжелыхъ массивныхъ украшеній. Алтарь отдѣляется двумя арками и колоннами. Около него уцѣлѣли двѣ ниши въ стѣнѣ, съ выдающимися украшениями; одна изъ нихъ вела прежде въ рефекторіумъ — трапезу канониковъ. На правой сторонѣ церкви деревянная кафедра для проповѣди. На стѣнахъ высѣчены кресты, какъ символъ христіанства. Алтарь освѣщается двумя большими готическими окнами, остальная часть церкви — 7-ю широкими обыкновенными окнами, устроенными 13 лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ первобытныхъ готическихъ. Мнѣ говорили, что эта незначительная передѣлка потребовала ужасно много средствъ. На что это? Можетъ быть въ Арнебургѣ дороги разноцвѣтныя стекла, которыя не ксати поставлены въ новыхъ рамахъ? Но уцѣлѣла ли въ замкѣ епископская монастырская крѣпостная церковь? Нѣтъ, уцѣлѣли ея стѣны, уцѣлѣло рукотворенное, а вѣроисповѣданіе измѣнилось. Въ началѣ XVI столѣтія, вмѣстѣ съ реформаціей, перебравшейся на Эзель, и католическій монастырь здѣсь преобразился въ церковь лютеранскую, отрекся отъ своихъ вѣрованій, снялъ съ своего храма всѣ наружныя украшенія — уничтожилъ всѣ статуи святыхъ, да и святыхъ съ ними, оставилъ на память одинъ маленькій звонкій колоколь, который и теперь лежитъ въ нишѣ у алтаря; на немъ нѣтъ, къ сожалѣнію, его біографіи. На лѣвой сторонѣ отъ выхода изъ капеллы, въ концѣ корридора, гдѣ онъ поварачиваетъ направо, вы увидите 1) нѣсколько занумерованныхъ недавно комнатъ, напр. № 3, 2) каменную лѣстницу къ старинной двери на внутренній дворъ, 3) надъ ней въ стѣнѣ лѣстницу и дверь въ епископскіе покои, 4) налѣво отъ нея въ другой стѣнѣ такую же лѣстницу съ замурованною дверью въ западную башню и 5) входъ въ 3-й этажъ. Части этихъ

этажей хорошо сбережены, только онѣ за казенными или частными печатями и не доступны, потому что здѣсь сберегаются хлѣбные запасы крестьянскаго эзельскаго ссудно-земельнаго банка (собственно въ № 3 и сосѣднихъ комнатахъ) и товары (хлѣбъ, ленъ, черепица) постороннихъ торговцевъ. Здѣсь въ 3-мъ этажѣ нѣсколько комнатъ и между ними двѣ громадныя залы, назначенныя, можетъ быть, для рыцарей и воиновъ. Въ одной изъ нихъ послѣ пробита дверь наружу и устроены вертикальный валъ съ намотаннымъ канатомъ, съ помощью котораго крестьяне выгружаютъ и грузятъ хлѣбъ. Изъ этой двери открывается великолѣпный видъ на море. Западная башня имѣла три жилыхъ этажа, которые давно обрушились; за то на стѣнахъ здѣсь вы увидите различныя ниши, арки, различной величины окна, большая часть которыхъ замурованы. Изъ этой башни узенькая лѣстница вела въ подвалы. Теперь этотъ ходъ заложенъ. Изъ верхняго этажа башни чрезъ небольшую угловую дверь былъ выходъ на площадку — мѣсто между башней, крышей и сосѣдней стѣной, какъ разъ надъ воротами замка. Площадка эта длиною болѣе 2 сажень, шириною аршина два, была сторожевымъ пунктомъ, своего рода каланчей. Видъ на море и городъ Аренбургъ съ башни ратуши, съ колоколенъ православной и лютеранской церкви живописенъ, но еще живописнѣе и обширнѣе этотъ видъ съ замковой площадки. Съ площадки можно пройти на чердаки замка. Противъ комнаты № 3, въ противоположномъ концѣ корридора, видны двери въ прежнюю столовую монаховъ (refectoriūm); къ нимъ ведутъ полукруглыя лѣстницы въ нѣсколько ступеней. Полъ здѣсь провалился. Проходя далѣе мимо слѣдующихъ комнатъ на правой и на лѣвой сторонѣ, съ двумя окнами, вы встрѣчаете полутемный подъемъ въ довольно широкой простѣнокъ; земляной полъ замѣтно поднимается; по срединѣ труба, а за ней маленькая лѣстница къ узкому окну наружной стѣны замка. Здѣсь вы увидите заложенный застѣнокъ, гдѣ нашли замурованнаго рыцаря.

Около трубы, противъ замурованной арки, ведущей въ комнату, въ стѣнѣ подъемъ на верхъ. Поднявшись по узенькой лѣстницѣ, вы удобно входите въ небольшой простѣнокъ съ двумя выходами: 1) въ 3-й этажъ замка, 2) въ львиную яму и тюрьму въ восточной инквизиторской башнѣ, вообще хорошо сохранившейся. И въ яму и въ тюрьму я спускался по веревочной лѣстницѣ.

Львиная яма, какъ называютъ теперь здѣсь эту темную галерею въ видѣ печатной лежачей буквы **└┘**, была прежде будто бы запаснымъ артиллерійскимъ магазиномъ. Глубина въ ней $2\frac{1}{2}$ сажени; она завалена землей, щебнемъ, черепицей, булыжникомъ. При раскопкѣ этого облежавшагося мусора аршина на 2, я нашель груды костей различныхъ животныхъ и птицъ. Найденныя кости сложены въ груды и оставлены мной на днѣ ямы до пріѣзда какого нибудь археолога-анатомиста. Здѣсь же я нашель каменный ручной эстонскій жерновъ, и отдалъ въ аренбургскій музей чрезъ г. Гольцмейера. Въ ямѣ есть два въ настоящее время замурованные выхода въ подземелье. Потолокъ ямы провалился. Слѣдами его остались пазы, симметрично расположенные въ стѣнахъ. До послѣднихъ годовъ здѣсь оставались желѣзныя шпалы, подавшія поводъ къ легендѣ, будто осужденные на смерть и брошенные въ яму на съѣденіе хищнымъ лвамъ напередъ уродовались или разбивались объ эти шпалы.

Рядомъ съ львиной ямой за стѣной находится темница; она въ видѣ квадратнаго колодца, выложена изъ тесаныхъ плитъ, глубины $3\frac{1}{2}$ сажени, къ концу расширяется аршина на 2. На полу 3-хъ-угольная плита, запущенная въ стѣну, была сидѣньемъ арестанта. Здѣсь найденъ разломанный деревянный стулъ и кости животныхъ. И дно темницы засыпано мусоромъ аршина на $1\frac{1}{2}$. Арестанта спускали сюда на веревкѣ, и затѣмъ маленькая подъемная дверь затворялась, оставляя его въ совершенной темнотѣ и безъ воздуха въ такомъ пространствѣ, гдѣ онъ могъ только свободно повернуться и лежать скорчившись.

Этотъ замокъ нѣкогда знаменитъ былъ происходившими въ немъ засѣданіями „тайнаго судилища“ (Vehmgerichte), о которыхъ преданіе сохранило безчисленное множество страшныхъ легендъ.

Тайныя судилища (Freigerichte, Vehmgerichte, Heimliche gerichte) явились въ Ливоніи вмѣстѣ съ рыцарствомъ. Учрежденныя во времена грубѣйшихъ насилій и слабости королевской власти, въ періодъ владычества „кулачнаго права“, какъ оплотъ непризнававшихъ ничьей власти бароновъ, тайныя судилища были ужасомъ сильныхъ и предметомъ шопотливыхъ вечернихъ разсказовъ простолюдиновъ. Главное судилище находилось въ Вестфалии, на таинственномъ языкѣ вольныхъ судей (фрейшэффы) называвшейся Красною Землею (Rother-Land), отсюда одно отдѣленіе перенесено

въ Ливонію, а потомъ и на Эзель, послѣ покоренія острова остзейскими нѣмцами. Въ подземельяхъ аренбургскаго замка бывали ночныя засѣданія вольныхъ судей тайнаго судилища.

Къ воротамъ обвиняемаго въ преступленіи невидимо прибывался письменный *позывъ* — явиться къ такому-то часу ночи въ такомъ-то мѣстѣ. Три зарубки, сдѣланныя кинжаломъ около бумаги, служили несомнѣннымъ признакомъ дѣйствительности приглашенія, которому слѣдовало повиноваться.

Призванный являлся въ назначенное мѣсто, гдѣ встрѣчалъ его приставъ, отбиралъ оружіе и, завязавъ глаза, велъ.... куда, не было извѣстно никому, кромѣ посвященныхъ въ тайну. По прибытіи на мѣсто, повязка снималась и глазамъ обвиненнаго представлялась низкая, обширная зала: на одномъ концѣ ея, на возвышеніи, стоялъ простаго дерева столъ, на которомъ крестообразно лежала ивовая вѣтвь и обнаженный кинжалъ, символы милосердія и строгости. За столomъ сидѣлъ фрейграфъ и „семь вольныхъ судей“, окруженные прочею братією, въ широкихъ плащахъ, съ накинутыми на голову капюшонами. Одна лампада горѣла въ дверяхъ, другая предъ судьями.

Посреди сумрака, слабо разгоняемаго мерцаніемъ лампы, посреди страшной тишины, невольно сжималось сердце обвиняемаго, и онъ съ ужасомъ слушалъ первыя слова фрейграфа: „спрашиваю тебя, приставъ, время ли начинать судъ и расправу“? — „Время“, глухо отвѣчалъ приставъ. Три удара молоткомъ громко раздавались по подземелью и возвѣщали начало засѣданія. Подсудимому вновь завязывали глаза, а судьи, сбросивъ съ головъ капюшоны и снявъ перчатки, стоя повторяли слова фрейграфа, громко произносившаго слѣдующую формулу: „клянусь творить праведный судъ, подъ опасеніемъ гнѣва Императора священной римской Имперіи, отъ его имени, его властію, при содѣйствіи вѣрныхъ и вольныхъ членовъ тайнаго судилища съ правомъ предать виновнаго мечу и веревкѣ“.

Судьи покрывались и садились; съ подсудимаго снимали повязку, затѣмъ слѣдовало изложеніе обвиненія и требовались оправданія и объясненія. Какое бы ни было рѣшеніе суда, подсудимому непремѣнно показывали лицо обвинителя. Если призваннаго объявляли невиннымъ, то, по произнесеніи радостныхъ словъ: „свободенъ отъ феме“, брали клятву въ ненарушимомъ

молчаніи о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, и послѣ троекратнаго удара молоткомъ, возвѣщавшаго конецъ засѣданія, оправданнаго съ обычными предосторожностями, отводили на прежнее мѣсто. Но оправданія случались рѣдко, потому что призывали съ большою разборчивостью, только дѣйствительно виновныхъ, которые по силѣ и связямъ своимъ презирали судъ обыкновенный. Очевидно, что эти господа не торопились на зовъ таинственныхъ судей, которыхъ они не хотѣли знать, какъ и прочихъ судей. Въ такомъ случаѣ, позывъ повторяли во второй и въ третій разъ. Если и затѣмъ приглашенный всетаки не являлся на мѣсто свиданія, то у воротъ его жилища, въ одно утро, всѣ прохожіе могли читать слѣдующій, написанный на пергаментѣ, приговоръ:

„Я объявляю такого-то обвиненнаго, непокорнаго человѣка, лишеннымъ всѣхъ правъ и вольностей, которыя императоръ Карлъ даровалъ, папа Левъ утвердилъ, и всѣ князья, владѣльцы, рыцари, рабы, вольные люди и судьи клятвенно признали, и обращаю его въ прахъ, и подвергаю съ всѣми его правами и вольностями государственной опалѣ, императорскому гнѣву и немилости, и отнимаю отъ него званіе, достоинство, доброе имя, гербъ, голосъ, всѣ права, и по уставу тайнаго судилища лишаю его покровительства законовъ и предаю его веревкѣ, трущъ птицамъ и звѣрямъ, а душу поручаю Богу на небесахъ въ его власть, и объявляю владѣнія его и помѣстья принадлежащими государю, отъ котораго онъ получилъ, или святой церкви, а жену его вдовою, дѣтей сиротами“.

Непокорнаго начинали преслѣдовать во всѣхъ концахъ Европы, гдѣ только были тайныя судилища, а были они вездѣ, и, рано или поздно, жертва не ускользала отъ рукъ неумолимыхъ и падала подъ ударами кинжала или давливалась петлею — привилегированнымъ способомъ казни. Въ знакъ правосудія тайнаго судилища, около трупа втыкали кинжалъ, и всѣ съ ужасомъ бѣжали отъ этого грознаго символа, оставляя трущъ въ добычу звѣрямъ и птицамъ.

Гдѣ глубокая пещера, въ которой стояли орудія инквизиціи? Гдѣ же допрашивали и подвергали пыткамъ? Гдѣ самъ епископъ давалъ судъ и расправу? Гдѣ было отдѣленіе тайнаго судилища? Гдѣ стоялъ карауль? Глухія подземелья аренбургскаго замка сохранились хорошо, а между тѣмъ, при осмотрѣ ихъ, я не могъ добиться ничего положительнаго о настоящей

исторіи этого подземелья — ветерана, пережившаго нѣсколько столѣтій. Упрекнулъ я съ досады лѣтописца Генриха Латыша, зачѣмъ онъ не имѣлъ въ виду моего любопытства, и, описывая военный бытъ и характеръ эзельцевъ, не оставилъ намъ путеводителя по замку. Впрочемъ и безъ чичероне мнѣ живо представлялось, какъ

Въ глухомъ подземельѣ, за чернымъ столомъ,

Сидѣли угрюмо монахи.

Предъ ними усердно работали палачъ....

Болѣзненный стонъ раздавался и плачь:

— То жертва стонала на плахѣ.

И взоромъ спокойнымъ слѣдили отцы,

Какъ въ воздухѣ съ свистомъ тройчатки концы

Вилися и въ жертву впивались....

И брызгала кровь отъ ужасныхъ плетей

На лица и руки угрюмыхъ судей;

И изрѣдка судьбы шептались.

„Довольно“ одинъ вдругъ сказалъ палачу

И, молча, поправивъ свою епанчу,

Какъ тѣнь приподнялся съ сидѣнья.

„Покайся!“ онъ жертвѣ недвижной сказалъ: —

„Покайся“, и такъ ты довольно страдалъ,

„Покайся, получишь прощенье“....

„Покайся, не то упадетъ голова“.

Но были напрасны для жертвы слова:

Ужъ жизнь отъ нея отлетѣла.

Предъ судьями молча лежало теперь,

Упершись ногами въ желѣзную дверь,

Холодное мертвое тѣло.

И молча всѣ съ мѣстъ поднялися они,

И стали шептать: „О Господь, помини

Его, Ты, въ обители рай;

Прими его душу, помилуй его“....

Молились отцы, на распятыѣ Того

(Святое распятые стояло за чернымъ столомъ),
Кто умеръ за правду, взирая.
Во мракѣ невѣжества гибли они,
Не зная, что тотъ, кого юные дни
Предъ ними сейчасъ прекратились,
За правду такую же точно страдалъ,
Съ любовью на крестъ передъ смертью взиралъ
Очами, что смертью затмились.
И молча служители трупъ унесли,
И жертву другую пытать привели....
Ужь кровью палачъ обагрился,
Всѣ съѣли опять.... а на нихъ со креста
Смотрѣли глаза, какъ живые, Христа,
И ликъ Его чудно свѣтился....
Но видѣли судьи лишь плети, да кровь,
Ихъ черстватаго сердца чуждалась любовь
И вѣры въ права человѣка.
Коснѣли они въ безразсвѣтной ночи —
Святые невинныхъ людей палачи,
Исчадія мрачнаго вѣка.

Въ аренсбургскомъ замкѣ, особенно въ подземельѣ и сѣверовосточной башнѣ пытокъ (Pienturm), служившей городскою темницей, вѣроятно пролито было много крови. Въ замкѣ и до сей поры уцѣлѣли застѣнки. Годовъ 75 тому назадъ въ одномъ изъ нихъ прїѣзжїе, кажется, дерптскїе археологи нашли замурованного рыцаря, и оставили копію рисунка, снятаго въ ту минуту, когда проломанная стѣна открыла останки плѣнника, разсыпавшагося вскорѣ отъ дѣйствїя свѣжаго воздуха. Рыцарь въ полныхъ доспѣхахъ сидитъ на дубовомъ стулѣ, съ опущенными руками, съ вытянутыми ногами. Предъ нимъ столъ, на немъ кружка съ водою и кучка пыли, вѣроятно истлѣвшїй хлѣбъ. Въ столѣ четки, изъ чего можно заключить, что плѣнникъ былъ католикъ. На стѣнѣ виситъ шляпа съ перомъ. Положеніе рыцаря и остатки недоконченной трапезы заставляютъ думать, что плѣнникъ умеръ отъ сильнаго яда. Посѣтителѣмъ замка теперь показываютъ

этотъ застѣнокъ — маленькую комнатку въ 3-мъ этажѣ недалеко отъ башни пытокъ. Входъ въ застѣнокъ, къ сожалѣнiю, заложень къ чему-то дикими камнями. Въ боковыхъ каменныхъ плитахъ видны пазы, въ которыхъ были рельсы, скрѣплявшiе замуровку. Къ застѣнку ведетъ каменная въ 3—4 ступени лѣстница, замусоренная обвалившимся камнемъ. Новѣйшая закладка входной двери въ застѣнокъ устроена плохо и на скорую руку, безъ промазки щелей, такъ что я въ разныхъ мѣстахъ просовывалъ свою дорожную палочку, которая касалась внутреннихъ стѣнъ маленькой тюрьмы. Можетъ быть въ замкѣ и еще со временемъ найдутъ замурованныхъ рыцарей. Застѣнки есть еще неоткупоренные. Мой молотокъ во многихъ мѣстахъ замка выдавалъ пустоту.

Вообще же Арнсбургскiй замокъ далеко не представляетъ собой что нибудь въ родѣ фантастическихъ зданiй, описанныхъ Вальтеръ-Скоттомъ и г-жею Радклифъ. Общее же впечатлѣнiе отъ него грустное. На стѣнахъ вмѣсто архитектуры и украшенiй видишь вездѣ только грубую штукатурку; все какъ-то черно, мрачно; насколько онъ высокъ и обширенъ, настолько же и пустъ. Двѣ его высокiя башни и теперь наводятъ на раздумье, особенно когда въ лунную, свѣтлую ночь гуляешь по валамъ крѣпости или по темнымъ дворамъ и переходамъ замка; средневѣковый, желѣзный вѣкъ невольно возстаетъ предъ вами, какъ страшное загробное привидѣнiе, и кажется, что надъ замкомъ и крѣпостью носится духъ рыцарства, духъ матеріальной силы и угнетенiя народовъ, духъ ложнаго христіанства и страшной тиранiи. Здѣсь, какъ и въ Шильонскомъ замкѣ на Женевскомъ озерѣ, послушайте только — что было! Что творилось чудовищнаго во имя кроткой христіанской религiи въ подобныхъ средневѣковыхъ памятникахъ, на которые я и теперь смотрю съ робостью и замиранiемъ сердца. Невольно приходится обратиться съ благодарностью къ нашему блаженному 19-му вѣку, какъ къ вѣку истиннаго христіанства, изливающего на народы милостивые и равноправныя законы и учрежденiя. Богъ дастъ и на эзельскихъ эстовъ скоро прольется свѣтлый лучъ новыхъ узаконенiй, и грядущiя ихъ поколѣнiя будутъ вознаграждены за все тяжкое угнетенiе, которое вынесли ихъ предки въ этомъ замкѣ (смотри рисунокъ № 4).

Шведы, завладѣвши въ 1645 г. Эзелемъ, для защиты и безопасности особенно отъ нѣмцевъ, обнесли замокъ крѣпостью. Карлъ XI и Христина

укрѣпили ее и снабдили артиллеріей. Извѣстно, что Эзель завоеванъ русскимъ оружіемъ при Петрѣ I, и что въ 1711 г., по приказанію генерала Боура, взорваны были укрѣпленія Аренсбурга. Между тѣмъ, по заключеніи Нисштадтскаго мира въ 1721 г., аренсбургская крѣпость была возставлена и служила крайнимъ западнымъ оплотомъ Россіи на Балтійскомъ морѣ, пока не была упразднена въ 1836 году, когда возникли укрѣпленія Бомарзунда на аландскихъ островахъ, куда переправлены были изъ Аренсбурга всѣ воинскія принадлежности, вся артиллерія и кавалерія; самая же крѣпость съ замкомъ князей, эзельскихъ епископовъ и со всѣми прочими зданіями для солдатъ и коменданта — главнаго начальника города передана во владѣніе эзельскому дворянству. При Екатеринѣ II она была возобновлена; наружныя стѣны одѣты тесаными квадратными плитами, на рavelинахъ положены особенныя плиты съ русской надписью, напр. „*Зюдъ остъ рав.*“, на сѣверо-западномъ входѣ въ крѣпость въ аркѣ надворотной заложена плита съ тремя буквами и годомъ: ^{CRS}₁₆₄₅ (т. е. Christina Regina Savoniae).

Крѣпость образуетъ четырехъ-угольный бастионный шанецъ 1) съ четырьмя по угламъ массивными рavelинами — наружными укрѣпленіями въ видѣ выступовъ, 2) съ наружнымъ широкимъ рвомъ вокругъ вала, 3) тремя насыпями (глазисы) впереди наружнаго крѣпостнаго рва, сливающимися съ поверхностью крѣпостнаго вала и 5) единственными сѣверовосточными воротами. Въ крѣпости прежде были казематы, обширныя пороховыя магазины, двухъ-этажныя катакомбы или склепы. Внутри этихъ катакомбъ, сверху заштукатуренныхъ, а снизу и боковъ выложенныхъ гранитомъ, находятся въ стѣнахъ выемы или ниши, совершенно лишеныя свѣта и чистаго воздуха. Я открылъ нѣсколько такихъ пещеръ, и нарочно вмѣсто пещерныхъ путеvodителей оставилъ для желающихъ спуститься туда большіе пещерные входы, хорошо замѣтные даже издали. Валъ крѣпостной, вышиною болѣе 2 $\frac{1}{2}$ сажень, устроенъ изъ дикаго камня, земли и известковой связи; снаружи онъ былъ вездѣ обшитъ плитной одеждой. И вотъ эта крѣпость съ массивными бастионами, когда-то укрѣпленная и снабженная орудіями, теперь, къ сожалѣнію, распадается по камню, разрушается „какъ упраздненная“. Плитная ея одежда во многихъ мѣстахъ совсѣмъ развалилась, по бастионамъ и глазисамъ вездѣ раскинуты деревья, кусты и лавочки,

что много придаетъ ей красы. Ровъ заросъ тростникомъ и сочной травой, двухъ-ярусный валъ покрылся множествомъ полевыхъ цвѣтовъ, которые роскошно растутъ въ защитѣ отъ сѣвернаго вѣтра. Сырые казематы по стѣнамъ покрылись сталактитами. Въ 1875 г. эзельское дворянство позволило доктору Мержеевскому, для устройства грязелечебнаго заведенія, снять плитную одежду крѣпости съ трехъ сторонъ за 97 рублей. Какъ дешево! Г. Мержеевскій, обдирая плиты, взялъ даже тѣ памятники, на которыхъ означены были рavelины. Крѣпость отъ этой операціи будетъ быстро разрушаться, такъ что со временемъ гор. Аренсбургъ памятникомъ Петру Великому будетъ имѣть заведеніе Мержеевского, который для этого, можетъ быть, въ верхнемъ углу восточной стороны своихъ банъ утвердилъ крѣпостную памятную плиту съ надписью: „*Zюдъ остъ рав.*“

XIV. Кладбище.

Въ 1861 г. бургомистръ аренбургскій Гуго-фонъ Боргъ за сѣвернымъ глазисомъ крѣпости развелъ общественный паркъ. При посадкѣ деревьевъ и рытвѣ канавы вокругъ парка рабочіе наткнулись на человѣческія кости и надгробныя плиты. Кости и плиты частію перевезены были на городское кладбище, частію сложены въ паркѣ въ одной могилѣ, на которой изъ двухъ надгробныхъ известковыхъ плитъ устроены трехъ-сторонній пирамидальный памятникъ, вышиною больше сажени. Основаніе, стороны и верхъ памятника выложены ноздреватымъ камнемъ. На сѣверной сторонѣ утверждена плита съ нѣмецкой надписью о времени и причинѣ основанія памятника въ 1861 г. Могильная плита съ южной стороны съ надписью и виньеткой:

ANNO 1587 DEN 10 FEBRUARS STARE CHRISTO HAS DEM.

ANNO 1588 DEN 3 APRIL 1515 TMEINSONP PETER

OTCERSGESTO

RBENUNDMEIN TOCHTER URSULA ANNO 1595 DEN 5 IVNY.

На плитѣ западной стороны я разобралъ только нѣкоторыя слова:

ANNO 1593 DEN 1 MAY STARE
IVRGEN KOCK (1)
ANNO 1604 DEN 13 MAY STARE.

Одинъ туристъ въ 1858 г. находилъ возлѣ крѣпости разбросанными въ полѣ подобныя же надгробныя плиты. Надпись на одной изъ нихъ онъ записалъ въ свою памятную книжку:

ANNO 1593 DEN 1 MAY STARE GESKE RALVES DER SELEN
GODT GENEDICH SI.

Въ 2½ верстахъ отъ Аренсбурга находится городское древнее кладбище нѣмецкихъ рыцарей и бароновъ; на него-то и свезены кости и нѣкоторые камни съ того мѣста, которое поступило подъ общественный паркъ; оно служитъ теперь и городскимъ кладбищемъ. Я ходилъ туда пѣшкомъ. Пройдя съ полверсты мощенными камнемъ улицами, очень приятно было выдти за городъ, на просторъ, видѣть кругомъ и поля, и мельницы, и дальніе лѣса, и нѣсколько отдѣльныхъ строеній, отлично крытыхъ соломой, съ маленькими ихъ хозяйствами и огородами. Деревень подъ Аренсбургомъ совсѣмъ нѣтъ. Земли арендуются особыми мызами; эсты живутъ въ нихъ семьями, и, какъ кажется, не нуждаются ни въ близкомъ сосѣдствѣ, ни въ малѣйшихъ требованіяхъ жизни общественной. Всѣ поля огорожены стѣнками каменными. Для этихъ стѣнъ обираютъ камни съ полей и тѣмъ самымъ очищаютъ ихъ и дѣлаютъ землю болѣе производительною.

Кладбище большое, также огорожено стѣною, съ каменными воротами, съ деревьями, кустами и зеленью, но въ безпорядкѣ; тутъ и безтолково, и не разчищено, и даже заброшено. Аренсбургъ вообще отличается во всемъ вѣнскимъ порядкомъ, и я невольно искалъ его и тутъ. Есть фамильные

---

(1) Рисунки см. въ приложеніи.

большіе склепы еще рыцарскихъ временъ, съ высѣченными на камиѣ гербами 1520 года. Есть кресты каменные же, не выше аршина, вѣроятно однимъ концомъ прямо воткнутые въ землю, такіе толстые, массивные, что они должны устоять противъ времени; такой крестъ не легко разбить или своротить съ мѣста. Какое удивительное стремленіе человѣка увѣковѣчить свое имя на землѣ! И для чего? И тутъ же видно, что, не смотря на всѣ его старанія, время беретъ свое, и все, все уничтожаетъ. Всѣ эти крупные и массивные памятники минувшихъ вѣковъ разваливаются и разрушаются, потому что пережили вѣроятно самый родъ подъ ними схороненныхъ рыцарей и бароновъ, и некому ихъ поддерживать. Лѣстницы и входы поломаны, крыши, полы и потолки обвалились, точно тутъ было землетрясеніе. Гробовыя доски, кости и черепа — все перемѣшано. Кругомъ заросло все репейникомъ и сорными травами, вездѣ дикое запустѣніе, а надъ дверьми высѣченный на камиѣ гербъ представляетъ какого нибудь пѣтуха, льва или оленя подъ защитою средневѣковой галебарды, которую держитъ покрытый латами оруженосецъ; онъ стоитъ до сей поры безсмѣннымъ часовымъ надъ прахомъ давно истлѣвшаго рода, давно забытаго имени! Какъ не сказать: суета суетъ, все въ свѣтѣ суета? Между могильными древними плитами попадались и болѣе свѣжіе памятники, иные были обсажены цвѣтами, и такого рода заботливость мнѣ болѣе правилась, хотя и тутъ — какое это утѣшеніе?

Русская церковь въ Аренбургѣ и ея старинный большой колоколь.

Аренбургская православная церковь, вслѣдствіе представленія ландсгауптмана эзельской провинціи, фонъ-Тунцельмана, указомъ св. Правительствующаго Синода, отъ 4-го августа 1747 года, предназначена къ построенію въ первый разъ деревянная, которая и была построена въ 1748 г. на ассигнованную изъ штатсъ-конторы лифляндкой губерніи сумму — 497 руб. 96 коп. ассигнаціями, въ царствованіе Елисаветы Петровны, при преосвященномъ Симонѣ, епископѣ псковскомъ и нарвскомъ, а въ 1750 году была освящена во имя святителя и чудотворца Николая. Въ 1774 году, вмѣсто сей обветшавшей деревянной церкви, вслѣдствіе ходатайства гражданскихъ и воинскихъ чиновъ, Императрица Екатерина II повелѣла построить каменную церковь въ 11,600 р. ассигнаціями, каковая, съ благословенія Ино-

кентія, архієпископа псковскаго и лифляндскаго, и была заложена въ 1786 году, во имя того же святителя и чудотворца Николая.

Извѣстно, что островъ Эзель завоеванъ русскимъ оружіемъ при императорѣ Петрѣ I и что Аренсбургская крѣпость съ того времени служила крайнимъ западнымъ оплотомъ Россіи на Балтійскомъ морѣ, пока не была упразднена въ 1836 году, когда возникли укрѣпленія Вомарзунда, на Аландскихъ островахъ, куда переправлены были изъ Аренсбурга всѣ воинскія принадлежности; самая же крѣпость съ находившимся въ ней замкомъ князей, епископовъ эзельскихъ и со всеѣми прочими зданіями передана во владѣніе эзельскому дворянству.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что русская крѣпость не могла обойтись безъ православнаго храма. Если же первыя свѣдѣнія о zaloженіи православной церкви въ Аренсбургѣ относятся лишь къ царствованію императрицы Елисаветы Петровны, то слѣдуетъ съ нѣкоторою достовѣрностью предполагать, что на первыхъ порахъ довольствовались временнымъ для церкви помѣщеніемъ, съ походнымъ антиминсомъ.

Во всякомъ случаѣ, первый постоянный храмъ православія въ Аренсбургѣ, да и на всемъ Эзелѣ, учредился лишь во дни августѣйшей дщери державнаго завоевателя этого острова. Что же касается находящагося въ аренсбургскомъ православномъ храмѣ древняго колокола, то имѣющаяся на немъ надпись гласитъ такъ: „Божією милостію и помощію святыхъ живоначальныхъ Троицы лѣта „С“ шестьдесятая, а мѣсяца сентября въ 8-й день на рождество Пресвятой Владычицы слить бысть колоколь сей при державѣ царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и при архієпископѣ великаго Новгорода и Пскова владыки (ѣ) Серапіона (ѣ) а лить-мастеръ псковитянинъ Прокофей Григорьевъ сынъ колокольникъ—слава Богу, аминь“. Какимъ образомъ колоколь этотъ попалъ въ Аренсбургъ, объ этомъ нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Мѣстное преданіе говоритъ только, что онъ былъ уже въ прежней деревянной церкви. По всей вѣроятности, послѣдняя надѣлена была богослужебными принадлежностями изъ ближайшихъ къ прибалтійскому краю мѣстъ, причемъ присланъ былъ въ Саремалинъ и упомянутый колоколь.

Не дивна ли судьба колокола? Отлитый въ лѣто взятія Казани (7060 годъ по Р. Х.), при державѣ царя Иоанна Васильевича Грознаго,

въ упорной борьбѣ отстаивавшаго исконныя права русскаго народа на прибалтійскую окраину и созывавшій нѣкогда на молитву православныхъ чадъ святой Руси въ предѣлахъ смежной области псковской, нынѣ, волею Провидѣнія, онъ мирно благовѣствуетъ православіе въ бывшемъ стольномъ градѣ датскаго принца Магнуса, коего Грозный царь посадилъ было своимъ присяжникомъ и королемъ лежавшей у ногъ Ливоніи, женивъ его на двоюродной своей племянницѣ, Маріи Владиміровнѣ, нашедшей послѣднее упокоеніе на милой родинѣ, въ стѣнахъ обители св. Сергія, между тѣмъ какъ супругъ ея окончилъ обильную превратностями жизнь свою въ опустѣломъ нынѣ курляндскомъ городѣ Пильтенѣ, округъ коего составлялъ древле часть епископства эзельскаго.

Не взываетъ-ли саремалинскій колоколь сей, современникъ давно исчезнувшихъ поколѣній, вразумительнымъ для вѣрующаго сердца гласомъ: „Люди переходятъ яко тѣнь на земли! вѣчна и неизблема едина Вѣра Христова, лучезарно сіяющая въ церкви православнаго Востока! Какъ нѣкогда Іоаннъ IV вель съ недругами святой Руси за прибалтійскій край упорную борьбу, по грѣхамъ его и предковъ нашихъ неудачно окончившуюся, такъ и восточное православіе, коего я служу провозвѣстникомъ на дальней окраинѣ моря варяжскаго, воинствуетъ и борется за древнія права исконнаго христіанства, не искаженнаго человѣческими мудрованіями и нѣкогда мирно водворявшася въ прибалтійскомъ краѣ, за-долго до нашествія иноплемениковъ; воинствуетъ же и борется оно въ несомнѣнной надеждѣ, что ему провозвѣщено устами самаго Господа: „одержать полную побѣду и благодатнымъ своимъ свѣтомъ озарить языки, сѣдящіе еще во тьмѣ заблужденія“.

Ратуша.

Въ самомъ Аренсбургѣ изъ старинныхъ зданій остались только 1) домъ на Langstrasse съ надписью тысяча пяти-сотыхъ годовъ и 2) ратуша съ надписью надъ входомъ: „Semper officium fungitur utilitati hominum et societati consulens“.

Anno MDCLXX

(1670 г.)

На печати въ ратушѣ гербъ замка представленъ нѣсколько иначе: замокъ представляетъ трехъ-этажное зданіе, одна башня кончается конусомъ, другая—зубчатой крышей; въ открытыхъ и отворенныхъ воротахъ замка журавль, поднимающійся съ рыцарскаго шлема на воздухъ; надъ головой его двѣ вѣтки. Совѣтуемъ лѣтнимъ посѣтителемъ Аренсбурга подняться на высокую башню ратуши. Отсюда открывается прекрасный видъ на городъ, его низменныя окрестности и на море.

Дворянское собраніе (Ritterhaus).

Сюда собирается коренное дворянство Эзеля для совѣщанія о своихъ дѣлахъ и для выборовъ каждые три года на ординарные ландтаги (сеймы). Здѣсь по стѣнамъ развѣшены 53 герба коренныхъ, потомственныхъ дворянъ—графовъ, бароновъ старинныхъ рыцарскихъ и другихъ, позже принятыхъ въ матрикулу дворянскихъ родовъ. Гербы расположены по важности и древности фамилій. На правой сторонѣ: 1) Толля, 2) Остенъ-Сакена, 3) графа Буксгевдена, 4) Веймарна, 5) Адеркасъ, 6) Нолькенъ, 7) Бергъ, 8 и 9) Штакельбергъ, 10) Фитингофъ, 11) Зассъ, 12) Толль, 13 и 14) Экеспаръ, 15) Бурмейстеръ, 16) Дитмаръ, 17) Моллеръ, 18) Фрейтагъ Лорингофенъ, 19) Тунцельманъ, 20) Регекампфъ, 21) Лилинфельдъ, 22) Хеллеръ, 23) Кубе, 24) Данненштернъ, 25) Люце, 26) Тизентаузенъ, 27) Ханъ, 28) Лауенбергъ, 29) Баранова, 30) Гимельштернъ, 31) Варденбургъ, 32) Минквитцъ, 33) Струкова, 34) Бунгенъ, 35) Крефтингъ, 36) Рубушъ, 37) Стершанцъ (послѣднія 4 фамиліи вымерли). На лѣвой сторонѣ: 1) Рейнгольдъ-Буксгевденъ, епископа острова, 2) Буксгевденъ, 3) графъ Остенъ-Сакенъ, 4) Лоде, 5) Полль, 6) Гильденштубе, 7) Крюденеръ, 8) Брадке, 9) Реренъ, 10) Курселль, 11) Зейнбушъ, 12) Пиларъ, 13) Ренненкампфъ, 14) Баргломей, 15) Ремлингенъ, 16) Дерфильденъ. Первые мѣста занимаютъ гербы графскіе съ 9 кугелями (коронками), вторыя—баронскіе съ 7 кугелями, третьи—дворянскіе съ 5 кугелями. Кугели поддерживаются вооруженными двумя или тремя рыцарями. По сторонамъ изображены львы, журавли, медвѣди, звѣзды, рыбы, олени и т. п. Внизу гербовъ есть надписи, напр. 2-го у Остенъ-Сакенъ по русски: „Богъ моя надежда“, 17-го у Моллера (профессора-художника): *virtute et merito*, 18-го Фрейтага:

„esto fidelis usque ad mortem“. Въ сосѣдной комнатѣ вы увидите 1) портреты ландмаршаловъ и особенно знатныхъ дворянъ: Буксгевденъ, Веймарнъ, Гильденштубе, нынѣшняго ландмаршала Экеспаръ, 2) планъ Эзеля и дворянскихъ имѣній. Дворянство — высшій и господствующій здѣсь классъ, кстати сказать, дома чрезъ три отъ дворянскаго собранія, имѣеть свой клубъ, почти недоступный для другихъ классовъ общества, и какъ я предполагаю, это, можетъ быть, одна изъ причинъ, по которой зарождается вѣковая ненависть классовъ между собою. Не навязывая своего мнѣнія никому, мнѣ кажется, что людей должно равнять образованіе и состояніе. Невѣжеству и бѣдности никогда не будетъ мѣста рядомъ съ людьми воспитанными и богатыми. Когда случай приведетъ познакомиться съ человѣкомъ ученымъ или замѣчательнымъ, чѣмъ бы то ни было, даже богатствомъ, кому въ свѣтѣ въ умъ придетъ спросить: „не былъ ли Римъ спасенъ его предками“? А бѣдному человѣку неловко самому между людьми высшими по состоянію: не затворяйте же предъ нимъ дверей, онъ самъ въ нихъ не войдетъ. Его благородная гордость вынесетъ скорѣе и лишеніе и нужду и отсутствіе общества, чѣмъ одинъ взглядъ укоризны за его бѣдность. Въ большихъ городахъ, особенно въ столицахъ, такого рода учрежденія не производятъ зависти и злобы, потому что громадность населенія и безъ того раздроблена на сотни кружковъ, даже между самыми классами, въ которыхъ должны невольно пропадать мелочныя страсти и притязанія, а въ провинціальныхъ городахъ они ссорятъ не на шутку, и отнимаютъ у провинціальной жизни легчайшее средство приводить все свое общество постепенно къ общему уровню, имѣя въ главѣ своихъ лучшихъ представителей и сближая всѣхъ другихъ членовъ, какъ по состоянію, такъ и по образованію. Я, къ счастью или несчастью, провелъ одинъ вечеръ въ обществѣ бароновъ и рыцарей, и предполагаю, что произвелъ на нихъ тоже самое первое впечатлѣніе, что они на меня — людей благородныхъ и воспитанныхъ. Удивляло меня только, что никто изъ нихъ не говоритъ по-русски. Но гдѣ же имъ, впрочемъ, и научиться по-русски? въ школахъ и гимназіяхъ въ Аренсбургѣ даже русскую грамматику учатъ по нѣмецкому учебнику. Французскій языкъ также мало въ употребленіи, но французскихъ книгъ достать еще можно, тогда какъ русскихъ ни одной. Ихъ надо выписывать изъ Петербурга. Когда за границей случается столкнуться съ русскими нѣмцами, они вездѣ съ гордостью

называютъ себя русскими, опираясь на это могучее слово и драпируясь въ него, какъ въ классическую римскую тогу, — почему же эта холодность — къ русскому, у себя дома, въ Россіи? Какъ бы имъ, кажется, не желать сліянія болѣе тѣснаго съ тою громадною семьей, которая растетъ и крѣпнеть, опираясь на все болѣе благія и равноправныя учрежденія, а возможное ли это дѣло безъ знанія русскаго языка наравнѣ съ нѣмецкимъ?

XV. Аренбургскій музей и раскопка кургановъ на о. Эзелѣ.

Въ Остзейскомъ краѣ есть свои ученые общества, основаны обширные музеи, куда стекаются драгоцѣнные антропологическіе и этнографическіе матеріалы, возникли изданія, специально посвященныя археологіи, напр. въ Ригѣ „Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи прибалтійскаго края“, изд. редакторомъ „Рижскаго Вѣстника“ Чехихинымъ. Въ Дерптѣ при университетѣ есть: 1) *музей искусствъ*, заключающій въ себѣ собраніе монетъ и медалей, картинную галерею, собраніе гравюръ и литографій, а равно и книгъ съ гравюрами и артистическими изданіями; дактилотеку, собраніе разныхъ гипсовыхъ отливокъ египетскихъ и греческихъ древностей изъ камня и металла. Въ музеѣ еще въ 1860-хъ годахъ было 18,000 нумеровъ, цѣною въ 30,000 р. сер. 2) *Этнографическое собраніе*. 3) *Центральный музей отечественныхъ древностей*, въ немъ до 5,000 №№. 4) *Эстонское ученое общество*, имѣющее цѣлью изученіе языка, исторіи, литературы эстонцевъ. Свои ученые труды это общество издаетъ въ „Запискахъ“. Въ Ригѣ есть: 1) литературное общество для латышскаго языка, открытое въ 1827 году, 2) общество для изслѣдованія исторіи и древностей балтійскаго края, основанное въ 1834 г. съ цѣлью способствовать распространенію и сохраненію всего относящагося къ исторіи и древностямъ трехъ остзейскихъ провинцій. Общество это имѣетъ библіотеку, различныя собранія и музей.

На о. Эзелѣ, именно въ Аренбургѣ, еще въ 1818 году основано ученое эстонское общество (*Esthnische Gesellschaft*) съ цѣлью изучать и разработывать эстонское нарѣчіе и древности острова. У этого общества нашлись даже силы и средства для созданія особаго эзельскаго музея ан-

тропологиі и этнографіи. Въ музеѣ всѣхъ предметовъ 688, преимущественно найденныхъ при раскопкѣ могилъ, кургановъ и городищъ на о. Эзелѣ, Монѣ и Даго. Далѣе это собраніе пополнялось покупкой, приношеніями особенно гг. Фрейтлингъ, Фрейтагъ, Зейбушъ, Адеркасъ, Моллеръ и др. Г. Фрейтлингу музею обязанъ нѣкоторыми копіями. Главная цѣнность собранія заключается въ томъ, что 1) почти всѣ вещи найдены въ предѣлахъ только трехъ острововъ, 2) представляютъ образцы орудій каменнаго и бронзоваго вѣка и 3) составляютъ въ большинствѣ оригиналы. При музеѣ есть письменный нѣмецкій каталогъ. Въ немъ сначала перечислены чужеземные представители—предметы, приобретенные, напр. въ Норвегіи, Висбаденѣ (каменный ножикъ, наконечникъ пика и др.), Майнцѣ (глиняная посуда), а за тѣмъ описаны эзельскіе образцы орудій каменнаго и бронзоваго вѣка. Орудія каменнаго вѣка описаны отдѣльно отъ предметовъ изъ бронзы и желѣза, другими словами все собраніе раздѣлено на двѣ большія группы: 1) орудія каменнаго и 2) орудія бронзоваго вѣка. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что хотя нѣкоторые писатели (какъ напримѣръ Луи Фигье въ своемъ сочиненіи „о первобытномъ человѣкѣ“) и дѣлятъ исторію первобытнаго человѣчества на два большіе періода: 1) каменнаго и 2) металлическаго вѣковъ, но составители описанія аренбургскаго музея, кажется, не имѣли претензіи раздѣленіемъ наличныхъ предметовъ собранія на двѣ вышеупомянутыя группы опредѣлять эпоху происхожденія орудій, а приняли это дѣленіе единственно въ видѣ удобства описанія. Описаніе сопровождалось измѣреніемъ миллиметрами, футами.

Чужеземныхъ представителей въ музеѣ	37
Предметовъ Эзеля и Мона всѣхъ	651
Орудій каменнаго вѣка	48

Именно: топоровъ	13
долотъ	16
шаръ гранитный	1
ломъ (молотъ)	1
точилокъ	3
ручныхъ жернововъ	10
формъ для литья	4

Всѣхъ предметовъ изъ бронзы и желѣза	497
Вещей для украшенія	290

Именно: а) булавокъ	21
б) брошекъ	39
в) спиралей	15
д) пряжекъ	16
е) пуговицъ	2
е) крючковъ и ушко	8
ф) кушаковъ	9
g) ручныхъ колецъ и перстней	45
h) браслетъ	18
і) шейныхъ колецъ и ожерелій	9
к) предметовъ для подвѣски (цѣпочки, монеты, разные орнаменты, амулеты, арабески и др.)	34
л) бусъ	12
м) сережекъ	3
п) бубенчиковъ	3
о) бронзовое колечко для одежды	1

Представителей оружія всѣхъ 62

Именно: а) наконечниковъ копій и стрѣлъ	30
б) мечей	12
в) топоровъ боевыхъ (клевцовъ)	7
д) кинжаловъ и ножей	7
е) смычковъ и другихъ частей лука	5
ф) фрагментъ желѣзнаго щита	1

Вещей безъ назначенія (напр. крестъ желѣзный, обломки посуды, замки и др.)	17
---	----

Предметовъ утвари всѣхъ	42
-----------------------------------	----

Именно: а) ножницъ	4
б) ножей	13
в) ключей	5
д) замковъ	4

e) посуды	9
f) предметовъ мѣры и вѣсовъ	3
g) долотъ	3
h) ложка	1

Предметовъ сбруи всѣхъ 72

Именно: а) цѣпочекъ 21

b) удиль, крючковъ и колець узды	20
c) принадлежностей отъ грудной и спинной конской сбруи	13
d) шпоръ	14
e) стремя	4

Минералогическій характеръ каменныхъ орудій не отличается разнообразіемъ: за исключеніемъ кремневыхъ предметовъ, остальные орудія каменной эпохи выдѣланы изъ различнаго рода сланцовъ — глинистаго, известковаго, песочнаго. Встрѣчается также незначительное количество вещей изъ гранита, шифера, флинкса. Вообще каменные орудія характеризуются не столько матеріаломъ, сколько своею наружною формою; относительно послѣдней или точнѣе типовъ каменныхъ орудій въ каталогѣ можно различать военные топоры съ широкимъ рѣзущимъ краемъ прямымъ, полукруглымъ, кругообразнымъ, съ отверстіемъ или безъ отверстія для топорница или рукоятки, красиво отдѣланные и гладко полированные. Оригиналы топоровъ (№ 1 и 2) взяты въ Дерптскій музей, а здѣсь только копія съ нихъ. Топоръ съ отверстіемъ просверленнымъ (№ 7) найденъ съ бронзовыми вещами во время паши на о. Монѣ недалеко отъ церкви. Замѣчательнъ топоръ двойной подъ № 11, съ кругообразными концами, найденный въ Гирмустѣ въ 1869 г. Формы для литья (32—35 №№) женскихъ украшеній найдены вмѣстѣ съ другими бронзовыми и желѣзными вещами въ саду у г. Отто Нолькенъ, въ двухъ верстахъ отъ Заль. По мѣстонахожденію каменные орудія имѣютъ представителей съ о. Мона, его крѣпостнаго вала, мѣстностей Зундвара, Вахтааста, Меннико, съ о. Эзеля, изъ Кармельской, Пейдеской и др. крестьянскихъ горъ Карриса, Мустеля, Гирмуста, Регель, Рандеферъ, Хаукуль и др.

Бронзовыя орудія не представляли затрудненія по отношенію къ ма-

теріалу, изъ котораго онѣ сдѣланы, хотя нужно замѣтить, что въ значительное собраніе вошли оригиналы изъ бронзы, желѣза, серебра и вообще металла. Относительно формы и назначенія орудій здѣсь можно найти большое разнообразіе; кромѣ предметовъ домашней утвари и украшеній — колець, серегъ, браслетъ и т. п., музей въ числѣ бронзовыхъ орудій представляетъ топоры широкіе и короткіе, мечи, ножи, кинжалы, наконечники копій и стрѣлы. Особенно замѣчательны по орнаментамъ кольца, перстни и кинжалы. Подъ № 43 (b) напр. бронзовый перстень съ печатью; діаметръ его 23 мм.; около печати на верху 14, внизу 5 мм., толщина 3. Печать украшена листьями; на 8-гранномъ ея щитѣ, который 14 мм. ширины, изображено горящее пламенное сердце, съ двумя стрѣлами, проходящими сквозь него. Пластинка, гдѣ печать, спаяна. Найденъ въ 1872 г. на Кармельскомъ полѣ. Тамъ же найденъ кинжалъ (№ 1 букв. д), висѣвшій на цѣпочкѣ въ срединѣ человѣческаго корпуса. Кожанья ножны обдѣланы были бронзой. Такой же кинжалъ описанъ у Крузе въ табл. 11 № 4. По мѣсто-нахожденію бронзовыя украшения и оружія имѣютъ представителей изъ Килькона, Удоферъ, Перзамъ, Заль, преимущественно же Кармель, Вольде, Пейде, Кергель, о. Монъ и Даго. Въ описаніи, къ сожалѣнію, не обозначены волость, разстояніе отъ Аренсбурга или села. Описывая мѣру, мѣсто-нахожденіе, насколько сохранились находки, составитель часто не означалъ вѣсь, не указывалъ на вещество, изъ котораго сдѣланы предметы, и ихъ назначеніе. Въ каталогѣ перечисляются между топорами долота, между долотами топоры, между жерновками опять топоры и т. д. Въ отдѣлѣ „вещи безъ назначенія, изъ бронзы и желѣза“ описаны предметы домашней утвари, напр. посуда. Описывая орудія каменнаго вѣка отдѣльно отъ предметовъ бронзы и желѣза, составитель въ концѣ каталога принялъ другую систему географическую, т. е. предметы расположилъ по мѣсту ихъ раскопки, напр. въ Пильскомъ курганѣ. Здѣсь перечислены находки по курганамъ.

На о. Эзелѣ и Монѣ раскопано нѣсколько десятковъ кургановъ. Раскопки эти произведены были въ 1865—1880 г. Учитель аренбургской гимназіи г. Гольцмейеръ въ 1880 г. въ отдѣльной брошюрѣ (Osiliana, въ 40 страницъ) представилъ отчетъ объ этихъ курганныхъ раскопкахъ на о. Эзелѣ и Монѣ. При описаніи имъ была принята система географическая,

т. е., послѣ описанія раскопки извѣстнаго кургана, перечислены всѣ найденные въ немъ предметы.

А. КУРГАНЫ НА О. ЭЗЕЛЪ.

1) Курганъ въ Ладьялѣ.

На дорогѣ, ведущей въ Зонла и прилегающей къ имѣнію Ладьялѣ, въ 1866 г. въ большой хрящевой ямѣ найденъ былъ на значительной глубинѣ скелетъ въ сидячемъ положеніи. При немъ былъ мечъ, лежавшій такъ, что рукоятка приходилась между колѣнъ, а остріе между ступнями. Желѣзный клинокъ длиною въ 500 мм. (1), а шириною 31 мм. Онъ былъ вложенъ въ ножны изъ кожи или изъ дерева, которые, на той сторонѣ, гдѣ было лезвіе меча, были украшены двумя изящно и красиво вырѣзанными бронзовыми полосками, доходившими до самаго острія. Кромѣ того остальная часть ноженъ обложена была зубчатой, на подобіе гребня, бронзированной жестяной полоской, закрѣпленной на концахъ весьма малыми и теперь еще видными бронзовыми штифтиками. Костяная рукоятка была вынута изъ земли уже растреснувшаяся. Матеріалъ ноженъ совсѣмъ уже сгнилъ. По величинѣ и виду онъ вполне соотвѣтствуетъ описанному у Крузе въ „Nesrolivonica“ табл. 8 ф. 2. Изображеніе здѣсь описаннаго меча помѣщено въ т. I, ф. 5.

2) Курганы въ Пилѣ.

Первый курганъ.

Возлѣ имѣнія Пила, по направленію къ Букиллу, на скотномъ лугу находится цѣлая мѣстность, покрытая курганами, всегда привлекавшая вниманіе собирателей и изслѣдователей древностей; поэтому тамъ курганы тщательно изслѣдованы и, вѣроятно, не одинъ разъ.

Первый курганъ, открытый въ 1868 г., казалось, былъ нетронутымъ. При внутр. діаметрѣ въ 8 футовъ онъ содержалъ въ себѣ каменное сооруженіе изъ гранитныхъ обломковъ, діаметръ которыхъ доходилъ до 3 футовъ. Внутри его лежали безъ всякаго порядка одинаковые камни, глубоко

(1) Мм. означаетъ миллиметръ.

вдавшіеся въ землю; между ними лежали меньшіе; здѣсь скорѣе всего можно предположить каменную крышу. Подъ этими камнями показалась земля, смѣшанная съ золою и кусками угля, на глубину $\frac{1}{2}$ фута. Въ этой-то ямѣ и находилось 20 слѣдующихъ предметовъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка:

1) Желѣзн. остріе метательнаго копья. Длина влагалища 30 мм., ширина 16; длина внѣшней поверхности 103 мм., ширина 37 мм. Тамъ, гдѣ поверхность соприкасается съ влагалищемъ, идутъ 3 кольцеобразныя возвышенія вокругъ замыкаемаго ими влагалища. Хорошо сохранилось.

2) Бронзовая пряжка; отлично сохранилась, хорошей закалки, почти круглая, внутр. діаметръ 44 и 40 мм. Пуговицы, шир. 9 мм., украшены углубленіями; противъ этихъ углубленій, при ширинѣ пряжки въ 15 мм., насажено змѣеобразное украшеніе витое, длиною 35 мм.; отъ него до пуговицы кольцо украшено простою гравировкой. Шпенекъ широкимъ концомъ сообщается съ серединой пряжки, посредствомъ расходящихся двойныхъ линій (табл. I, фиг. 1, въ $\frac{1}{2}$ натур. величины).

3) Бронзовая пряжка самой простой формы, немного согнута; овално-внутренній діаметръ 38 и 28 мм. Шпенька нѣтъ.

4) Бронз. спираль изъ 15 оборотовъ, ширина 6 мм.

5) Обломокъ бронз. браслета; длина 31 мм., ширина 25 мм.; украшенія, обыкновенно выгравированныя, вслѣдствіе сильнаго окисленія, почти незамѣтны; выпрямленъ.

6) Бронзовое остріе кинжала или меча, вполне похожее на фиг. 4, табл. 15, у Бэра (Ливонскіе курганы).

7) Обломокъ бронз. шейнаго кольца, составленнаго изъ 2-хъ проволокъ, отъ 2—3 мм. толщины. Длина 107 мм. Похожъ на ф. В, табл. 3 у Крузе.

8) Половина оправы (какъ бы кушака), изъ массивной бронзы, длина 50 мм., ширина 18 и толщина 6. На выпуклой поверхности находятся 5 паръ ромбическихъ косоугольныхъ углубленій; удалены другъ отъ друга на 6 мм. Вокругъ этой выпуклой поверхности, по нижнему краю, находятся 6 маленькихъ колечекъ. Внизу гладкой стороны находятся 2 штифтика, длиною 9 мм. и шириною 5 мм.; къ концу длины оправы прикрѣплены 2 ушка, діаметръ которыхъ 6 мм.

9) Обломокъ бронзоваго браслета, дл. 52 мм., почти прямой, сдѣланъ изъ проволоки, толщ. 3 мм. и шириною 6. Браслетъ этотъ внутри гладокъ, снаружи со вкусомъ украшенъ кругомъ гравировкой.

10) Обломокъ бронз. браслета, круглый, толщиной почти 6 мм., изъ гладкой проволоки. Длина 78 мм.

11) Серебряная брошка круглая, внутр. діаметръ 16 мм.; тонкое, вдающееся во внутрь кольцо, имѣетъ въ ширину 4 мм.; не хватаетъ 4-й части кольца и шпенька.

12) Серебр. перстень, состоящій изъ полоски, толщиной 1 мм., а шириной 6 мм., имѣющій на виѣшней сторонѣ весьма простое гравированное украшеніе; разломанъ на двѣ части.

13) Желѣзное кольцо; толщ. 6 мм., діаметръ 75 мм.; виситъ на ушкѣ, которое вверху, на мѣстѣ прикрѣпленія двумя гвоздиками, представляетъ бляху, шир. 31 мм., толщиной въ 1 мм. Бляха эта внизу, гдѣ привѣшено кольцо, суживается до 3 мм., а утолщается до 4 мм.; длина ушка 63 мм.

14) 13 бронз. колечекъ, 2 маленькіе и сильно заржавѣвшіе обломка спирали и 2 обломка бронзовыхъ цѣпочекъ, звенья которыхъ состоятъ изъ 2 колечекъ; одинъ обломокъ состоитъ изъ 5 звеньевъ, другой изъ 3 звеньевъ.

15) Бронзовое кольцо; внутренній діаметръ 40 мм., ширина 6 мм.

16) Бронзовый обломанный перстень; спираль изъ проволоки, шириною 3 мм., внутри плоской, снаружи закругленной, имѣетъ 3 оборота; теперь діаметръ = 16 мм.

17) Брошка, подобная № 11. Сломана на 3 части, но со шпенькомъ.

18) Желѣзный топоръ, длиною 132 мм., высота отверстія для рукоятки 37 мм., высота лезвія 21 мм. Діаметръ отверстія 34 и 21 мм.; самая малая ширина по серединѣ 15 мм.; теперешняя длина лезвія, сильно загнутаго внизъ и весьма остраго, 82 мм., первоначальная, вѣроятно, 100 мм. По отверстию и лезвію очень похожъ на изображенный у Крузе въ табл. I-й; очень хорошо сохранился.

19) Желѣзный топоръ, самой обыкновенной формы, длина 119 мм.; длина мало заостреннаго лезвія 82 мм.; высота сильно испорченныхъ краевъ 37 мм.

20) Купфическая монета; имѣетъ 3 отверстія отъ края до того мѣста,

гдѣ прикрѣплялась къ другимъ украшеніямъ; одна сторона немного обломана. Г. Гольцмейеръ точно и съ увѣренностью признаетъ ее за описанную Ганзеномъ подъ № 7, на которой онъ прочиталъ: „Cusus jussi Emirī Samanidae Ismail (filii Ahmed) anno 282=895,3 in urbe Schasch, Chalifa Mutassed Billah“.

Второй курганъ.

Онъ находится тамъ же, гдѣ и вышеупомянутый первый; относительно его возникновенія и состоянія, въ которомъ онъ былъ найденъ мною, можно сказать тоже, что о предыдущемъ. Онъ также былъ изслѣдованъ въ 1868 г.; заключалъ въ себѣ слѣдующіе предметы:

1) Бронзов. оправа. Нельзя опредѣлить, къ чему принадлежала; на тоненькой бронзовой полоскѣ, длин. 100 мм., шириною 13, частью свернутой въ трубку, находится по срединѣ одного края бронзовый кусокъ, діаметръ 15 мм. и толщ. 2 мм., въ которомъ сдѣлано круглое, въ 5 мм. ширины, отверстіе.

2) Неопредѣленный кусокъ желѣза. 4-хъ гранная, въ 150 мм. длины и 3 мм. ширины, согнутая на одномъ концѣ на 40 мм. желѣзная проволока, также согнута и на другомъ концѣ, такъ что обѣ части изгибовъ близки другъ къ другу; согнутый конецъ почти по срединѣ всего куска свернуть въ кольцо, съ діаметромъ въ 4 мм.

3) 2 обломка глинянаго сосуда, бѣльшій (вышина 57, ширина 64, толщина 4 мм.) есть кусокъ отъ верхняго края сосуда; судя по изгибу края, сосудъ на верху былъ по окружности приблизительно въ 225 мм.; второй, мѣньшій, выломанъ изъ середины; глина смѣшана съ довольно крупнымъ пескомъ и слабо обожжена. Внѣшняя плоскость сосуда довольно шерховата.

4) Желѣзное остріе дротика, вполне похоже на № 1 перваго кургана, съ тою только разницей, что не-достаесть 3-хъ кольцеобразныхъ возвышеній между внѣшней поверхностью и влагалищемъ. Длина 158 мм.; сильно заржавѣло.

5) Бронзовая игла отъ одежной шпильки. Длина 75 мм.

6) Маленькое желѣзное кольцо, внутренній діаметръ 6 мм.; въ немъ

находилась согнутая бронзовая полоска съ концами, скрѣпленными помощью шпенька. Длина полоски 16 мм., ширина 13 мм.

7) Половина бронз. кольца, внутренней діаметръ 46 мм.; кольцо состояло изъ проволоки, толщиною въ 6 мм.; его верхняя сторона совѣсьмъ закруглена, а на нижней, плоской, находится нѣсколько возвышеній; должно быть, сломанные шпеньки.

8) Бронзовая полоска, дл. 40 мм., ширина 9; на одной сторонѣ видны 3 шпенька, толщ. 1 мм.

9) Желѣзная дубина (палица), сломанная и сверху и снизу, длиною въ 50 мм., шириною вверху 17, внизу 12. Толщина вверху 12, внизу 6 мм. Сильно заржавѣла.

10) Обломокъ шейнаго или груднаго украшенія, состоящій изъ желѣзнаго, въ 2 мм. толщиною, кольца, со внутреннимъ діаметромъ въ 16 мм.; на одной сторонѣ представляетъ оно какъ бы 3 желѣз., въ 65 мм. длины, палочекъ, на обоихъ концахъ имѣющихъ крючки, которыми вдѣвались въ кольца. Между крючками палочки эти тѣсно обиты бронзовой проволокой, толщиною въ 1 мм. Въ крючкахъ, удаленныхъ отъ перваго кольца, видны остатки другаго кольца. Противъ 3-хъ прикрѣпленныхъ къ кольцу палочекъ находится еще другая желѣзная, также крючкомъ къ кольцу прикрѣпленная, длиною до 60 мм., свитая изъ двухъ желѣзныхъ проволокъ, толщ. въ 2 мм. Второй крючекъ этой палочки отломанъ. Къ этому украшенію принадлежитъ также еще одна, сломанная, обернутая бронзовой проволокой, палочка, длиною 40 мм.; оба крючка ея сломаны.

11) Желѣзный бубенчикъ. Петелька отломана, также одна изъ 4 лопастей въ концѣ отломана. По формѣ соответствуетъ изображеннымъ у Крузе на табл. III. G и H. Сильно заржавѣлъ.

12) Головка одежной бронзовой шпильки 13 мм. длиною, вогнутая въ формѣ полушарія; внутренней діаметръ нижняго края 21 мм. Головка вогнута на 2 мм. Отъ прикрѣпленной къ головкѣ иглы остался кусокъ длиною въ 25 мм., а толщиною въ 2 мм.

13) Бронзовая пряжка, толщиною 46 мм., шириною 34 мм., совершенно одинакова съ описанной въ каталогъ Гартмана, табл. 8, 24. Здѣсь не достаетъ шпенька и средняго прутика, на которомъ шпенець держался.

14) Желѣзный топоръ, дл. 95 мм., теперъ вышина сильно загнутаго

внизъ лезвія 57 мм. Оно въ одномъ мѣстѣ очень остро, такъ что первоначальная длина лезвія могла доходить до 88 мм. Отверстіе, вообще весь топоръ, имѣютъ ту же форму, что и № 18 перваго кургана, однако въ меньшихъ размѣрахъ. Внешняя поверхность здѣсь описаннаго топора сильно заржавѣла.

15) Бронзовые куски спиралей, весьма незначительные по ширинѣ, въ разрѣзѣ 3 мм.; длина самаго большаго обломка 32 мм.

16) 5 бронзовыхъ жемчужинъ, изъ нихъ наибольшая по формѣ соотвѣтствуетъ стеклянной жемчужинѣ, описанной у Гартмана въ его каталогѣ подъ № 49 табл. 3, съ той только разницей, что размѣры нашей больше, причемъ отверстія имѣютъ сглаженные края. Длина 15 мм., ширина 19; діам. отверстія 8 мм. Вторая вполне соотвѣтствуетъ ф. 30 табл. 13 каталога Гартмана. Длина 9 мм., толщина бронзы 2 мм., діаметръ отверстія 7 мм. Остальные 3 равны другъ другу, длина 5 мм., ширина 9 мм., діаметръ отверстія 7 мм. Всѣ четырехъ-угольныя со скошенными углами. См. табл. I ф. 2.

17) 3 куска бронзовой цѣпочки; большій изъ нихъ былъ въ свою очередь разломанъ, но опять соединенъ помощью маленькихъ желѣзныхъ колець. Колечки не всѣ равны; діаметръ ихъ средній 9 мм.

18) Бронзовая цѣпочка, составленная изъ двухъ кусковъ, длиною около 75 мм., каждое звено состоитъ изъ 2-хъ колечекъ съ діаметромъ въ 8 мм. При этомъ къ одной сторонѣ привѣшенъ кусокъ въ 58 мм. длины, вначалѣ очевидно принадлежавшій къ № 17. На другой сторонѣ привѣшены къ болѣе крѣпкой цѣпочкѣ 4 звена, состояція изъ одного кольца каждое; затѣмъ вѣто маленькое бронзовое колечко, держащее въ свою очередь 2 желѣзныхъ кольца, висяція одно на другомъ. Всѣ связи отдѣльныхъ крючковъ закрѣплены между собой помощью желѣзныхъ колець, шириною въ 20 мм.

Третій курганъ.

Въ 1872 году въ Пилѣ изслѣдованы г. Гольцмейеромъ нѣсколько кургановъ, въ той же мѣстности находящихся, гдѣ и прежніе. Добыча была незначительна, но интересна въ томъ отношеніи, что найденъ былъ

глиняный черепокъ, давшій, вмѣстѣ съ другими, возможность представить формы цѣлаго сосуда. Профессоръ Крузе нашелъ курганы еще нетронутыми и могъ поэтому опредѣлить вышину найденныхъ имъ сосудовъ въ 1 футъ; у его сосудовъ орнаментальныя линіи тѣже, что и на найденныхъ г. Гольцмейеромъ обломкахъ. Все это, а также то, что найденные черепки даютъ возможность опредѣлить видъ краевъ и мѣру широкой части сосудовъ, помогло г. Гольцмейеру, при участіи горшечника Фрейндлиха, работавшаго съ замѣчательной добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, представить формы трехъ сосудовъ, находящихся въ коллекціи Эзельскаго Общества, а также въ Дерптскомъ музеѣ. См. табл. I, ф. 3 и 4 (въ $\frac{1}{8}$ натуральной величины). Тамъ найдены:

1) Обломокъ глинянаго сосуда отъ верхняго края. Длина по краю 60 мм., внизу 40 мм., ширина 41 мм., толщина 4 мм. Цвѣтъ этой грубой и мало обожженной глины черно-сѣрый. Диаметръ этого сосуда на верхнемъ краю, вѣроятно, доходилъ до 120 мм.

2) Тоже изъ мягкой, тщательно обожженной глины; принадлежалъ къ той части сосуда, гдѣ горлышко переходитъ въ выпуклость. Переходъ этотъ замѣтенъ по сильно выдающемуся, угловатому краю. Немного ниже находятся орнаментальныя линіи. Затѣмъ идутъ 3 круговыя линіи, параллельно другъ къ другу на разстояніи 2 мм.; еще ниже, на томъ же разстояніи идутъ 2 зигзагообразныя линіи; подъ ними опять 4 параллельныя линіи. Углубленіе всѣхъ линій равняется 1 мм. Длина обломка приблизительно 40 мм., вышина 35—50 мм., толщина 5 мм. Цвѣтъ коричнево-сѣрый.

3) Обломокъ бронзоваго шейнаго, или ручнаго ожерелья, длиною въ 90 мм., согнутый подъ прямымъ угломъ и свитый изъ 3-хъ проволокъ, толщиною въ 2 мм.

4) Обвитая бронзовой проволокой желѣзная палка, одинакова по частямъ № 10 изъ 2-го Пильскаго кургана.

5) Бронзовое кольцо, толщиною въ 3 и 4 мм., внутренній поперечникъ 30 мм.; совершенно гладкое.

6) Бронзовый обломокъ. На бронзовомъ кольцѣ, толщиною 2 и 3 мм., виситъ бронзовая же полоска, длиною 110 мм., шириною 8 мм. и толщиною 1 мм.; загнута такъ, что равныя концы отстоятъ другъ отъ друга на 3 мм.; они нѣсколькими гвоздями прикрѣплены другъ къ другу. При

помощи двухъ отверстій кольцо проходитъ черезъ обѣ лопасти возлѣ соединенныхъ концовъ.

3) Курганъ въ Клаусгольмѣ,

Старинное Клаусгольмское кладбище имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и кладбище между Пилой и Еукиль, т. е., курганы въ обоихъ мѣстахъ одинаковы и въ такомъ же состояніи. Большинство изъ нихъ уже раскопано и даже тѣ, которые по внѣшности кажутся нетронутыми, при разрытіи доказываютъ противоположное. При изслѣдованіяхъ Крузе они нерѣдко раскапывались мужиками, тѣмъ болѣе, что въ нихъ часто находили золотыя монеты и украшенія изъ серебра. Остальное при изслѣдованіи было разломано, снова брошено въ яму и закрыто камнями. Со временемъ дернъ опять выросталъ и внѣшній видъ кургана дѣлался сходенъ съ первоначальнымъ. Остался ли хоть одинъ клаусгольмскій курганъ нетронутымъ, могло доказать только внутреннее состояніе. Раскопавъ неудачно 3 кургана, наконецъ нашли четвертый еще нетронутымъ. Могила эта была обложена такъ, что внутри кольцеобразной оправы, съ діаметромъ въ 9 фут., составленной изъ гранита, толщиною въ $1\frac{1}{2}$ или 3 фута, былъ сильно испытанный отъ огня трупъ. Вещи здѣсь найденныя, показываютъ, что и онѣ были въ огнѣ, ибо по этой причинѣ онѣ частью испорчены, частью совсѣмъ исчезли. На этомъ пострадавшемъ отъ огня мѣстѣ положены были камни, діаметромъ отъ 2 до 3 фут., между которыми находились еще меньшіе; такимъ образомъ и здѣсь образовался родъ каменной крыши. Открытъ этотъ курганъ въ 1874 году. Здѣсь найдены:

1) Бронзовое кольцо на палець; въ окружности длина 17 мм. Одинаково по формѣ съ № 11 табл. 11 каталога Гартмана.

2) Половина такого же кольца.

3) Кольцо на палець изъ бронзовой спирали; поперечникъ 15 мм.; совершенно одинаковое съ № 2 табл. 11 каталога Гартмана, гдѣ также конецъ спирали отломанъ.

4) Обломокъ ручнаго и шейнаго кольца бронзоваго, немного согнутаго и свитаго изъ 3 проволокъ. Длина 65, толщина 5 мм., совершенно одинаковъ съ № 3 третьяго кургана въ Пилѣ.

5) Удила желѣзныя, не цѣлыя; состоятъ изъ 4-хъ частей; изъ нихъ каждая такъ свита изъ желѣзной проволоки, толщиною въ 2 мм., что въ серединѣ образуются 4 косыхъ оборота; на концахъ каждой части находится почти круглый крючекъ, къ которому въ свою очередь придѣлана слѣдующая часть; длина отдѣльныхъ звеньевъ отъ 36 до 43 мм. Ширина крючкова 12 мм. На одномъ концѣ цѣпочки находится желѣзное кольцо, толщиною 3 мм., съ внутреннимъ діаметромъ въ 9 мм. На другомъ концѣ виситъ желѣзное кольцо, толщиною въ 5 мм., съ внутреннимъ діаметромъ въ 6 мм.; къ нему прицѣплено еще бронзовое кольцо, толщиною 3 и внутреннимъ діаметромъ 19 мм. Длина всего куска 184 мм.

6) Бронзовое кольцо отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 мм. толщиною; внутренній діаметръ 16 мм.

7) 8 бронзовыхъ колечекъ, толщиною въ 1 мм., внутренній діаметръ 5 мм. Такихъ колечекъ въ этомъ курганѣ было большое количество, но уже разломанныхъ.

8) 17 бронзовыхъ спиралей; самая длинная имѣетъ 33 мм. съ 28 оборотами. Внутренній діаметръ 3 и 4 мм.

9) Обломокъ бронзоваго браслета, шириною 36 мм., длиною 30 мм. Немного выпуклъ, украшенъ 3-мя врызанными желобками, шириною въ 1 мм.

10) Бронзовый слитокъ, получившійся отъ расплавленія различныхъ бронзовыхъ вещей.

11) Оправа ноженъ меча или кинжала, врызанная и согнутая изъ бронзированной жести, толщиною въ 1 мм.; на краяхъ соединена помощью гвоздочковъ, и теперь еще замѣтныхъ (см. въ табл. I, ф. 5, въ $\frac{1}{2}$ натур. величины).

12) Бронзовая пряжка отъ ремня безъ шпенка, по формѣ сходна съ № 12 табл. 3 каталога Гартмана, только на описываемой пряжкѣ оправа ременная гладка и сама пряжка украшена; шпенекъ былъ прикрѣпленъ не къ самой пряжкѣ, но къ находящемуся передъ пряжкой кольцу; длина оправы ремня 41 мм., ширина въ концѣ 18 мм. Длина пряжки 40 мм., наибольшая ширина также 40 мм.

13) 4 болѣе или менѣе сломанныхъ, различной величины, попарно

спаянныхъ, бронзированныхъ жестянныхъ кусковъ. Длина наибольшаго 40, ширина 17 мм.

14) Обломокъ глинянаго сосуда, представляющій возможность реставрировать самый сосудъ; онъ изъ грубой, сильно обожженной глины, толщиной въ 5 мм., по мѣрѣ приближенія ко дну сосуда доходитъ до 10 мм. Ширина сосуда на верхнемъ реставрированномъ краѣ 85 мм., вышина 114 мм. Широкая часть сосуда замѣтно расширяется, начиная съ верху, на 15 мм.; но мало суживается внизу. Величину его точно опредѣлить нельзя (см. ф. 6 табл. I, $\frac{1}{8}$ нат. в.)

4) Курганъ въ Пайомойсѣ.

Разрытъ 10 июля 1874 года г. Гольцмейеромъ. Отчетъ объ этомъ курганѣ таковъ:

При пути въ Килькондъ, на лѣво отъ ведущей туда изъ Пайомойса дороги, находится обширное поле, за заборомъ, отдѣляющимъ его отъ дороги; оно ограничено полукруглой возвышенностью, находящеюся за ригюю. Самая возвышенность, при приближеніи къ дорогѣ, постепенно понижается. По находкамъ на этомъ полѣ можно заключить, что здѣсь происходила битва между эстами и нѣмцами. Когда, 50 или 60 лѣтъ тому назадъ, рыли ровъ для фундамента риги, то найдено было 2 полныхъ рыцарскихъ вооруженія, вмѣстѣ съ принадлежащимъ къ нимъ оружіемъ; они были подарены тамошнимъ обществомъ для коллекцій. Во время стычки нѣмцы, занимая большую дугой лежащую возвышенность, отражали нападавшихъ эстовъ со стороны наклона. Всѣ вещи, находящіяся въ коллекціи „Общества розыскателей на островѣ Эзелѣ“, добытыя въ Пайомойсѣ, найдены на этомъ полѣ. За упомянутой ригюю находится холмъ, по внѣшнему виду нетронутый (онъ оказался могилой павшихъ въ этой битвѣ эстовъ). Въ длину онъ имѣлъ 20 футовъ, въ ширину 10 ф. и представлялъ покрытое травой мѣсто, къ которому поднималось нѣчто въ родѣ дороги, ибо на ЮВ холма, идущаго съ ЮЗ на СВ, находится пониженіе, доходящее до 24 ф. длиною и увеличивающееся къ низу, что можно заключить изъ удобнаго подъема. Отвѣсная высота холма $4\frac{1}{2}$ фута, состоитъ изъ песку, въ обилии здѣсь находящагося. Тотчасъ послѣ того, какъ лопата нѣсколько разъ во-

шла въ землю, найдены были останки, принадлежавшіе 5 личностямъ, по всей вѣроятности, воинамъ. Продолжали копать на концѣ холма, обращенномъ къ ЮЗ, и мало-по-малу показался двойной рядъ каменнаго сооруженія, лежавшій подъ дерномъ и примыкавшій къ плоскости холма. Верхній рядъ состоялъ изъ большихъ, въ $\frac{3}{4}$ —1 фута толщины, камней, нижній изъ меньшихъ, около $\frac{1}{2}$ ф. въ толщину. Между этими рядами, въ серединѣ холма, найденъ черноземъ, смѣшанный съ золой и кусками угля—признакъ бывшаго сожженія. Тутъ же показались разныя вещи эстонскаго вооруженія, рядомъ лежащія въ черноземѣ между рядами камней. Эти вещи слѣдующія:

1) Желѣзная оконечность копья, сильно заржавѣвшая; длина 320 мм., длина влагалища 120 мм., ширина 17 мм.; наибольшая ширина внѣшней поверхности 25 мм.

2) Тоже, сильно заржавѣвшее, кончикъ отломанъ; длина 210 мм., длина влагалища 120 мм., ширина 10 мм.; наибольшая ширина внѣшней поверхности 28 мм.

3) Желѣзный ножъ больше, чѣмъ обыкновенно находимые, сильно заржавѣлъ. Длина черенка 57 мм., длина языка 117 мм., ширина 20 мм., толщина 3 мм.; кончикъ отломанъ; онъ имѣетъ въ длину 26 мм.

4) Желѣзный рѣзецъ, сильно заржавѣвшій; діаметръ влагалища 35 мм., толщина желѣза на краю отверстія 5 мм.; длина влагалища 83 мм. Конецъ лезвія къ влагалищу толщиною 25 мм., шириною 35 мм. По направленію къ малосогнутому острію рѣзецъ становится тоньше и наконецъ расширяется до 53 мм. (см. табл. I, ф. 7).

5) Брусокъ, похожій по формѣ на трацкій челнокъ — одинаковъ съ ф. 23, табл. 3 „каменныхъ древностей Остзейскихъ провинцій“. При поднятіи ряда камней, отломили кусочекъ. Длина возобновленнаго экземпляра 100 мм., ширина 46, толщина 24 мм. Сдѣланъ изъ сѣроватаго, мелкозернистаго песку. На внѣшней поверхности видны слѣды отъ точенія металлическихъ инструментовъ объ брусокъ (см. табл. II, ф. 33; $\frac{1}{3}$ нат. в).

5) Курганы въ Курреферѣ.

За Курреферомъ, лежащимъ вправо отъ дороги въ Тагамоисъ, почти на половинѣ дороги изъ Пайомойса въ Тагамоисъ, находится возвышеніе, отъ

котораго на югъ и западъ лежатъ крестьянскія поля. На этихъ поляхъ между выкинутыми изъ земли камнями лежатъ курганы. При рытвѣ г. Гольцмейеръ находилъ только золу, кусочки угля и кости. Древности находились только въ слѣдующихъ курганахъ:

Первый курганъ.

Видъ его кольцообразный; сдѣланъ изъ камня; діаметръ $8\frac{1}{2}$ футовъ; съ сѣвера и востока камни были заложены съ промежутками; діаметръ камней 2 фута; по устраненіи камней (въ діаметръ имѣвшихъ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 фута), глубиною на 6 дюймовъ лежала земля, смѣшанная съ золою, углями и остатками костей; подъ этимъ пескомъ, смѣшаннымъ съ пепломъ, показался рѣшетъ (рѣшетка) (randud Kiwwid), какъ называютъ эсты искусственное сооруженіе изъ камней, въ отличіе отъ природнаго ихъ расположенія. Въ курганѣ, къ В и З подлѣ камней, лежали вылотною черепки горшковъ, къ Ю, опять таки около камней, лежали нарядныя украшенія; на ЮЗ лежало остріе копья, на С же ничего не было. По точному описанію найденныя вещи слѣдующія:

1) Бронзовая одежная шпилька безъ иглы; видъ точно такой-же, какъ и на табл. 49, а, у Крузе. Размѣры Курреферской значительнѣе: въ высоту 70 мм. и въ ширину 76 мм. Въмѣсто трехъ концентрическихъ колець (у Крузе) головка шпильки снабжена богатымъ выпуклымъ украшеніемъ. Къ этой шпилькѣ была припаяна неуклюжая желѣзная иголка, отъ которой и теперь еще осталось 2 шпенька. Что касается украшенія, то эту шпильку можно сравнить съ ф. 1, табл. IX, у Гартмана, которая по украшенію далеко ниже здѣшней. Правая сторона немного повреждена.

2) Бронзовая вѣшалка для цѣпочекъ (см. ф. 8 табл. I) ($\frac{1}{2}$ натур. велич.).

3) Бронзовая пряжка (одинакова съ ф. 49 табл. VII каталога Гартмана) съ болѣе простымъ украшеніемъ, при чемъ на нижней сторонѣ внѣшняго края просверлены маленькія отверстія, вслѣдствіе чего на верхней сторонѣ образовались бугорки.

4) Бронзовый подвѣсокъ для цѣпочекъ (см. ф. 9, табл. I).

5) Бронзовый бубенчикъ (изображеніе у Бара, табл. X, ф. 16).

6) Желѣзная оконечность копья, остріе отломано, также—большая часть влагалища; длина всего куска 240 мм. (длина теперь безъ отломаннаго куска 140 мм.); наибольшія ширина 50 мм.; согнута назадъ.

7) Обломки глинянаго сосуда, изъ которыхъ сохранены только 3 большихъ, такъ какъ мелкіе не были полезны. Судя по обломкамъ, можно представить видъ всего сосуда, при чемъ внутр. діаметръ, какъ у верхняго края, такъ и у широкой части 260 мм. и высота 50 мм. Слѣдовательно, эта была чашка (см. табл. I, ф. 10). Глина мало обожжена и чашка сдѣлана, очевидно, безъ помощи гончарнаго круга. Черепки отъ этого сосуда лежали на восточномъ краю кургана. На западной найдены обломки другаго сосуда; однако его нельзя составить въ прежнемъ видѣ.

Второй курганъ.

Мѣстоположеніе и устройство такое же, какъ и перваго, только діаметръ его по направленію отъ ЮВ къ СВ длиннѣе на 1 футъ и каменный рядъ безъ промежутковъ. На южномъ краю могилы лежали безъ всякаго порядка слѣдующія вещи:

1) Серебряная пряжка (см. табл. I, ф. 11; $\frac{1}{2}$ натуральной велич.).

2) Нарядное украшеніе изъ бронзы высеребренное для навѣшиванія. Украшеніе привѣшено къ маленькой бронзовой пряжкѣ, которой недостаетъ шпенька и пуговокъ, помощью неуклюжаго, припаиваемаго къ украшенію, крючка. Толщина $1\frac{1}{2}$ мм. (Во всемъ остальномъ сравни табл. I, ф. 12; $\frac{1}{2}$ натур. величины).

3) Бронзовый браслетъ, разбитый на двѣ части, первоначальная длина 210 мм.; меньшій кусокъ, длиною въ 58 мм., на концѣ такъ согнуть, что представляетъ трижды плотно согнутый кусокъ, и такъ какъ вещь эта была подвержена жару, то поверхности частью сплавилась. Наибольшая ширина 30 мм. По украшенію сходенъ съ ф. 12 табл. каталога Гартмана.

4) Тоже, но безъ средней части. Одна часть имѣетъ въ длину 55 мм., другая 45 мм. Размѣры его не такъ велики, какъ у предыдущаго. Нѣсколько истершееся украшеніе, очевидно, сдѣлано тщательное и съ большимъ вкусомъ.

5) Бронзовый перстень (ф. 8 табл. XI каталога Гартмана). Внутр. діаметръ 26 мм., ширина на верху 9 мм.; въ общемъ весьма массивенъ.

6) Тоже; внутр. діаметръ 20 мм., ширина на верху 9 мм. Видъ такой же, какъ и у № 5.

7) Тоже (см. ф. 12 табл. XI каталога Гартмана). Внутр. діам. 20 мм., ширина вверху 8 мм.

8) Бронзовый кольцообразный кушакъ. Обломокъ состоитъ изъ 2 частей (см. табл. I, ф. 13, $\frac{1}{2}$ наст. велич.).

Такихъ предметовъ въ коллекціи „общества изысканій древностей острова Эзеля“ много.

9) Бронзовая жемчужина. По виду подобна найденной во второмъ курганѣ въ Пилѣ (№ 16). Длина 10 мм., толщина 4 мм., діаметръ отверстия 4 мм.

Описанная вещь подобна ф. и табл. XLIX у Крузе, какъ поддержка обоихъ колець. Такъ какъ подобныя вещи въ коллекціи „Общества изысканій острова Эзеля“ еще меньшихъ размѣровъ, то, можно думать, что онѣ, нанизанныя на шнурокъ, служили украшеніемъ.

10) Бронзовая цѣпочка. Длина обломка 70 мм.; по устройству и величинѣ кольца подобна № 5 ганзенгофскаго кургана.

11) Бронзовая гиря. Болѣе всего сходна съ изображенной у Крузе (ф. 7, табл. LIV).

14) Желѣзный ножъ сильно заржавѣвшій. Длина языка и черенка вмѣстѣ 152 мм. Длина самаго языка 102 мм., ширина ножа 16 мм.

6) Курганъ въ Таггамоѣсѣ.

Подъ каменной крышей въ черной землѣ, смѣшанной съ пепломъ и углемъ, вмѣстѣ съ бронзовыми вещами, были найдены въ 1869 г. и доставлены въ музей 4 вещи, сдѣланныя изъ лучшаго серебра:

1) Пряжка. Хранитель музея отдавалъ ее тщательно вычистить, чтобы замѣтнѣе было украшеніе, сдѣланное съ большимъ вкусомъ (см. табл. II ф. 27).

2) Изящный перстень; діаметръ 18 мм. (см. табл. I, ф. 19).

3) Изящная сережка; діаметръ 38 мм. (см. табл. I, ф. 20).

4) Выпуклая плитка съ ручкой, сквозь которую просунуто кольцо. Диаметръ 73 мм., толщина 1 мм. (см. табл. I ф. 21 а).

Такъ какъ эти серебряныя вещи лежали съ бронзовыми, то онѣ покрылись бронзовой окисью; къ сожалѣнію, бронз. вещи въ музей не попали; съ этихъ же 4 вещей есть снимки.

7) Курганъ въ Логгомѣ.

Курганъ этотъ (близъ Таггамойса) раскопанъ лѣтомъ 1874 г. Здѣсь находился большой круглый каменный холмъ, первоначальныхъ размѣровъ котораго опредѣлить нельзя, такъ какъ при вспахиваніи примыкающаго къ холму поля было выброшено большое количество камней. Судя по состоянію внутренности, этотъ курганъ былъ открытъ раньше 1874 г. Кромѣ человѣческихъ останковъ, лежавшихъ такъ, что нельзя опредѣлить первоначальное положеніе трупа, и заржавѣвшаго куска отъ середины меча, здѣсь нашли еще двѣ слѣдующія вещи:

1) Желѣзное остріе копья, сильно заржавѣвшее, разломанное на 3 части, длина 332 мм., вначалѣ была, вѣроятно, больше.

2) Брусекъ съ дырой для шнурка, миниатюрной формы; длина 98 мм., ширина одного конца 21, другаго 18 мм., середины 29; толщина 10 мм.; сдѣланъ изъ краснаго, мелко зернистаго песчаника см. ф. 31 табл. II.

В. КУРГАНЫ ОСТРОВА МОНА.

8) Курганъ въ Війракюллѣ.

Недалеко отъ Монской церкви, близъ дороги въ деревню Війракюллъ, на сѣверѣ лежитъ песчаный холмъ, содержащій курганы. При выкапываніи картофеля и ямъ для храненія его, крестьяне уже издавна находили различныя древности, перешедшія въ собственность частью прежняго монскаго суперинтенданта Шмидта, частью дерптскаго и ревельскаго музеевъ.

Въ 1872 г. удалось отыскать въ этомъ песчаномъ холмѣ одинъ не-

тронутый курганъ. На глубинѣ четырехъ футовъ лежалъ скелетъ, головою въ СВ. Никакихъ слѣдовъ отъ обжиганія не оказалось. Въѣтъ со скелетомъ найдены были слѣдующія украшенія:

1) 2 бронзовыхъ браслета, лежавшихъ надъ кистью руки. Они были разломаны въ куски, однако ихъ можно было связать. У обоихъ не хватаетъ концовъ. Сдѣланы спирально, съ діаметромъ въ 53 мм., шириною 6 мм., толщиной 1 мм.; 8 оборотовъ, но безъ концовъ. Вслѣдствіе сильной ржавчины, къ одному браслету прилипъ кусокъ матеріи отъ рукава, хорошо сохранившійся, шириною въ 93 мм., въ другомъ браслетѣ находится шнурокъ, протянутый сквозь спираль, искусно сдѣланный изъ 4-хъ дважды скрученныхъ нитей; длина 80 мм., толщина 6 мм.

2) Бронзовое ожерелье, состоящее изъ 2-хъ скрученныхъ проволокъ, толщиной каждая въ 2 мм.; на протяженіи 30 мм. отъ концовъ проволоки раскручены, должно быть для того, чтобы прицѣпить крючекъ, большая часть котораго отломана; другой конецъ оканчивается петлей, совсѣмъ отломанной; длина 330 мм.; почти въ серединѣ кольцо немного сломано и одна половина согнута.

3) Бронзовый перстень (см. каталогъ Гартмана № 8 табл. XI).

4) Бронзовая цѣпочка цѣлая; каждое звено длиною 10 мм. и овально, изъ проволоки, толщиной $1\frac{1}{2}$ мм.; симметричная и тщательная работа сохранилась въ наилучшемъ видѣ. Длина 380 мм.

5) Бронзовая пряжка безъ шпенька (сходна съ № 11, табл. XIII, каталога Гартмана); отличается только размѣрами. Длина 40 мм., ширина у кольца 30 мм., а гдѣ вкладывается кушакъ 26 мм.

6) Остатки хлопчатобумажнаго платья; 6 различныхъ по величинѣ кусковъ, съ крапинками; ткань очень грубая и крѣпкая, хорошо сохранилась отъ лежавшей сверху бронзы; наибольшій кусокъ длиною 80 мм.; такой же ширины. На одномъ кускѣ находится кромка, съ частью шнурка, уже упомянутаго подъ № 1. Другой кусокъ — часть отъ шейной вырѣзки, тамъ, гдѣ она спускается къ груди, обшита бронзовыми колечками и спиральками, величиною въ 9 мм. (см. табл. XVI, ф. 14 у Вэра). На меньшихъ кускахъ находятся также бронзовые кольца; отъ другихъ кусковъ крючки и кольца отпали, но слѣды отъ нихъ остались; наибольшій кусокъ или имѣлъ складку, или же матерія случайно сложилась 3-мя рядами.

Шерстяной кусокъ, приставшій къ браслету (см. зд. № 1), той же работы и принадлежитъ одной и той же одеждѣ (для нагляднаго представленія см. ф. 30 табл. II).

7) Ключъ изъ необыкновенно твердой стали (см. табл. I, ф. 17).
Длина 60 мм.

9) Курганъ въ Ганзенгофѣ.

Когда, весной 1872 г., въ имѣннн Ганзенгофѣ на Монѣ, рыли ямы для фундамента, то на глубинѣ 2 футовъ въ черноземѣ, смѣшанномъ съ золой и углями, найдены были слѣдующія вещи:

1) Бронзовая пряжка безъ шпенька, по величинѣ и виду вполне соответствуетъ изображенной у Крузе на табл. III, курганъ 2, в. На этой пряжкѣ висѣли:

2) 2 бронз. спиральныхъ перстня, изъ нихъ одинъ хорошо сохранился; состоитъ изъ 7 оборотовъ, діаметръ 19 мм. Другой состоитъ изъ 4 оборотовъ; у него отломанъ конецъ; діаметръ, однакоже, такой, какъ и у перваго.

3) Бронз. пряжка (сходна по виду и украшеніямъ съ ф. 7 табл. VII каталога Гартмана). Разница въ томъ, что пуговики углублены на 1 мм. Отъ шпенька отломанъ острый конецъ. Діаметръ 45 и 38 мм.

4) Тоже безъ шпенька; гораздо меньше и слабѣе № 3; форма одинакова; сильно обислилась, такъ что нельзя узнать, была ли она плоская или съ украшеніями.

5) 2 обломка бронз. цѣпочекъ. Одинъ длиною 50 мм.; каждое звено состоитъ изъ 2-хъ колечекъ, величиною въ 10 мм., изъ проволоки, толщиной 2 мм.; сильно заржавѣлъ. Длина другаго 63 мм., звено состоитъ изъ 2 бронз. колець изъ проволоки, толщина 3 мм.; ширина звена 15 мм. На одномъ концѣ ясно видны слѣды огня.

6) Бронз. кусокъ отъ ноженъ меча или кинжала; снятъ въ натуральную величину. Ширина 38 мм. (см. табл. I, ф. 22).

7) Желѣзное остріе дротика, хорошо сохранившееся. Длина 215 мм. длина влагалища 45 мм., ширина 25.; ширина внѣшней поверхности 27 мм.

8) Тоже отъ конья; во всю свою длину сохранилось, но сильно зар-

жавѣло; длина 370 мм.; длина влагалица 95 мм.; наибольшая ширина внѣшней поверхности 38 мм.; 4 грани идутъ совершенно ровно.

9) Желѣзные удила (сходны съ табл. VI, ф. 2, Крузе); размѣры меньше и одна изъ среднихъ частей привѣшена къ кольцу посредствомъ изгиба, имѣющаго видъ ∞ . Длина обѣихъ среднихъ частей 65 мм.; длина кольѣна (∞) 45 мм.; діаметръ колець приблизительно 25 мм.; длина всей штуки 200 мм.

10) Курганы въ Мелла (деревня).

На пастбищѣ деревни Мелла, принадлежащей имѣнію Гроссенгофъ на островѣ Монѣ, находится древнее кладбище, носящее у эстовъ названіе аудадемеги (холмъ погребенія). Это названіе, равно какъ и устройство мѣстности, побудили сдѣлать тамъ изслѣдованія въ 1874 г. Курганы лежатъ здѣсь близко одинъ отъ другаго, иногда даже совсѣмъ примыкають. На разстояніи 50 шаговъ къ СВ отъ этой мѣстности находится отдѣльная могила, на окружающихъ эту мѣстность холмахъ. При наблюденіи холмъ этотъ привлекъ вниманіе изслѣдователей. Діаметръ его 10 футовъ, а вышина каменной кладки 4 фута; извнѣ онъ былъ окруженъ каменнымъ кольцомъ (камни діаметромъ $1\frac{1}{2}$ ф.). Діаметръ же внутреннихъ камней—1 ф. По вынутіи камней, увидѣли слѣдующее: внутри кольца въ центрѣ лежало 4 большихъ камня, съ діаметромъ въ 2 фута, такъ положенныхъ, что между ними образовалось крестообразное пространство, шириною въ $1\frac{1}{2}$ ф. Между этими камнями клали горючій матеріалъ, доверху, а на камни клали трунъ. Этотъ курганъ содержалъ также куски угля и осколки костей въ слоѣ пепла, глубиною 2—4 дюйма, и остатки черной земли. Погасивъ огонь, опускали въ промежутокъ между камнями вещи, находимыя въ курганѣ. Частью это наряды, частью остатки военнаго оружія. Онѣ были слѣдующія :

1) 4 одежныя шпильки, всѣ длиною отъ 160 до 165 мм.; по формѣ одинаковы съ изображенными въ каталогѣ Гартмана (см. табл. IX, ф. 5), съ тою разницей, что вмѣсто находящагося въ серединѣ головки пустаго шарика, здѣсь пуговка, и такихъ пуговокъ не двѣ, а одна. Пуговка удалена отъ концовъ головкина 35—40 мм. На каждой изъ этихъ шпи-

лекъ находится бронзовое кольцо, внутренній діаметръ котораго 10 мм. На немъ висятъ, судя по хорошо сохранившемуся остатку, двѣ цѣпочки (длина ихъ въ разныхъ шпилькахъ неодинакова: отъ 65 до 110 мм.). На нижнемъ концѣ цѣпочки виситъ другое кольцо; на немъ еще цѣпочка, но длину этой послѣдней нельзя опредѣлить. Длина наибольшаго обломка цѣпочекъ 215 мм. Работа цѣпочекъ одинакова; онѣ состоятъ изъ колечекъ, діаметромъ 6 мм., сдѣланныхъ изъ бронзовыхъ полосокъ, шириною 4 и толщиною 1 мм. Эти шпильки лежали одна отъ другой на разстояніи 60 мм.; между ними были цѣпочки; пять обломковъ такихъ цѣпочекъ, изъ которыхъ наибольшій = 86 мм., лежали тутъ же, но нельзя было опредѣлить, къ какой цѣпочкѣ они принадлежатъ. Подъ только что описанными шпильками лежали другія, такъ, что головки ихъ приходились въ пустомъ пространствѣ, оставшемся между вышеупомянутыми шпильками, а именно:

2) 3 бронзовыя одежныя шпильки. Одна изъ нихъ, толщиною 3—5 мм., имѣетъ почти полукруглую пуговку, съ отверстіемъ внизу, къ которому припаяна шпилька. Одна шпилька длиною 217 мм., поперечникъ головки 21 мм.; на разстояніи 42 мм. внизъ отъ головки на крючкѣ, встрѣчающемся обыкновенно у всѣхъ шпильекъ, виситъ кольцо, діаметромъ 6 мм., черезъ которое пропущена бронзовая полоса, длиною 90 мм. и шириною на одномъ концѣ 8 мм., на другомъ 3 мм.; она согнута, вѣроятно для того, чтобы пропустить кожаную полоску. Шпеньковъ нѣтъ никакихъ.

Вторая шпилька, 190 мм. длины, съ діаметромъ головки 16 мм.; кольцо, прикрѣпленное къ крючку, висящему на 30 мм. ниже головки, потеряно. Бронзовая полоска, гдѣ она согнута вокругъ кольца, разломана и поддерживается къ выходящему извнѣ концу помощью шпенька. Такія бронзовыя полоски имѣютъ въ длину 34 мм., но по ширинѣ различны, отъ 8 мм. — 3—4 мм. (см. табл. I, ф. 15). Третья булавка длиною 170 мм., діаметръ головки 16 мм. Крючекъ съ кольцомъ находится на 34 мм. ниже головки. Одна изъ бронзовыхъ полосокъ въ длину 51 мм. и въ ширину 6 мм., другая 37 мм. въ длину и 3 въ ширину, безъ шпеньковъ.

Между этими булавками были еще двѣ, незначительныя въ сравненіи съ вышеупомянутыми.

3) Бронзовыя шпильки (форма одинакова съ № 1—4 мм.). Головка гладкая; на концахъ имѣетъ пуговки. Разстояніе между пуговками 19 мм.;

длина одной шпильки 69 мм., другой 72 мм. У обѣихъ нѣтъ лѣвой пуговицы; подъ головкой, тамъ гдѣ насажена игла, пробуровлено отверстие, въ которое была вдѣта, вѣроятно, цѣпочка; отъ нея слѣдовъ не осталось.

4) 2 бронзовыя оправы отъ кушака. У обѣихъ пряжки состоятъ изъ овальнаго, толщиною 4 мм., кольца, съ внутреннимъ діаметромъ въ 17 и 12 мм. Но у шпенька кольцо расширяется и толщина его не 4, а 9 мм.; вмѣстѣ съ этимъ шпенекъ такъ согнутъ, что почти плотно приходится къ этой толстой части кольца. На большей оправѣ пряжка обтянута бронзовой полоской, длиною и вверху и внизу 110 мм., шириною же вверху 15, внизу только 8 мм. Оба конца соединены шпеньками. На мѣншей оправѣ полоска въ длину такая же, шириною же вверху 14, внизу 8 мм.; шпенекъ выломанъ. Между тѣмъ какъ эта оправа на внѣшней поверхности гладка, бѣлая украшена: въ серединѣ идутъ пунктиромъ 2 линіи, на разстояніи 1 мм.; эти точки состоятъ изъ маленькихъ треугольничковъ; одинъ уголъ каждаго изъ нихъ обращенъ къ серединѣ; трехъ-угольнички эти выбиты.

Къ украшеніямъ похороненнаго здѣсь человѣка принадлежали также:

5) Бронзовый перстень — спиральное разломанное кольцо, имѣющее 6 оборотовъ, шириною въ 2 мм. діаметръ 16 мм. и

6) Обломки бронзовой спирали, изъ плоской, шириною въ 2 мм., проволоки. Длина 36 мм., діаметръ $2\frac{1}{2}$ мм.

Военные доспѣхи этого человѣка состояли изъ 2 остріевъ копья и 2 дротиковъ, параллельно лежавшихъ съ обращенными внизъ остріями тамъ, гдѣ приблизительно должна была находиться правая рука трупа. Всѣ эти вещи сильно заржавѣли.

7) Бѣльшій изъ этихъ дротиковъ, особенно бросающійся въ глаза среди эстонскихъ копій, имѣетъ въ длину 380 мм.; длина отъ конца уже невиднаго почти влагалища до внѣшней поверхности 180 мм., наибольшая ширина внѣшней поверхности 36 мм. Діаметръ влагалища 20 мм.; кончикъ острія загнутъ.

8) Маленькое копьѣ, въ длину 302 мм., влагалища совсѣмъ нѣтъ; длина отъ верхней части влагалища до внѣшней поверхности 120 мм.; наибольшая ширина внѣшней поверхности 36 мм.; на разстояніи 65 мм. отъ конца острія, остріе заступа на уголь.

9) Метательный дротиѣкъ, весьма остро и круто ведущій къ концу, такъ что внѣшняя поверхность очень плоска и неграненная; длина 208 мм.; длина влагалища, не очень хорошо сохранившагося и засореннаго, 70 мм.; діаметръ влагалища 18 мм.

10) Тоже, внѣшняя поверхность въ обыкновенной формѣ; кончика нѣтъ; длина оставшагося 182 мм.; длина неполнаго влагалища 105 мм.; діаметръ влагалища 7 мм.; наибольшая ширина внутренней поверхности 30 мм. Разломана на 2 части.

11) Кромѣ того нашли еще въ этомъ курганѣ желѣзную полосу длиною въ 89 мм., шириною въ 6 мм., толщиною 1 мм.; названіе ея трудно опредѣлить.

Такъ какъ положеніе этихъ вещей въ могилѣ вполне соответствовало ихъ назначенію и такъ какъ онѣ находились вокругъ туловища человѣка, которому служили украшеніемъ, особенно доспѣхи, то необходимо замѣтить, что при погребеніи соблюдался какой-то обычный порядокъ, причѣмъ голова всегда была обращена къ ВСВ (или къ В).

Кромѣ этого кургана было разрыто 20 другихъ, лежащихъ на курганномъ полѣ, въ 50 шагахъ отъ вышеупомянутаго. Древности были найдены только въ двухъ курганахъ, (устройство всѣхъ было одинаково). Въ одной могилѣ была найдена одна только вещь, очевидно украшеніе изъ кости (см. табл. I ф. 16). Діаметръ 45 мм.; ширина отверстія 15 мм., глубина 15 мм.; толщина внѣшняго края 2 мм. Нижняя и верхняя стороны выпуклы. На дорогѣ въ Дерптъ, куда эта вещь была отправлена для изслѣдованія, она была потеряна, такъ что неизвѣстно, изъ какой кости она была сдѣлана. Въ третьемъ курганѣ нашли медаль съ ручкой, вылитую изъ свинца и тоже служившую для украшенія (см. табл. II, ф. 24). Для лучшаго разясненія тутъ же мы помѣстили другую, найденную 10 лѣтъ тому назадъ на островѣ Дагенѣ (см. табл. II, ф. 25).

По раскопкѣ всѣхъ остальныхъ 23, выше упомянутыхъ, кургановъ мы можемъ представить слѣдующіе результаты:

1) Первый откопанный гробъ содержалъ въ себѣ тѣло мужчины, другіе же женщины.

2) Сожиганіе труповъ на этомъ кладбищѣ доказываетъ, что описываемые курганы возникли во времена язычества.

3) Найденныя древности принадлежали эстамъ.

4) Первый курганъ служилъ могилой важнаго лица (можетъ быть ван-нема); это можно заключить по богатымъ вещамъ, найденнымъ тамъ, а также по уединенному положенію на возвышенной мѣстности.

5) По полному отсутствію костей животныхъ, остатковъ съѣстныхъ припасовъ, горшечныхъ черепковъ и домашней рухляди можно заключить, что у тамошнихъ народовъ надъ могилой не совершали тризны.

11) (4 на Монѣ). Курганъ въ Граббенгофѣ.

На версту къ СЗ отъ Монской церкви находится равнина въ 4 кв. версты, идущая къ востоку подъ острымъ угломъ. Границей ея служить на югѣ поле Монской церкви, на западѣ Монское кладбище, на СЗ новая русская Граббенгофская церковь, на С. Pättakülla, на В hie mets. На СВ. равнина эта поросла старинными и высокими можжевеловыми кустами и носить здѣсь названіе Kalmotak. Относительно устройства поверхности можно сказать, что нижній слой состоитъ изъ известковой глины съ кварцемъ; онъ и теперь еще выступаетъ на ЮВ равнины; чѣмъ дальше къ СЗ, тѣмъ больше на глинѣ чернозема, достигающаго у кургановъ 10 дюймовъ толщины. Курганы расположены только въ сѣверной половинѣ равнины. Нужно еще замѣтить, что курганы съ зимы 1868—69 годовъ измѣнились въ внѣшности, что видно изъ взаимнаго сравненія. Надъ ними первоначально лежала плотная куча камней, но во время постройки плотины черезъ малый Зундъ лежавшіе камни были сложены въ кучу и такъ положены для вывоза, какъ ихъ и теперь еще находятъ. Камни слишкомъ тяжелые, или негодные по своей громадности, остались на мѣстѣ, поэтому первоначальный видъ кургановъ сохранился лучше у тѣхъ, которыхъ не касались руки собирателей камней; у нѣкоторыхъ видно еще каменное кольцо, котораго нельзя было удалить, у другихъ же сохранились еще и внутреннія массы. При изслѣдованіи въ 1872 г. раскопки начаты были именно съ этого кургана, который богатствомъ содержанія вознаградила трудъ изслѣдователей. Удаливши нагроможденные надъ могилой камни, они увидѣли слѣдующее состояніе могилы.

Вся равнина съ курганами была окружена каменнымъ кольцомъ, камни

котораго въ діаметрѣ имѣли среднимъ числомъ 2 фута. Огражденное такимъ образомъ пространство простиралось отъ Ю къ С на 12 футовъ, а отъ В къ З на 10 футовъ, такъ что представляло собою овалъ, болѣе острый на сѣверномъ концѣ. Внутри этого кольца лежали 4 большихъ камня, очевидно снесенные туда еще до устройства кольца, что можно заключить изъ того, что въ противномъ случаѣ соорудители кургана сдѣлали бы себѣ работу очень затруднительную. На южномъ концѣ кургана, на разстояніи 2 футовъ отъ кольца, лежатъ 2 камня изъ числа 4-хъ, находящихся внутри, такъ положенныхъ, что разстояніе ихъ плоскихъ граней другъ отъ друга $1\frac{1}{2}$ ф. Правый камень состоялъ изъ красноватаго гранита, имѣлъ въ длину 5 футовъ, въ ширину $2\frac{1}{2}$ и въ высоту $1\frac{3}{4}$ фута; лѣвый также изъ красноватаго гранита въ длину 3 фута, въ высоту $1\frac{1}{2}$ ф. и въ ширину 3. Всѣ четыре камня носили на внутреннихъ, обращенныхъ другъ къ другу, граняхъ, ясныя слѣды огня и сильнаго жара. Другимъ доказательствамъ бывшаго здѣсь сожиганія служатъ остатки каменнаго угля, въ большомъ количествѣ найденнаго не только въ черноземѣ, но и въ лежащей подъ нимъ глинѣ, особенно между четырьмя камнями. Между ними лежали древности, болѣе къ югу, причемъ всѣ вещи были охвачены спиральнымъ кольцомъ; только серебряная плитка тѣсно прилегалла къ южной сторонѣ обращеннаго къ С камня. Однако ни малѣйшихъ слѣдовъ огня на вещахъ не видно. Было найдено:

1) Бронзовое ожерелье, представляющее спираль изъ проволоки, толщиной въ 2 мм., съ внутреннимъ діаметромъ въ 6 мм.; 184 оборота; почти загнута полукругомъ и хорошо сохранилась; концы отломаны (см. табл. II, ф. 32).

2) 6 серебрянныхъ пластинокъ для навѣшиванія къ вышеописанному кольцу. Серебро различной доброты, но вообще малоцѣнное (см. табл. I, въ нат. вел. ф. 21 в.); ф. 22 а, поперечникъ 48 мм., ф. 22 в., діаметръ 41 мм.; ф. 22 с. діаметръ 53 мм.; ф. 22 л. діаметръ 56 мм.; ф. 22 д. діаметръ 41 мм.

3) Серебряная серьга (см. табл. II, ф. 29).

4) Серебряная пряжка (табл. II, ф. 28).

5) Бронзовая пряжка обыкновенной формы; внизу плоская, вверху выпуклѣе; ширина 6—10 мм.; толщина кольца $3\frac{1}{2}$ мм. и внутр. діаметръ 60 мм. Концы выгнуты на 10 мм. и носятъ пуговку, длина которой 12 мм.,

ширина 8 мм., съ 5 углубленіями въ 2 мм. На каждой сторонѣ пуговицы по серединѣ находится зарубка. На верху самаго кольца выпуклая, въ 2 мм. ширины, полоса, къ которой сходятся вырѣзанныя кривыя, отъ 2 до 3 мм. длины, линіи. Шпенекъ, имѣющій въ длину 65 мм., въ толщину $2\frac{1}{2}$, въ ширину 2—6 мм., на широкомъ концѣ оканчивается тоненькой пластинкой, обхватывающей кольцо въ $1\frac{1}{2}$ оборота; наибольшая ширина 29 мм., наименьшая 4 мм.

6) 61 бронзовое колечко, вѣроятно прикрѣпленныя прежде къ матеріи, какъ сказано выше. Длина проволоки $1\frac{1}{2}$ мм., внутренній діаметръ 5 мм.; колечки не совсѣмъ соединены краями, но оставляютъ между ними пространство въ 1 мм.

7) Бронзовая спираль. Всего 11 штукъ, изъ которыхъ наибольшая, при 29 оборотахъ, имѣетъ 25 мм., а наименьшая, при 17 оборотахъ, 15 мм. длины. Толщина проволоки не доходитъ до 1 мм., внутр. діаметръ спирали 3 мм. Эти вещи еще интересны въ томъ отношеніи, что пять изъ нихъ и теперь еще висятъ на шнуркѣ, на который онѣ были нанизаны, Шнурокъ состоитъ изъ 4 крученыхъ изъ шерсти нитокъ и толщина его $1\frac{1}{2}$ мм. Шерсть шнура пропитана теперь мѣднымъ купоросомъ.

8) Бронзовая спираль, длиною 60 мм. Толщина проволоки одинъ миллиметръ и внутренній діаметръ $5\frac{1}{2}$ мм.; 39 оборотовъ.

9) Бронзовая оправа кушака (см. табл. I, ф. 14); длина 67 мм.

10) Бронзовая цѣпочка въ 5 кускахъ. Каждое звено состоитъ изъ 2 колечекъ изъ бронзовой проволоки въ 2 мм. толщины; внутренній діаметръ каждаго колечка 6 мм.; на нѣкоторыхъ висятъ остатки другихъ большихъ колечекъ изъ желѣза. Длина кусковъ 217, 215, 182, 140 и 133 мм.

11) Бронзовая плитка (похожа на ф. 4, табл. VIII, Бѣра); имѣетъ сердцеобразную форму и огружена у концовъ; на той сторонѣ, гдѣ у плитки Бѣра висятъ цѣпочки, было 3 крючка, а на противоположной сторонѣ 1 крючекъ, какъ часто встрѣчается у подобныхъ пластинокъ для навѣшиванія цѣпочки. Наибольшая первоначальная ширина крючковъ приблизительно 75 мм., разстояніе отъ конца до основанія отдѣльнаго крючка 60 мм.

12) 2 обитыя бронзой палочки, какъ у описаннаго обломка № 10 во 2-мъ Пильскомъ курганѣ, у котораго обломаны кольцеобразные концы; въ общемъ сильно заржавѣли.

13) 2 незначительныхъ, сильно заржавѣвшихъ обломка желѣзнаго замка.

14) Нарядная вещь для навѣшиванія. Она превосходной работы и раздѣлена на нѣсколько частей. Металлъ — сильно красноватая бронза, отливающая болѣе на поверхности разными цвѣтами, чѣмъ на обратной сторонѣ и въ разломахъ. Углубленія этого овала (см. табл. II, ф. 26) отливаютъ красиво золотомъ, между тѣмъ какъ другія части сіяютъ зеленовато-золотистымъ отливомъ, какъ напримѣръ искусственные цвѣты, имѣющіе натуральный цвѣтъ бронзы. Исслѣдованіе этой вещи доказало, что она была не только позолочена въ разныхъ мѣстахъ, но и бронзирована въ различные цвѣта. Верхній конецъ, согнутый крючкомъ, отломанъ.

15) Серебряная медаль. Хорошо сохранилась, но безъ надписи и штемпель на ней едва замѣтенъ (см. табл. I, ф. 18).

16) Серебряная монета короля Этельреда, по штемпелю Лелевеля *e*; выпущена, слѣдовательно, во время отъ 978 до 1016 года. На ней выбито: „*Aedelred. Rex Ang.*“ Коронованный грудной портретъ въ мантии. Въ серединѣ маленькій крестъ.

Теперь, представивъ точный ходъ раскопокъ и находокъ въ отдѣльныхъ курганахъ, можно вывести такіа заключенія:

1) Положеніе кургановъ. 4 большихъ камня своими плоскими сторонами были положены въ опредѣленномъ разстояніи другъ отъ другъ. Затѣмъ зажигался между этими камнями огонь, на которомъ сожигали трупъ, причемъ иногда не оставалось и слѣда отъ костей. Потушивъ огонь, клали въ этотъ же промежутокъ между камнями принадлежавшія покойнику вещи; затѣмъ, все это покрывалось сверху меньшими камнями (діаметромъ въ 1 футъ) до вышины отъ 4 до 5 футовъ.

2) Въ найденныхъ древностяхъ попадаются такіа вещи, которыхъ изслѣдователи не встрѣчали уже при позднѣйшихъ раскопкахъ на Монѣ и Эзелѣ.

3) Такъ какъ весьма рѣдко сравнительно попадаютъ оружіе и военные инструменты, въ большомъ же количествѣ нарядныя вещи, носимыя еще и

теперь въ такомъ же почти видѣ женщинами, и притомъ серебряныя, то должно заключить, что это могилы женщинъ и притомъ достаточныхъ, что и доказываютъ остальные раскопки на этомъ могильномъ полѣ.

4) Относительно времени сооружеія кургановъ можно сказать слѣдующее: такъ какъ это громадное количество кургановъ находится возлѣ Монской церкви, основанной почти въ одно время съ вторженіемъ христіанъ, и такъ какъ нельзя допустить, что могло происходить правильное погребеніе съ сожиганіемъ по языческимъ обрядамъ во времена христіанства, то сооруженіе этихъ кургановъ нужно отнести къ 1227 г. Съ другой стороны найденная монета съ изображеніемъ короля Этельреда доказываетъ, что курганъ заложенъ не раньше 978 года.

5) По отсутствію глиняныхъ черепковъ и костей животныхъ, можно заключить, что при похоронахъ не совершалась тризна.

Объ успѣхахъ дальнѣйшихъ раскопокъ, предпринятыхъ г. Гольцмейеромъ въ тѣхъ курганахъ, которые по внѣшности хорошо сохранились, можно передать въ немногихъ словахъ, такъ какъ въ этихъ курганахъ древностей найдено не было.

8 такимъ образомъ вскрытыхъ кургановъ показали, что всѣ они имѣли кольцо, діаметромъ въ 10 футовъ, камни въ нихъ, діаметромъ въ 2 фута. Надъ глиняной почвой лежалъ черноземъ, толщиною въ 10 дюймовъ; въ обоихъ слояхъ находили уголь. На черноземѣ въ семи холмахъ было 2 камня, стороны которыхъ показывали болѣе или менѣе ясныя слѣды огня. Однако они были такъ положены, что нельзя было замѣтить порядка въ расположеніи и направленіи къ странамъ свѣта, вслѣдствіе чего нужно допустить, что направленіе вышеописаннаго кургана къ С случайно. Въ восьмомъ курганѣ былъ большой гранитный камень, длиною въ 5 футовъ, шириною въ 4 фута и такою же вышиною, положенный въ серединѣ и притомъ упиравшійся на подложенный подъ руку трупа рошперъ; онъ не показывалъ никакихъ слѣдовъ обжиганія. При всѣхъ 8 курганахъ была насыпь изъ камней (1 ф. въ діам.), которая возводилась на высоту четырехъ футовъ; такъ она осталась и теперь нетронутой.

Такимъ образомъ эти 8 кургановъ подтверждали сказанное о Грабенгофскомъ. Противорѣчіе, что въ первомъ курганѣ были довольно богатая находки, тогда какъ въ другихъ 8 не было даже слѣдовъ вещей, можно

объяснить тѣмъ, что, вѣроятно, не было обязательно класть вмѣстѣ съ трупомъ вещи покойника (но это опровергается находками въ другихъ курганахъ на Эзелѣ и Монѣ), или тѣмъ, что здѣсь была похоронена богатая женщина, въ другихъ же курганахъ были похоронены бѣдняки. О времени сооруженія этихъ кургановъ можно заключить, основываясь на аналогическомъ устройствѣ ихъ съ первымъ и на положеніи ихъ около него, что они были устроены въ одно и тоже время; въ нихъ также не было слѣдовъ, указывающихъ на тризну надъ покойникомъ.

XVI. Объясненіе таблицъ.

Фигуры 1. Бронзовая пряжка, въ $\frac{1}{2}$ натуральной величины. № 2-й 1-го пильскаго кургана.

Ф. 2. Бронзовая жемчужина. Пильскій 2-й курганъ № 16.

Ф. 3 и 4. Урны погребальныя; въ $\frac{1}{8}$ нат. величины. 3-й пильскій курганъ.

Ф. 5. Обломокъ ноженъ изъ бронзы. Клаусгольмскій курганъ № 11.

Ф. 6. Урна изъ Клаусгольмскаго кургана № 14 (въ $\frac{1}{8}$ нат. величины).

Ф. 7. Желѣзный рѣзецъ. Курганъ въ Пайомойсѣ № 4.

Ф. 8. Вѣшалка для цѣпочекъ изъ бронзы. Первый Курреферскій курганъ № 2.

Ф. 9. Тоже № 4.

Ф. 10. Глиняный сосудъ. Первый Курреферскій курганъ № 7.

Ф. 11. Бронзовая пряжка (въ $\frac{1}{2}$ нат. величины), 2-й Курреферскій курганъ № 1.

Ф. 12. Бронзовое украшеніе ($\frac{1}{2}$ нат. вел.) Тамъ же № 2.

Ф. 13. Двѣ части бронзоваго кольца отъ кушака. Тамъ же № 8.

Ф. 14. Бронзовая пластинка. Граббенгофскій курганъ № 9.

Ф. 15. Одежная шпилька бронзовая. Мелла-Дорфъ № 2.

Ф. 16. Костяное украшеніе. Тамъ же.

Ф. 17. Желѣзный ключъ ($\frac{1}{5}$ нат. велич.). Монскій курганъ № 1.

Ф. 18. Серебряная медаль. Граббенгофъ. № 15.

Ф. 19. Серебряное кольцо. Тагга-Мойсѣ № 2.

Ф. 20. Серебряная серьга. Тамъ же № 3.

Ф. 21—а. Серебряная пластинка съ ручкою. Тамъ же № 4.

Ф. 21—b. Серебряная пластинка съ ручкою. Граббенгофскій курганъ № 2.

Ф. 22. Обломокъ отъ ноженъ винжала бронзовый. Ганзенгофскій курганъ № 6.

Ф. 23 а—d. Серебряныя пластинки съ ручкой. Граббенгофскій курганъ № 2.

Ф. 24. Свинцовая медаль съ ручкой Мелладорфскій курганъ.

Ф. 25. Тоже съ острова Дагена.

Ф. 26. Украшеніе бронзовое для навѣшиванія. Ганзенгофъ № 14.

Ф. 27. Серебряная пряжка. Тагга-Мойсъ № 1.

Ф. 28. Тоже. Граббенгофъ № 4.

Ф. 29. Серебряная серьга. Тамъ же № 3.

Ф. 30. Кусочекъ матеріи съ бронзовыми колечками. Війракюлла Монскій курганъ № 6.

Ф. 31. Оселокъ ($\frac{1}{3}$ нат. вел.). Логгюма.

Ф. 32. Спиральное ожерелье изъ бронзовой проволоки. Граббенгофъ № 1.

Ф. 33. Оселокъ, имѣющій форму ткацкаго челнока. Поймойсъ № 5. ($\frac{1}{3}$ нат. вел.).

Кромѣ историческихъ сочиненій объ остзейскомъ краѣ и Лифляндіи и отрывочныхъ свѣденій, извлеченныхъ изъ журналовъ и собранныхъ на мѣстѣ, матеріалами для историческаго и топографическаго очерка о. Эзеля служили: 1) хроника Генриха Латыша, 2) сочиненія доктора Луце, особенно *Wahrheit und Muthmassung*, 3) *Hupel: Topographische Nachrichten von Liv- und Ehstland (1774—82)*, 4) *Fischer: Versuch einer Naturgeschichte von Livland. 1778*, 5) сочиненіе Бранэмена: „die Reformation in Livland, изданное остзейскимъ обществомъ исторіи и археологіи, 6) Рихтера: „Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen“, 7) преимущественно же барона П. В. Буксегвдена: „Beiträge zur Geschichte der Provinz Oesel“. 1838 г. Рига и 8) Гольцмейера: „Osiliana“, 1868 г.

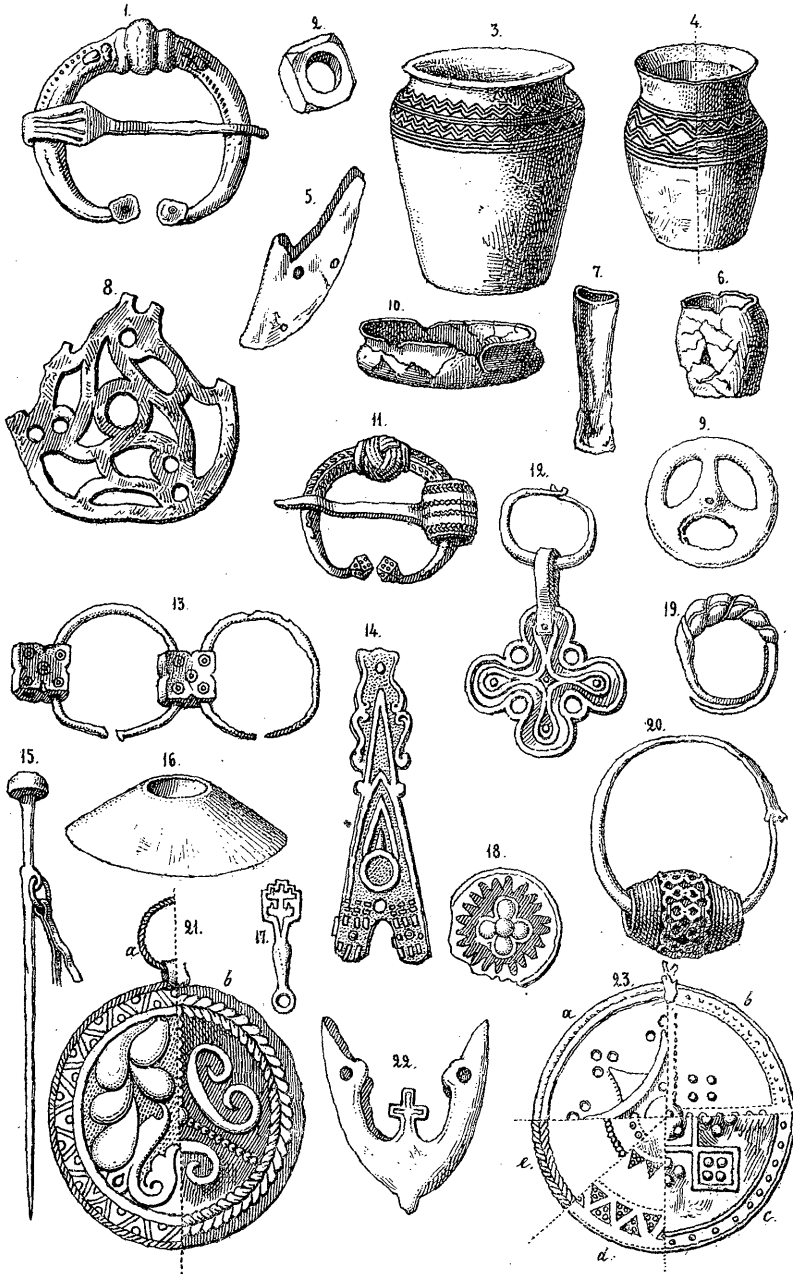

ОГЛАВЛЕНІЕ.

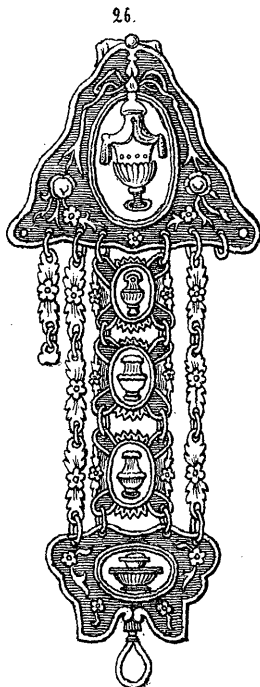
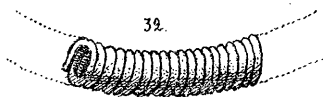
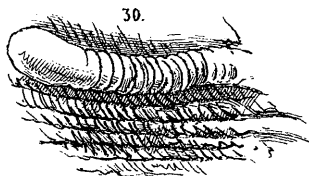
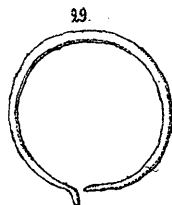
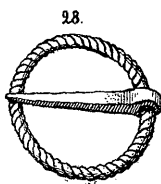
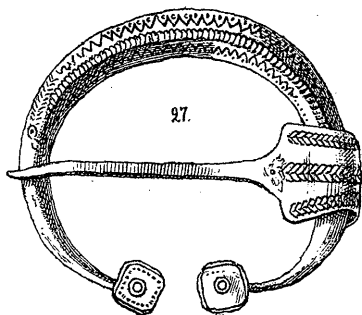
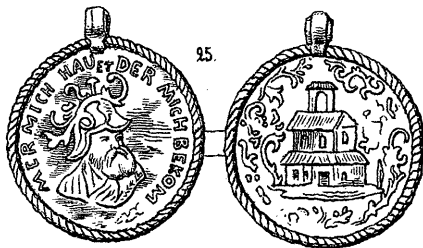
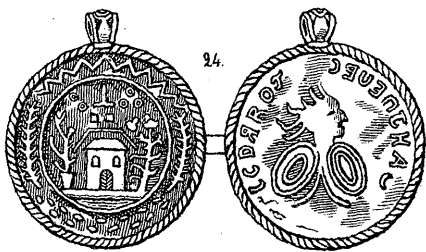

	страниц.
I. Топографія, гидрографія, геологія и орографія острова.....	1— 11
II. Названіе.....	11— 13
III. Историческій очеркъ. Время владычества надъ Эзелемъ епископовъ и ордена, датскаго, шведскаго и русскаго.....	14— 33
IV. Исторія заселенія острова и этнографическія изслѣдованія о жителяхъ его. Нравы, обычаи, повѣрья и пословицы.....	34— 50
V. Внутренній бытъ. Одежда.....	50— 56
VI. Характеръ эзельцевъ.....	56— 61
VII. Ихъ вооруженіе.....	61— 78
VIII. Многочисленность экспедицій и крѣпость ихъ войска.....	78— 80
IX. Эзельцы въ своихъ походахъ.....	80— 83
X. Замки и крестьянскія горы эзельцевъ.....	83—110
XI. Эзельцы во время осады.....	110—111
XII. Эзельцы на морѣ.....	111—120
XIII. Исторія и описаніе аренсбургскаго замка съ крѣпостью и происхожденія города Аренсбурга.....	120—138
XIV. Кладбище. Старинный колоколь. Ратуша. Дворянское собраніе.....	138—145
XV. Аренсбургскія музей и раскопка кургановъ на о. Эзелѣ.....	145—176
XVI. Объясненіе рисунковъ. Пособія и матеріалы. Рисунки.....	176—177

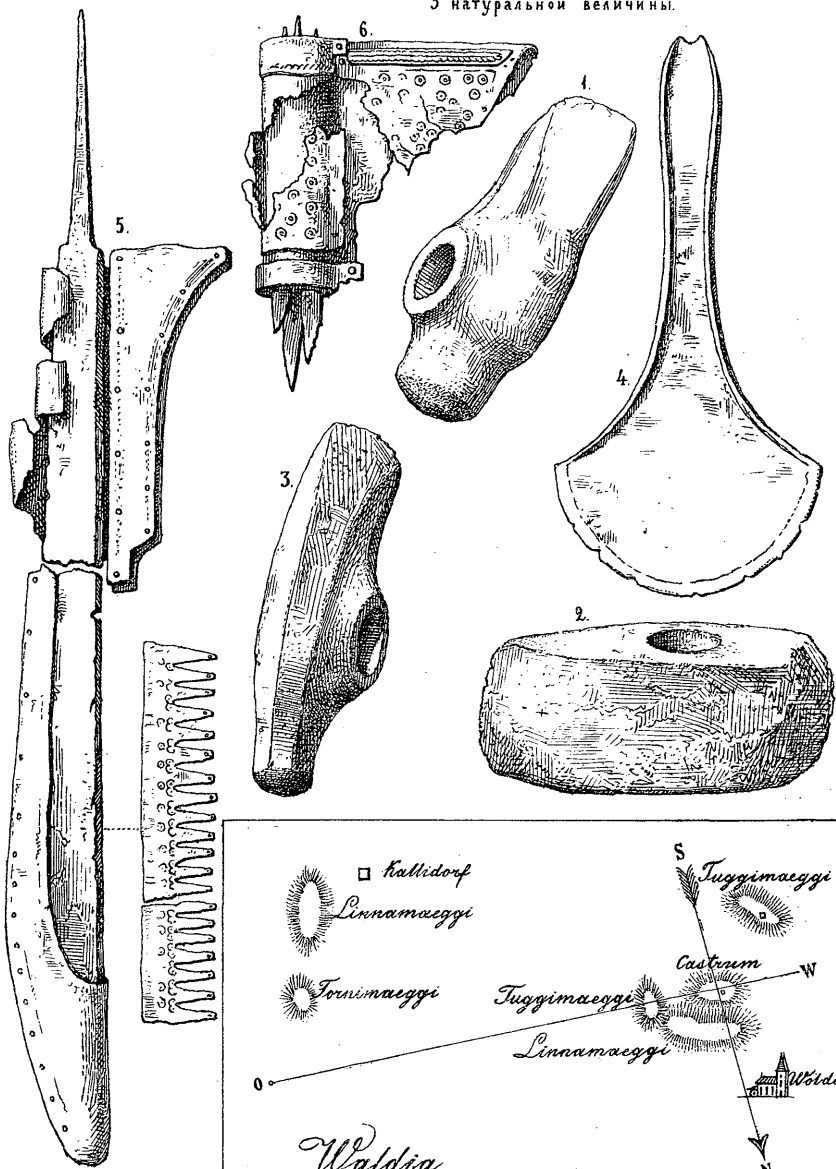

$\frac{1}{3}$ натуральной величины.

□ Kallidorf
Linnamaeggi

Tornimaeggi

Tuggimaeggi

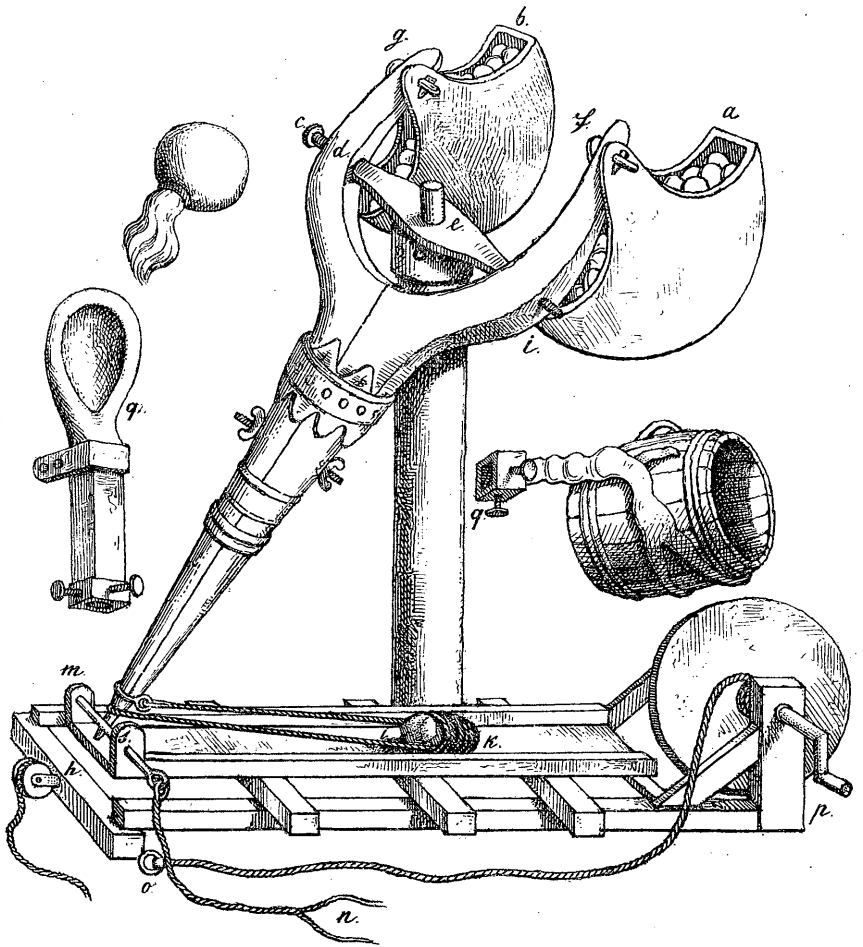
Linnamaeggi

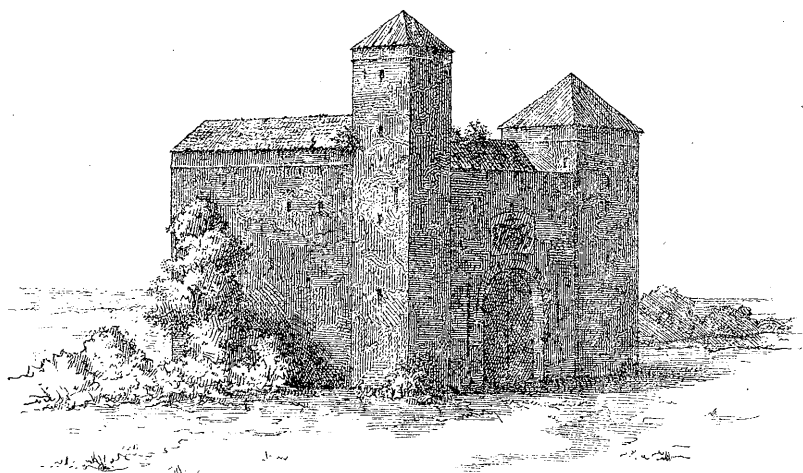
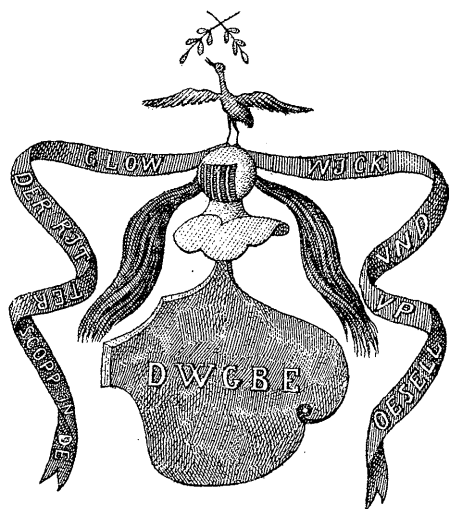
S Tuggimaeggi

Castrum

Wöde

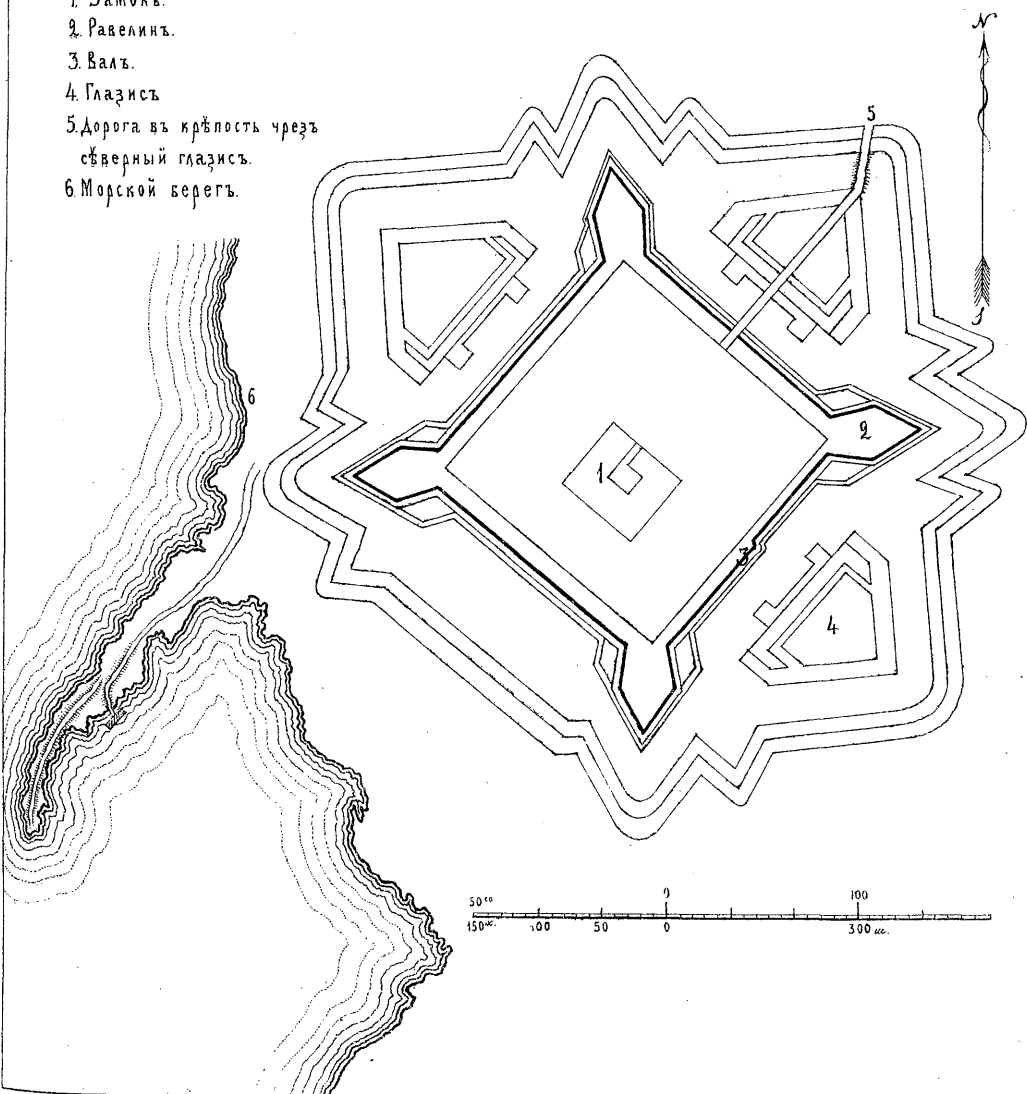
Waldia.

Крепость города Аренбурга.

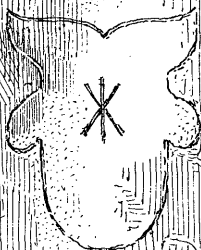
1. Замокъ.
2. Равелинь.
3. Валъ.
4. Глазись.
5. Дорога въ крепость чрезъ сѣверный глазись.
6. Морской берегъ.

ANNO 1595 DEN 1 MAY

STARE

VRGEN

KOEN

ANNO 1604 DEN 13 MAY

STARE

ANNO 1587 DEN 10 FEBRUARS

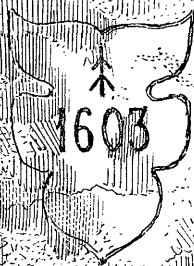
STARE CHRISTO HAS DEM

ANNO 1588 DEN 3 APRIL

1515 MEIN SOHN

PETER

OTCERS GESTO

RBENUND MEIN TOCHTER

URSULA ANNO 1595 DEN

5 LVNY